

Вісник

**Дніпропетровського
університету**

Науковий журнал

№ 11

Том 23

2015

РЕДАКЦІЙНА РАДА:

Чл.-кор. НАН України, д-р фіз.-мат. наук, проф. **М. В. Поляков** (голова редакційної ради); старш. наук. співроб., проф. **В. І. Карплюк** (заст. голови); д-р фіз.-мат. наук, проф. **О. О. Кочубей**; д-р хім. наук, проф. **В. Ф. Варгалюк**; чл.-кор. НАПН України, д-р філос. наук, проф. **П. І. Гнатенко**; д-р фіз.-мат. наук, проф. **О. Г. Гоман**; д-р філол. наук, проф. **В. Д. Демченко**; д-р техн. наук, проф. **А. П. Дзюба**; д-р пед. наук, проф. **Л. І. Зеленська**; чл.-кор. НАН України, д-р фіз.-мат. наук, проф. **В. П. Моторний**; чл.-кор. НАПН України, д-р психол. наук, проф. **Е. Л. Носенко**; д-р біол. наук, проф. **О. Є. Пахомов**; д-р іст. наук, проф. **С. І. Світленко**; акад. Академії наук ВО України, д-р іст. наук, проф. **В. С. Савчук**; акад. Академії наук ВО України, д-р фіз.-мат. наук, проф. **В. В. Скалозуб**; д-р філол. наук, проф. **Т. С. Пристайко**; чл.-кор. НАН України, д-р біол. наук, проф. **А. П. Травлєєв**; д-р техн. наук, проф. **Ю. Д. Шептун**; д-р філос. наук, проф. **О. С. Токовенко**; д-р екон. наук, проф. **Н. І. Дучинська**; д-р філол. наук, проф. **І. С. Попова**; ректор Європейської школи управління, професор **Вятр Єжи Йозеф** (Польща); д-р фіз.-мат. наук, проф. **Ю. Мельников** (США)

Серія: МОВОЗНАВСТВО

Випуск 21 (1)

Дніпропетровськ

Дніпропетровський національний
університет імені Олеся Гончара

*Надруковано за рішенням вченої ради
Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара
(протокол № 6 від 18 грудня 2014 р.)*

Р е ц е н з е н т и:

д-р філол. наук, проф. Т. М. Потніцева

д-р філол. наук, проф. Т. В. Філат

Розглянуто актуальні проблеми сучасного мовознавства на широкому матеріалі української, російської та інших слов'янських і західноєвропейських мов. Багатоаспектний аналіз мовних явищ та одиниць різних рівнів виконано в синхронії та історичній перспективі. Значну увагу приділено опису функціональних різновидів мовлення, питанням перекладу і лінгводидактики. Уміщено рецензію на монографію.

Для наукових працівників, спеціалістів-філологів, аспірантів і студентів філологічних факультетів, а також для широкого кола читачів, які цікавляться проблемами сучасного мовознавства.

Рассмотрены актуальные проблемы современного языкознания на широком материале украинского, русского и других славянских и западноевропейских языков. Многоаспектный анализ языковых явлений и единиц разных уровней выполнен в синхронии и исторической перспективе. Большое внимание уделено описанию функциональных разновидностей языка, вопросам перевода и лингводидактики. Размещена рецензия на монографию.

Для научных работников, специалистов-филологов, аспирантов и студентов филологических факультетов, а также широкого круга читателей, интересующихся проблемами современного языкознания.

Topical problems of contemporary linguistics based on phonetics, grammar and semantics of Ukrainian, Russian and other Slavonic and West European languages are regarded. A multi-sided analysis of language phenomena is performed synchronically and diachronically. A great attention is paid to the research of description of language functional varieties, including the Internet-communication, issues of translation and linguodidactics. Review of monographic researcher is published.

The papers are interesting for scientists, specialists in philology, post-graduate students and students of philological faculties, as well as for a wide range of readers who are interested in the problems of modern linguistics.

Р е д а к ц і й н а к о л е г і я:

д-р філол. наук, проф. **Т. С. Пристайко** (відп. редактор); д-р філол. наук, проф. **О. І. Панченко** (зам. відп. ред.); д-р філол. наук, проф. **І. І. Меньшиков**; д-р філол. наук, проф. **Н. В. Підмогильна**; д-р філол. наук, доц. **І. С. Попова**; д-р філол. наук, проф. **А. М. Поповський**; д-р філол. наук, проф. **А. М. Приходько**; д-р філол. наук, проф. **Ю. О. Шепель**; д-р гуманіт. наук, проф. **Людмила Шипелевич** (Польща); канд. філол. наук, доц. **І. І. Турута** (відп. за вип.)

УДК 811.161.1'367.62.3 + 811.161.1'373.2

О. С. Белозор

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО «ВОЛШЕБНЫЙ» В СОВРЕМЕННОЙ ЭРГОНИМИИ

Рассмотрено значение прилагательного *волшебный* в составе прагматических эргонимов. Установлены основные референтные зоны эргонимов. Проанализированы названия коммерческих предприятий с точки зрения коммуникативно-прагматического аспекта.

Ключевые слова: прагматика, эргоним, референт, семантика, название, адресат.

Білозор О. С. Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара.
ФУНКЦІОНУВАННЯ ПРИКМЕТНИКА «ЧАРІВНИЙ» У СУЧАСНІЙ ЕРГОНІМІЇ

Розглянуто значення прикметника *волшебный* (*чарівний*) у складі прагматичних ергонімів. Установлено основні референтні зони ергонімів. Проаналізовано назви комерційних організацій з огляду на комунікативно-прагматичний аспект.

Ключові слова: прагматика, ергонім, референт, семантика, назва, адресат.

Belozor O. S. Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **FUNCTIONING OF THE ADJECTIVE «ВОЛШЕБНЫЙ» IN MODERN ERGONOMY**

The meaning of the adjective «волшебный» in the composition of pragmatic ergonyms has been considered in this article; the main reference spheres of advertisement names have been established. The present article deals with the analysis of the names of commercial enterprises in terms of communicative and pragmatic aspects. Ergonym usually carries some information due to the addresser's plan which in any way involve the recipient (i. e. potential customer) to the firm. In other words, the ergonomics may involve effects on the recipient, it has pragmatics. In an effort to achieve effective communication, addressers invent a lot of different and original titles for their enterprises.

For achieving settled goals the adjectives with a high degree of associativity had to be used.

The word *волшебный* is a high degree associated adjective, which not only informs of an object of sales or attendance of the company, but at the same time estimates them and elicits positive associations for the recipient.

Performed research shows that actualization of one or another meaning of the adjective *волшебный* depends on the form of activity of a firm or an enterprise. However the meanings «чарующий, пленительный, красивый» are used most times, that can be explained by the main goal of the commercial organizations in forming names – to attract consumer's concern.

Key words: pragmatics, ergonym, referent, semantics, naming unit, recipient.

Исследования последних десятилетий отличаются вниманием к семантическим, словообразовательным и прагматическим особенностям коммерческой номинации, эргонимии и прагматонимии. Обращение к исследованию ономастического сознания обусловлено, с одной стороны, актуальностью антропологического подхода в изучении проприальной лексики, а с другой стороны, – существенным расширением круга именуемых объектов в современном городе, изменением объема и обновлением лексемного состава.

Вслед за Н. В. Подольской, *эргонимом* мы называем разряд онима, собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка [6, с. 151].

Первое обозначение данного класса онимов и попытка их классификации представлены в работе А. В. Суперанской «Общая теория имени собственного»,

где выделяются два типа наименований для обозначения предприятий и учреждений: *реальный*, отражающий местоположение компании и характер ее деятельности, и *символический*, дающий лишь намек на характер деятельности [10, с. 196–197]. Структурное описание эргонимов, особенности их функционирования, классификации представлены в работах А. В. Беспаловой, С. В. Земской, Т. П. Романовой, Д. А. Яловец-Коноваловой [12], Н. В. Шимкевича [11], И. В. Крюковой, О. Е. Яковлевой и др.

Объектом нашего научного интереса являются эргонимы – названия деловых объединений людей, коммерческих предприятий, объектов культуры и спорта, зарегистрированных на территории России. Выбор эргонимии в качестве исходного лингвистического материала и актуальность исследований такого рода обусловлен активным развитием обозначенной группы коммерческих имен, которая составляет неотъемлемую часть языкового пространства и дает представление о языковой личности современного номинатора.

Предмет работы – прагматическая составляющая коммерческой эргонимии, предназначенная для воздействия на адресата (потенциального клиента предприятия).

Под коммерческой эргонимией мы понимаем названия всех структур, так или иначе имеющих главной задачей своей деятельности получение прибыли. Коммерческие эргонимы – названия деловых объединений, созданных для осуществления деятельности, направленной на получение прибыли и обычно вступающих в конкурентные отношения с другими аналогичными объединениями [2, с. 28].

В качестве базы исследования было задействовано 200 эргонимов, включающих прилагательное *волшебный*. Источником фактического материала послужили электронные справочники предприятий России и Украины (Каталог предприятий и организаций «Фирмы России» [4], Справочник предприятий России [9], Общероссийская сеть бизнес-порталов «ROSFIRM» [<http://www.rosfirm.ru>], «AllBiz» [<http://www.ua.all-biz.info>]).

В **задачи** исследования входило выделение основных референтных зон в соответствии с назначением называемых эргонимом референтов, анализ функций эргонима.

Эргонимы, включающие прилагательное *волшебный*, мы относим к прагматическим ассоциативным эргонимам, призванным повлиять на адресата путем создания положительных ассоциаций, а не путем сообщения ему информации о предприятии. Как показывает анализ, обращение номинатора к данному адъективу продиктовано стремлением привлечь клиента. Эта функция стоит на первом месте в рекламной формуле AIDA, известной в практике американского маркетинга модели потребительского поведения, описывающей последовательность событий, ведущих к принятию решения о покупке: attention – привлечь внимание покупателя → interest – заинтересовать его предложением → desire – возбудить желание иметь рекламируемый товар → action – конечная цель – побудить реципиента к главному действию – покупке товара [8].

Как показал анализ, эргонимы, включающие прилагательное *волшебный*, называют различные предприятия, торговые фирмы, театры, кафе, агентства, магазины, медицинские учреждения, фотошколы, развлекательные центры, детские сады, дизайн-студии, парки культуры и отдыха.

Мы выделили 6 референтных зон анализируемых прагматических эргонимов: *развлечения, продукты питания, здоровье, ткани и декор, полиграфия, сер-*

вис. Критерием такого разделения послужило назначение предлагаемых предприятиями услуг, сфера деятельности деловых объединений.

Рассмотрим каждую из названных групп подробнее.

Самой многочисленной и разнообразной является референтная зона «Развлечения». Под *развлечением* мы понимаем групповое или индивидуальное проведение досуга (игра, физические упражнения и др.). Эргонимы, отнесенные к этой группе, называют развлекательные комплексы («*Волшебный мир*»), музеи («*Волшебный букварь*»), компании, занимающиеся организацией праздников («*Волшебная лампа*», «*Волшебная страна*», «*Волшебный балаганчик*», «*Волшебный праздник*», «*Бюро волшебных услуг*»), парки культуры и отдыха («*Волшебный мир*»), театры («*Волшебная лампа*», «*Волшебная флейта*»), кафе («*Волшебный колокольчик*»), бистро («*Волшебная сковородка*»), кофейни, бары («*Волшебная ночь*», «*Волшебный мир*»), туристические агентства («*Волшебный путь*», «*Волшебный остров*», «*Агентство волшебных путешествий*»), детские сады и центры («*Волшебный микрофон*», «*Волшебный городок*», «*Волшебный замок*», «*Волшебный ребенок*»).

Адъектив *волшебный* обладает высокой степенью положительной оценки и поэтому наряду с реализацией второго значения («чарующий, пленительный, красивый» [5; 7]), например «*Волшебный праздник*», «*Агентство волшебных путешествий*», «*Волшебный белый*», эргонимы влияют на адресата, вызывая положительные ассоциации с главным денотатом, а не указывая на сферу деятельности компании, и могут обладать множественностью референтов («*Волшебный городок*», «*Волшебный мир*», «*Волшебный магазин*»).

Менее количественной является референтная зона «Продукты питания». Эргонимы, отнесенные к этой группе, называют компании, фабрики, магазины, занимающиеся производством, поставкой или продажей продуктов в натуральном или переработанном виде, питьевой воды, безалкогольных напитков (ТФ «*Волшебная вода*», магазин чая и кофе «*Волшебный аромат*», «*Волшебный кондитер*», маслозавод «*Волшебный край*», ЧП «*Волшебные торты*», фирма «*Волшебная мельница*» (мучные изделия).

Рассматривая полиграфию как отрасль промышленности, в состав референтной зоны «Полиграфия» мы включили не только названия фирм, занятых производством печатной продукции, продажей соответствующих технических средств, но и фототоваров, компании, оказывающие фотоуслуги: «*Волшебная радуга*» (фототовары), «*Волшебный мир*» (полиграфические и копировальные услуги, тиражирование), «*Волшебный подарок*» (копирование), «*Волшебный след*» (фотостудия), «*Волшебная студия*» (фотошкола), «*Волшебная лавка*» (печатная продукция).

К референтной зоне «Здоровье» мы отнесли названия фирм, занимающихся распространением и продажей средств, обеспечивающих нормальное функционирование человеческого организма: «*Волшебный сон*» (медицинские расходные материалы), «*Волшебная ночь*» (товары для здоровья), «*Волшебная кембрийская глина*» (лечебные грязи). Одно из значений прилагательного *волшебный* – обладающий чудодейственной силой [5] – находит отражение в названии медицинских учреждений: «*Волшебные руки*» (сеть массажных салонов), «*Волшебная сила*» (центр парапсихологии, целительства и народной медицины).

Референтная зона «Сервис» включает названия компаний и организаций, занимающихся обслуживанием, удовлетворением бытовых, текущих или постоянных нужд: салон красоты «*Волшебное зеркало*», рекламное агентство «*Волшеб-*

ный мир», строительная компания «*Волшебный город*», ателье «*Волшебная нить*», дизайн-студия ручной вышивки «*Волшебное пальце*», компания по изготовлению ростовых кукол «*Волшебная мастерская*».

В состав референтной зоны «Ткани и декор» были включены названия магазинов тканей и сопутствующих товаров (торговый отдел «*Волшебный клубочек*», магазин «*Волшебные ткани*»), магазинов декора и дизайна («*Волшебный свет*», «*Волшебный мир цветов*», «*Волшебная лавка*»).

Как уже было отмечено, некоторые проанализированные эргонимы характеризуются множественностью референтов. Например, эргоним «*Волшебный свет*», в котором существительное *свет* реализует 2 значения:

– «освещение» [3] (в названиях центров систем освещения, магазинов светильников, люстр, торшеров и электротоваров);

– «Земля, Вселенная, а также люди, населяющие ее» [5] (магазины подарков, товаров для детей и прочее).

Наиболее часто эргоним представляет собой сочетание опорного компонента *мир* с адъективом *волшебный*. Прилагательное *волшебный* в таком случае реализует значения «земной шар, Земля, а также люди, население земного шара» [Там же] и входит в состав эргонимов, называющих развлекательные комплексы, кафе, спортбары, рекламные агентства, магазины детских товаров, компьютеров, компании, оказывающие копировальные и полиграфические услуги.

Таким образом, проведенное исследование позволяет говорить о том, что значение прилагательного *волшебный* (не знающий себе равных, изумительный, исключительный, непревзойденный, чудесный, чудодейственный, фантастический, феерический, великолепный) [1; 5] в процессе номинации дает положительную оценку личного свойства человека или признака предмета, тем самым предопределяя широкое использование атрибута *волшебный* для наименования организаций. Адъектив *волшебный*, входящий в состав эргонима, не только выражает признак, но и дает оценку, называемому качеству, выполняет максимум функций, свойственных данному виду онимов (рекламную, номинативно-выделительную), вносит вклад в формирование благоприятного имиджа фирмы.

Библиографические ссылки

1. **Александрова З. Е.** Словарь синонимов русского языка / З. Е. Александрова. – М., 1986. – 600 с.
2. **Белозор О. С.** Прагматическая эксплуатация прилагательного *чистый* в составе эргонимов / О. С. Белозор // Вісн. Дніпропетр. ун-ту. Сер. Мовознав. – 2010. – Вип. 16. – С. 27–32.
3. **Даль В. И.** Толковый словарь русского языка: современное написание / В. И. Даль. – М. : Астрель : АСТ, 2007. – 983 с.
4. **Каталог предприятий и организаций «Фирмы России»** [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http://www.rufirms.net].
5. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов. – Режим доступа : http://www.ozhegov.org/. – Загл. с экрана.
6. **Подольская Н. В.** Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская / под ред. А. В. Суперанской. – [2-е изд.]. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
7. **Словарь русского языка** : в 4 т. – Изд. 3-е, стер. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз., 1988. – Т. 4 (С – Я). – 800 с.
8. **Словарь фрирайтера** [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://profreelance.ru/articles/slovar_free-writer/. – Загл. с экрана.

9. **Справочник предприятий России** [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.09009.ru/sprav.php>. – Загл. с экрана.
10. **Суперанская А. В.** Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 2007. – 366 с.
11. **Шимкевич Н. В.** Русская коммерческая эргонимия : прагматический и лингвокультурологический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Н. В. Шимкевич. – Екатеринбург, 2002; [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://elag.usu.ru/bitstream/1234.56789/548/1/urgu0088s.pdf>. – Загл. с экрана.
12. **Яловец-Коновалова Д. А.** Названия коммерческих предприятий : ономаσιологическая классификация и функционирование в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Д. А. Яловец-Коновалова. – Челябинск, 1997. – 24 с.

Надійшла до редколегії 20.01.15

УДК 81'373.43

Т. Н. Высоцкая

*Государственное высшее учебное заведение «Национальный горный университет»
(г. Днепропетровск)*

НОМЕНКЛАТУРНЫЙ ЗНАК В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ НОМИНАЦИИ ГОРНОТЕХНИЧЕСКИХ АРТЕФАКТОВ

Рассмотрен номенклатурный знак как одно из средств номинации горнотехнических артефактов (ГТА); определены его понятие, функции и структура. Проведен анализ номенклатурных наименований ГТА и их расшифровок.

Ключевые слова: технические номенклатурные наименования, номенклатурный знак, технический номен, средство номинации, горнотехнический артефакт.

Висоцька Т. М. Державний вищий навчальний заклад «Національний гірничий університет» (м. Дніпропетровськ). **НОМЕНКЛАТУРНИЙ ЗНАК У СИСТЕМІ ЗАСОБІВ НОМІНАЦІЇ ГІРНИЧОТЕХНІЧНИХ АРТЕФАКТІВ**

Розглянуто номенклатурний знак як один із засобів номінації гірничотехнічних артефактів (ГТА); визначено його поняття, функції та структура. Проаналізовано номенклатурні найменування ГТА та їх розшифровки.

Ключові слова: технічні номенклатурні найменування, номенклатурний знак, засіб номінації, гірничотехнічний артефакт.

Vysotskaya T. N. State Higher Educational Establishment «National Mining University» (Dnipropetrovsk). **NOMENCLATURE SIGN IN THE MINING TECHNICAL ARTIFACTS NOMINATION MEANS SYSTEM**

Technical nomenclature nominations are widely used in different areas of science and technology. They help to meet the demands in concrete, specific nominations of industrial goods. This demand is in its turn stipulated by the necessity to identify the growing same class (subclass) goods type range. As a rule, technical nomens stand for the types, serials, models, standard sizes or constructive peculiarities of equipment, devices, machines, units, machinery etc.

Our research deals with a nomenclature sign in the system of mining technical nominations. The purpose of the given research is to investigate this lexical phenomenon as one of the mining technical artifacts nomination means. With this aim in purpose we have to cope with the following tasks: to define the notion «nomenclature sign», to outline its functions and structure, to illustrate mining technical artifacts nomenclature designations. Modern investigations in linguistics lack clear criteria of nomenclature signs definition. There is no single approach to understanding of such units linguis-

tic nature. The problem of terminology and nomenclature differentiation expediency is also not solved. All these let us deal with nomenclature as one of the burning problems of modern linguistics.

In the result of some mining technical nomenclature nominations and their decoding analysis we came to the conclusion that nomens, as a rule, replace detailed descriptions of the artifacts, giving them an economic, compressed form.

Key words: technical nomenclature nominations, nomenclature sign, technical nomen, means of nomination, mining technical artifact.

Технические номенклатурные наименования широко используются в различных областях науки и техники и «служат для удовлетворения потребности в конкретных наименованиях продуктов производственной деятельности, вызванной необходимостью идентифицировать растущее многообразие типов предметов в пределах одного класса/подкласса продуктов» [6, с. 53].

Как правило, технические номены обозначают типы, серии, модели, типоразмеры, конструктивные особенности устройств, приборов, аппаратов, машин, механизмов и т. д.

Цель данного исследования – рассмотреть номенклатурный знак как одно из средств номинации горнотехнических артефактов. **Задачи исследования:** дать определение понятия «номенклатурный знак», проследить связь номенклатурного знака и термина, определить функции и структуру номинативного знака, проиллюстрировать номенклатурные обозначения горнотехнических артефактов.

Вопрос о *номенклатуре* как лексико-номинативном пласте, отличном от терминологического, затрагивался в работах многих исследователей и до сих пор представляет собой предмет дискуссий [5, с. 47; 11, с. 50]. В современных работах отсутствуют четкие критерии выделения номенклатурных знаков, нет единого подхода к пониманию лингвистической природы таких единиц, нет и однозначного решения проблемы целесообразности разграничения терминологии и номенклатуры, предложенного Г. О. Винокуром (цит. по: [3]) и поддержанного А. А. Реформатским [12, с. 46–54] и Т. Л. Канделаки [8, с. 51–52]. Противопоставление номенклатурных наименований терминам стало точкой пересечения различных мнений. В частности, одни ученые считают, что разграничение этих двух категорий возможно только в теоретическом плане, а в исследованиях практического, прикладного характера таких разграничений, как правило, нет. Другие полагают, что нет никакой потребности резко размежевывать термин и номенклатурный знак, обосновывая это фактом отсутствия названий, которые не были бы в прошлом связаны с конкретными понятиями. Третьи считают такое разграничение не только возможным, но и нужным и оправданным.

Мы придерживаемся последней позиции и, как и многие исследователи, понимаем под номенклатурой символические, условные названия определенной структуры, специально создаваемые на базе терминов денотативного типа для обозначения классов конкретных однородных предметов специальной сферы [1, с. 6; 5, с. 45; 11, с. 51; 14, с. 34; 15, с. 256].

В то же время мы разделяем мнение ученых о том, что функционально номенклатурные наименования едины с терминами, основываются на них, что номенклатура является низшим звеном терминологической лексики в том смысле, что ее понимание невозможно без понимания других, собственно терминологических обозначений данной области знания. Номенклатурные наименования непосредственно связаны с терминами, являются как бы их сателлитами [5; 9; 10], что дает основание рассматривать номенклатурные знаки в качестве специфической части терминологической лексики (см. об этом: [11, с. 36; 16, с. 44]). В логико-

понятийном отношении номенклатурные обозначения всегда находятся на более низком уровне, чем общие термины того или иного тематического класса, и занимают нижние ступени многоуровневой родовидовой иерархии обозначений специальных объектов.

Выделение номенклатуры, в частности технических номенов, тесно связано с их особым назначением – дать максимально удобное с практической точки зрения средство для обозначения предметов [6, с. 55].

В работах Т. С. Пристайко [11, с. 51], С. Д. Шелова и В. М. Лейчика [16, с. 44] показано, что номенклатурное наименование представляет собой номинативное образование, состоящее из двух частей. Первый синтаксически главный компонент является общим (родовым) термином для выделяемого номенклатурного ряда частных специальных объектов, к имени которого присоединяется второй, достаточно условный компонент (номенклатурный показатель, номенклатурный маркер). Первый компонент выполняет функцию «указателя рода, показателя принадлежности обозначаемого номеном объекта к группе однотипных объектов, определителя места данного номена в системе наименований» [13]. В свою очередь, номенклатурный показатель в составе технических и производственно-технических номенов чаще всего состоит из двух частей: графемной (буквенной) и цифровой, за каждой из которых закреплены вполне определенные функции [5, с. 46; 11, с. 50; 15, с. 256; 16, с. 44; 17, с. 30]. Помимо буквенно-цифровых номинаций в номенклатурный показатель могут входить аббревиатуры, антропонимы, слова общего языка (метафоры) и др., которые образуют различные формальные структурные модели номенклатурных показателей и соответственно номенклатурных наименований. Второй компонент свидетельствует о наличии у объекта особенностей, выделяющих его из совокупности однотипных объектов, и является дифференцирующим показателем.

Наше исследование показало, что вторые компоненты номенклатурных обозначений горнотехнических артефактов в основном оформляются по двум структурным моделям. В соответствии с этим были выделены две разновидности горнотехнических номенов.

1. Номены, второй компонент которых представляет собой графемно-цифровой индекс: «Маркируют комплексы очистные длинных очистных забоев для пластов до 35° обычно буквами МК или КМ (например, КМ87, КМ97Д, КМ81, 1МКМ, 2МКЭ – комбайновые комплексы) и ими же с приставкой С, если выемка осуществляется струговой установкой (например, КМ88С – струговой комплекс). Буквенное обозначение комплекса очистного с оградительно-поддерживающими крепями – ОКП или УКП. Цифровая приставка 1, 2 или 3 перед индексом означает типоразмер комплекса очистного. Если к наименованию комплекса после индекса-номера добавлена буква А (например, КМ87А или 2КГДА), комплекс очистный автоматизирован, буква З (например, КМЗ) – работает с закладкой выработанного пространства». «Конусные дробилки крупного дробления характеризуются шириной приёмного и выходного отверстий (например, ККД-1500/300 – конусная крупного дробления с шириной приёмного отверстия 1500 мм и выходного отверстия 300 мм)». «Подъемные машины могут иметь барабанные органы наливки или оборудоваться шкивами трения. Первые в зависимости от конструкции и числа барабанов изготавливаются 4 типов и обозначаются: цилиндрические однобарабанные (Ц), цилиндрические однобарабанные с разрезным барабаном (ЦР), цилиндрические двухбарабанные (2Ц), бицилиндроконические с разрезным барабаном (БЦК)» [4].

2. Номены, второй компонент которых является условным названием: «Все механизмы монтируются на общей раме, оболочке щита и др., например: комбай-

новый комплекс "Союз-19", ... буровзрывной комплекс "Сибирь"; «Комбайны типа "Донбасс" и УКТ ... позволили механизировать выемку угля на пластах мощностью соответственно 0,8-2,8 и 0,55-0,8 м». «К таким струговым установкам относятся установки типа АК-3 (СССР), получившие промышленное применение, а также "Аббауавтомат" (ФРГ)». «Современная врубовая машина ("Урал-33") имеет гидравлический механизм подачи» [4].

Анализ приведенных выше номенклатурных наименований ГТА и их расшифровок показал, что они представляют собой своеобразные номинативные комплексы, состоящие из двух компонентов, первый из которых, как правило, представлен родовым термином, а второй может иметь словесное, графемно-цифровое или смешанное оформление. Независимо от выраженности второго компонента словом, словосочетанием или графемно-цифровым индексом номены рассматриваемого типа связаны с обозначаемым элементом терминосистемы двойной связью, причем за каждым из двух составляющих его компонентов закреплены определенные функции и каждому из них соответствуют четкие семантические признаки.

Номены, как правило, замещают развернутые описания именуемых артефактов, представляя их в экономайной, компрессивной форме. Нельзя не согласиться с учеными, которые отмечают, что, проигрывая терминам в прозрачности своей смысловой и логической структуры, номенклатура значительно выигрывает в обозначении сложных сочетаний различных признаков объекта лаконичным способом, представляя собой в данной части терминологической лексики результат действия закона экономии языковых средств.

Характеризуя номены, исследователи отмечают, что это наиболее искусственная и потому подверженная изменениям часть специальной лексики. В номенклатуре вероятны различного рода замены, изменения статуса названий или выход названий из употребления. Нельзя не согласиться с мнением Р. Е. Березниковой о том, что «жизнь номенов вследствие их особо тесной связи с объектами особенно отчетливо зависит от существования этих объектов. Выход из употребления объекта в подавляющем большинстве случаев влечет за собой почти одновременное устранение из употребления номена» [2, с. 84].

Перспектива дальнейших исследований заключается в расширении сферы изучения наименований горнотехнических артефактов как единиц терминологической номинации.

Библиографические ссылки

1. **Ахманова О. С.** Экстралингвистические и внутрилингвистические факторы в функционировании и развитии языка / О. С. Ахманова // Теоретические проблемы современного советского языкознания. – М., 1966. – С. 69–74.
2. **Березникова Р. Е.** Подача номенов в словарях разных типов / Р. Е. Березникова // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. – Л., 1976. – С. 83–91.
3. **Винокур Г. О.** О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии / Г. О. Винокур // Татаринов В. А. История отечественного терминоведения : очерк и хрестоматия. – М., 1994. – С. 218–283.
4. **Горная энциклопедия** / под ред. Е. А. Козловского. – М. : Сов. энцикл., 1989. – Т. 4. – 623 с.; [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.mining-enc.ru/>. – Загл. с экрана.
5. **Гринев С. В.** Введение в терминоведение / С. В. Гринев. – М. : Моск. лицей, 1993. – 309 с.

6. **Дробышева Н. Л.** Формирование и функционирование лексики жилищно-коммунального хозяйства : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Н. Л. Дробышева. – М., 2011. – 177 с.
7. **Дроздова Т. В.** Типы и особенности многокомпонентных терминов в современном английском языке (на материале терминологии производства искусственного холода) : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Т. В. Дроздова. – М., 1989. – 210 с.
8. **Канделаки Т. Л.** Значение терминов и системы значений научно-технических терминологий / Т. Л. Канделаки // Проблемы языка науки и техники. – М., 1970. – С. 3–40.
9. **Канделаки Т. Л.** К вопросу о номенклатурных наименованиях / Т. Л. Канделаки // Вопросы разработки научно-технической терминологии. – Рига, 1973. – С. 60–70.
10. **Комарова З. И.** Русская отраслевая терминология и терминография : учеб. пособие / З. И. Комарова. – Каменец-Подольский : Изд-во гос. ун-та, 1990. – 36 с.
11. **Пристайко Т. С.** Лексико-номинативная организация специального текста : монография / Т. С. Пристайко. – Д. : УКО ІМА-прес, 1996. – 200 с.
12. **Реформатский А. А.** Дихотомическая классификация дифференциальных признаков и фонематическая модель языков / А. А. Реформатский // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. – М., 1961. – 253 с.
13. **Сербиновская Н. В.** Терминологическое поле «Маркетинг» в русском языке / Н. В. Сербиновская. – Новочеркасск: ЮРГТУ (НПИ), 2009. – 234 с.; [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://window.edu.ru/window/library/pdf2txt?p_id=40946&page=1. – Загл. с экрана.
14. **Суперанская А. В.** Общая терминология. Вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. – М. : Наука, 1989. – 245 с.
15. **Татаринов В. А.** У истоков теоретической терминографии / В. А. Татаринов // Филол. науки. – 1996. – № 1. – С. 81–98.
16. **Шелов С. Д.** Номенклатурные наименования как класс научно-технической лексики: состав и функции : учеб. пособие / С. Д. Шелов, В. М. Лейчик– СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та, 2007. – 80 с.
17. **Шелов С. Д.** Терминология, профессиональная лексика и профессионализмы (к проблеме классификации специальной лексики) / С. Д. Шелов // Вопр. языкознания. – 1984. – № 5. – С. 76–86.

Надійшла до редколегії 14.01.15

УДК 81'276.6

Л. А. Ким

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ПОНЯТИЕ О НЕИЗМЕНЯЕМОМ ЗАВИСИМОМ КОМПОНЕНТЕ ТЕРМИНА И ЕГО ПРИЗНАКАХ

Рассмотрено понятие неизменяемого зависимого компонента (НЗК) термина. Определен функциональный статус НЗК. Представлен анализ НЗК с точки зрения: 1) наличия / отсутствия самостоятельного лексического значения; 2) разложимости / неразложимости структуры; 3) способности / неспособности самостоятельного употребления; 4) графического оформления; 5) происхождения; 6) используемой алфавитной системы. В соответствии с отмеченными признаками выделены основные виды НЗК.

Ключевые слова: *термин, терминокомпонент, неизменяемый зависимый компонент термина (НЗК), признаки НЗК, виды НЗК.*

Кім. Л. А. Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара.
**ПОНЯТТЯ ПРО НЕЗМІННИЙ ЗАЛЕЖНИЙ КОМПОНЕНТ ТЕРМІНА ТА ЙОГО
 ОЗНАКИ**

Розглянуто поняття незмінного залежного компонента (НЗК) терміна. Визначено функціональний статус НЗК. Проаналізовано НЗК з погляду: 1) наявності / відсутності самостійного лексичного значення; 2) здатності структури розкладатися / нерозкладатися; 3) спроможності / неспроможності самостійного вживання; 4) графічного оформлення; 5) походження; 6) використовуваної алфавітної системи. Відповідно до ознак виділено основні види НЗК.

Ключові слова: термін, термінокомпонент, незмінний залежний компонент терміна (НЗК), ознаки НЗК, види НЗК.

Kim L. A. Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **THE NOTION ABOUT
 UNCHANGEABLE DEPENDENT COMPONENT OF THE TERM AND ITS SIGNS**

The article deals with the description of kinds of UDC, defined in multicomponent term. The tasks were the following: 1) to define the main signs of UDC, pointed out from the logical, morphological and another points of view; 2) judging from the defined signs to present the classification of the key types of UDC. The research was performed with the help of analytical and descriptive method (the system of observation, correspondence, generalization, typologization of the material analyzed and its quantitative representation).

The results of the research. The analysis of UDC is represented from the point of view of: 1) possession/non-possession of independent lexical meaning; 2) if the structure can or cannot spread; 3) ability or disability to be used separately; 4) graphics; 5) origin; 6) alphabet system used. According to these signs the following types of UDC are defined: notional, free and connected; non-spread, spread and compoundcontracted; written through the hyphen and separately-shaped; phrases, fully spread, semi-spread and non-spread; non-native and native russian; written in the original variant and in changeable variant.

Key words: the term, component of the term, unchangeable dependent component of the term (UDC), signs of UDC, types of UDC.

Появление новых терминов – активный и постоянный процесс в любом, в том числе и русском, языке, обусловленный развитием науки и техники, совершенствованием представлений человека о природе, частью которой он является, предметном мире и их взаимодействии. Обновление номинативного фонда современных языков для специальных целей обеспечивается действием эффективных механизмов языковой системы, обслуживающих процессы неологизации. Особое место среди терминологических единиц занимают номинации, в структуру которых входят неизменяемые (несклоняемые) зависимые терминокомпоненты (НЗК), выполняющие функцию атрибута. Такими компонентами могут быть заимствованные неизменяемые полифункциональные имена, получившие в научной литературе название аналитических (см. об этом: [1, с. 38–49]), аббревиатуры, инфинитивы, наречия, предложно-именные группы наречного типа, условные наименования и профессиональные выражения [6, с. 52–92] и т. д. В системном аспекте подобные образования в языке для специальных целей все еще изучены не достаточно полно.

Отмеченное обусловило *актуальность* проводимого исследования, *цель* которого заключается в описании видов НЗК, выделяемых в составе многокомпонентного термина. В *задачи* исследования входит: 1) охарактеризовать признаки НЗК, выделяемые с точки зрения логического, морфологического и других критериев; 2) опираясь на выделенные признаки, представить классификацию основных видов НЗК. *Материалом* исследования послужили термины, извлеченные методом сплошной выборки из специальных словарей, репрезентирующих терминосистему экономики [2; 9]. Исследование осуществлялось в основном при помощи аналитико-описательного *метода* (приемы наблюдения, сопоставления,

обобщения, типологизации анализируемого материала, его количественной репрезентации).

С точки зрения терминологического статуса НЗК квалифицируются как терминокомпоненты [5]. Как свидетельствуют научные источники, терминокомпоненты, или терминоэлементы (в широком понимании), могут быть охарактеризованы не по одному, а по многим признакам, в частности по логическому, морфологическому, этимологическому [3, с. 46–47]. Так, в соответствии с логическим критерием различают определяющие и определяемые терминоэлементы; морфологический критерий позволяет выделить морфемные (корневые, префиксальные и прочие) терминоэлементы в морфологической структуре слова; согласно этимологическому критерию терминоэлементы классифицируются на иноязычные, греко-латинские и т. д.

Опираясь на типологические характеристики терминоэлементов, изложенные в работах [3; 7], сформулируем и рассмотрим признаки, которым отвечают такие компоненты, а именно: 1) наличие / отсутствие самостоятельного лексического значения; 2) разложимость / неразложимость структуры; 3) способность / неспособность употребляться самостоятельно; 4) графическое оформление; 5) происхождение; 6) используемая алфавитная система.

В соответствии с признаком «наличие / отсутствие самостоятельного лексического значения» большинство из анализируемых НЗК представляют собой знаменательные слова, словосочетания или аббревиатуры, обладающие самостоятельным лексическим значением в системе общего языка или языка для специальных целей. Например, в термине *вес брутто* ('вес товара вместе с тарой и упаковкой' [2, с. 116]) НЗК *брутто* сохраняет свое лексическое значение 'масса товара с упаковкой' [Там же, с. 94]. НЗК *дополнительно* входит в состав определяющего терминоэлемента *дополнительно привилегированные* со значением 'в добавлении к чему-л., сверх имеющегося ранее' [10, т. 1, с. 430] и отражает эту семантику в дефиниции термина *дополнительно привилегированные акции* – 'привилегированные акции, которые дают право на получение фиксированных дивидендов, а также дополнительных дивидендов при определенных условиях на их получение' [2, с. 31]. НЗК *мера стоимости* получает свое истолкование в дефиниции термина *функция денег «мера стоимости»* – 'существенный параметр и форма существования денег...; она стихийно, объективно и идеально выражает денежную форму стоимости товара – цену товара или услуги, то есть играет роль всеобщего эквивалента (золото как масштаб цен)' [2, с. 1199].

Параметру самостоятельности соответствуют и НЗК, представляющие собой условные наименования (например, *«лоцман»*, *«харакири»*, *«хозяин»* в составе номенов *метод «лоцман»*, *своп «харакири»*, *облигация «хозяин»* и др.), так как вне специальных номинаций эти компоненты являются полнозначными словами с самостоятельным лексическим значением. В составе терминологического номена подобные условные наименования зачастую употребляются метафорически, в переносном или модифицированном значении. Модифицированная семантика таких компонентов может находить определенное отражение в словарной дефиниции. Например, НЗК *харакири* в составе номена *своп «харакири»*, конечно же, не репрезентирует значение 'вид самоубийства, принятый у японских самураев', но, с одной стороны, будучи экзотизмом, сигнализирует о чем-либо, связанном с Японией, а с другой – эксплицирует сему опасности, риска, которую отражает дефиниция 'валютный своп (обменная операция. – Л. К.) доллар США / японская иена на условиях, которые не соответствуют состоянию рыночной

конъюнктуры (то есть очень рискованный)’ [2, с. 925]. Дефиниция в какой-то мере раскрывает этимологию номена: в случае неудачной операции по обмену национальной валюты на иностранную (а своп предусматривает обязательный обратный обмен через определенный срок) банк, совершивший эту операцию, рискует обанкротиться, а его главе, возможно, не останется другого выхода, кроме как сделать себе хакари. В связи с отмеченным можно сказать, что, помимо атрибутивной функции, НЗК *хакари* выполняет в составе номинативной единицы и функцию репрезентации национальной языковой картины мира, является средством передачи национально-культурной специфики.

Обсуждаемый параметр закономерно не распространяется на несклоняемые собственные имена. Ему в первую очередь не отвечают НЗК – собственные имена, являющиеся личными именами или фамилиями ученых, выдающихся деятелей и т. д., информация о которых относится к разряду энциклопедической и может совершенно отсутствовать в словарных статьях соответствующих номенов, например: *коэффициент Джини* – ‘показатель, характеризующий степень отклонения фактического распределения доходов от абсолютного равенства или абсолютного неравенства’ [Там же, с. 411]. В отличие от антропонимов собственные имена объектов экономического пространства (бирж, компаний, организаций и т. д.), как правило, присутствуют и в дефиниции, ср.: *индекс Кам Нган* – ‘индекс курсов акций, котируемых на бирже Кам Нган в Гонконге’ [2, с. 311].

Отдельного рассмотрения при решении вопроса о способности / неспособности НЗК иметь самостоятельное лексическое значение заслуживает группа НЗК, сравнительно недавно заимствованных из других языков. Иноязычный характер таких компонентов-варваризмов зачастую подчеркивается тем, что они берутся в кавычки, например: *шорт*, *кэш*, *брейк-ивен* в составе терминов *контракт «шорт»* (‘фьючерсный контракт, продаваемый в предположении о снижении цен’ [9, с. 190]), *курс «кэш»* (‘биржевой курс при оплате наличными’ [2, с. 431]), *прибыль «брейк-ивен»* (‘уровень операций, когда в течение указанного периода получают такую же прибыль (не меньше и не больше), как и за предыдущий период’ [Там же, с. 771]) и др. Специфика таких компонентов заключается в том, что они могут заимствоваться из языка-источника как самостоятельные единицы и входить в состав термина с русскоязычным опорным компонентом, возможно калькированным (рус. *прибыль* + англ. *брейк-ивен*). Чаще же заимствуется полностью весь термин-словосочетание (англ. *course cash, contract short*), но, как правило, опорный компонент такого термина относится в русском языке к освоенным заимствованиям (*контракт*, *курс*) со стабильной семантикой. Что же касается НЗК-варваризмов, то чаще всего они сохраняют семантику, свойственную им в языке-источнике, ср.: англ. *cash* – ‘наличные деньги’, *short* – ‘короткий, краткий’ и т. д. Этимологическое значение иноязычного НЗК может находить отражение в дефиниции, как, например, в определении термина *курс «кэш»* (см. выше. – Л. К.), или же оставаться имплицитным, но осознаваемым специалистами и неспециалистами, знающими иностранный язык. В частности, НЗК *«шорт»* в термине *контракт «шорт»* имплицитно сигнализирует о краткосрочности действия контракта. Ср., термин *контракт лонг* (‘фьючерсный контракт, приобретенный в расчете на повышение цен, используемый в качестве средства фиксации гарантированной цены закупки товара’ [9, с. 190]), в котором НЗК *лонг* (англ. *long* – ‘долгий срок’), сохраняющий семантику, свойственную ему в английском языке, указывает на долгосрочность контракта.

По признаку членимости структуры НЗК делятся на разложимые и неразложимые. Большая часть однословных НЗК, будучи несклоняемыми, относится к неразложимым. Признаком разложимости характеризуются некоторые имена существительные, выполняющие в составном термине функцию условного наименования, например: *гейша*, *бабочка*, *золото* (*облигация «гейша»*, *спрэд «бабочка»*, *условия «золото»* и др.). Морфемная структура таких существительных, в обычных условиях (вне терминологического знака) склоняемых, включает корень и окончание. К разложимым НЗК относятся и инфинитивы (*способность конкурировать на торгах*), членимые на корневую и аффиксальные морфемы.

Среди разложимых однословных НЗК особое место занимают аббревиатурные компоненты, представляющие собой вторичные образования, возникшие в результате сложения сокращенных элементов слов, объединенных в одно сочетание: *администратор ЕТС* (*Единой торговой сессии*), *матрица БКГ* (*Бостонской консультативной группы*) и т. д.

В зависимости от того насколько легко НЗК–словосочетания разлагаются на составляющие их однословные терминоконпоненты, они могут быть разделены на разложимые, полуразложимые и неразложимые [8, с. 80]. В случае разложимых НЗК их структурные терминоконпоненты сохраняют свое значение, которое суммируется со значением опорного компонента, образуя общее значение составного термина. Например, значение термина *кривая «национальный доход – национальный продукт»* ('график, показывающий, как уровень реального национального продукта соотносится с уровнем реального национального дохода' [2, с. 424]) легко выводится из составляющих его компонентов. Однако чаще всего такие НЗК, состоящие из равноправных знаменательных слов или словосочетаний, связанных сочинительной связью, относятся к полуразложимым. Полуразложимые НЗК–словосочетания объединяют слова (или словосочетания), сохраняющие свою лексическую семантику лишь частично. При этом общее значение всего составного термина с учетом семантики его опорного компонента не выводится целиком из значений всех терминоконпонентов. Например, общее значение термина *алгоритм «цена/время»*, отраженное в дефиниции 'механизм заключения сделки, при котором приоритет имеют поручения на исполнение сделок, дающие наилучшую цену, а среди поручений с одинаковым уровнем цен – те, которые поступили раньше' [2, с. 32], лишь частично учитывает семантику составляющих его компонентов, в том числе семантику слов *цена* и *время*, образующих НЗК.

К полуразложимым можно отнести НЗК наречного типа, состоящие из знаменательного и служебного слова, например значение НЗК «*в пространстве*» в составе термина *арбитраж «в пространстве»* частично реализуется в дефиниции 'одновременная сделка на один товар, валюту или ценную бумагу на различных рынках, основанная на разнице курсов или котировок' [Там же, с. 45], а именно, в компоненте дефиниции «на различных рынках».

В неразложимых НЗК значение абсолютно невыводимо из значений его структурных составляющих, а сам НЗК является метафорой, например: *платеж «воздушный шар»*, *трудовое соглашение типа «золотой парашют»*, *гарантия «против течения»*, *кривая «долина смерти»* и др.

В соответствии с признаком «способность / неспособность самостоятельного употребления», НЗК делятся на свободные и связанные. Первые могут употребляться как самостоятельные терминологические или лексические единицы. Например, термин *карга* ('1. груз, перевозимый на судне; 2. страхование перевозимых грузов' [Там же, с. 170]) может быть НЗК в термине

карго-план, где реализуется его первое значение ('план размещения груза на судне' [9, с. 170]), и в термине *карго интерес* во втором значении ('страховой интерес, обусловленный ценностью груза, предназначенного к перевозке' [2, с. 345]) и т. д.

Связанные компоненты отличаются тем, что в русском языке самостоятельно не употребляются. В кругу рассматриваемых единиц к связанным НЗК можно отнести рассмотренные выше иноязычные НЗК. Приведем еще в качестве примера таких единиц НЗК «*драйв-ин*», «*стэнд-бай*» в терминах банк «*драйв-ин*» ('банковское учреждение, услугами которого можно пользоваться, не выходя из машины' [Там же, с. 68]); *кредит «стэнд-бай»* ('вид кредита, который предоставляется странам-членам МВФ...' [Там же, с. 421]).

По признаку графического оформления НЗК бывают отдельно оформленными и пишущиеся через дефис. Раздельно оформляются как свободные, так и связанные НЗК, представляющие собой слова, словосочетания и аббревиатуры, например: *страхование делькредере*, *агент по инкассо*, *метод ЛИФО*, *условие ФАС*, *аукцион «втемную»*, *груз россыпью*, *монопольно высокая цена*, *модель «затраты – выпуск»*, *матрица «доля рынка – рост рынка»*, *кроссирование «без права передачи»* и т. д.

Так называемые аналитические прилагательные [4] пишутся через дефис, если они находятся в препозиции (*деливери-ордер*, *нетто-вес*, *спот-рынок*, *стоп-приказ*, *трансфер-агент*, *НАУ-счет* и т. д.), и раздельно – в постпозиции по отношению к опорному термину (*ордер деливери*, *вес нетто*, *рынок спот*, *приказ «стоп»*, *агент трансфер*, *счет НАУ* и т. д.).

Дефисное написание применяется и к оформлению аппозитивных словосочетаний, в состав которых входит приложение, выраженное заимствованным существительным, относящимся к нулевому склонению: *капиталист-рантье*, *папка-досье* и др.

По признаку происхождения НЗК делятся на иноязычные и собственно русские. Этот признак применим к НЗК-словам и аббревиатурам.

Естественно, что среди однословных НЗК преобладают несклоняемые заимствования-варваризмы, не освоенные русским языком на грамматическом уровне, ср.: *брутто*, *нетто*, *соло*, *роялти*, *авизо* и другие в составе терминов *брутто-вознаграждение*, *цена нетто*, *соло-арбитр*, *процент роялти*, *комиссия за авизо*. К ним примыкает ряд грамматически освоенных заимствований, которые не изменяются только в составе термина, ср.: *бизнес-образование*, *бизнес-образования*; *дебет-нота*, *дебет-ноты*; *хедж-фонд*, *хедж-фонда* при самостоятельном употреблении – *бизнес*, *-а*; *дебет*, *-а*; *хедж*, *-а* и др.

К однословным русскоязычным НЗК относятся наречия и инфинитивы, входящие в составные термины, например: *движение цены вниз*, *заведомо прибыльный опцион*, *конкуренция в открытую*; *способность погасить долг*, *риск заразиться*, *способность конкурировать на торгах* и др.

Среди аббревиатурных компонентов отмечаются как заимствованные (*цена ФОР*, *метод ФИФО*, *ставка ЛИБОР*), так и собственно русские (*декларация на НДС*, *индекс АЭН*, *накладная СМГС*).

В соответствии с используемой алфавитной системой иноязычные НЗК делятся на оригинальные, сохраняющие алфавит и написание языка-источника, и видоизмененные, передаваемые графикой русского языка. В оригинальном написании передаются, например НЗК в составе терминов *индекс all ordinaries*, *пошлина ad valorem*, *анализ IS-LM*, *модель IS-LM*, но, как правило,

заимствованные компоненты входят в составной термин в видоизмененном (транслитерированном или транскрибированном) написании.

Таким образом, с учетом исходных грамматических признаков неизменяемости и примыкания к основному (опорному) термину в составе неоднословных терминологических единиц и признаков: 1) отсутствие / наличие самостоятельного лексического значения; 2) разложимость / неразложимость структуры; 3) способность / неспособность употребляться самостоятельно; 4) графическое оформление; 5) происхождение; 6) используемая алфавитная система, рассмотренных выше, можно выделить следующие основные виды НЗК: знаменательные (свободные и связанные); неразложимые, разложимые (сложносокращенные); пишущиеся через дефис и раздельнооформленные; словосочетания (полностью разложимые, полуразложимые и неразложимые); иноязычные и собственно русские; в оригинальном и видоизмененном написании.

Выделенные и рассмотренные выше признаки должны учитываться при описании конкретных разновидностей НЗК, представляющем перспективу дальнейших исследований.

Библиографические ссылки

1. Астен Т. Б. Аналитизм номинации: когнитивное содержание и прагматика неизменяемых существительных в русском языке в сравнении с другими славянскими языками / Т. Б. Астен. – Ростов н/Д. : РГЭУ (РИНХ), 2003. – 62 с.
2. **Большой экономический словарь** / под ред. А. И. Азрилияна. – 5-е изд., исправл. и дополн. – М. : Ин-т новой экономики, 2002. – 1280 с.
3. Гринев С. В. Исторический систематизированный словарь терминов терминоведения : учеб. пособие / С. В. Гринев. – М. : Моск. пед. ун-т, 1998. – 96 с.
4. Ким Л. А. Вопрос об аналитических прилагательных в современной русистике / Л. А. Ким // Вісн. Дніпропетр. ун-ту. Мовознав. – 2009. – Вип. 15, т. 3. – С. 47–55.
5. Ким Л. А. Критерии выделения неизменяемых зависимых компонентов в составе терминологических единиц / Л. А. Ким // Вісн. Дніпропетров. ун-ту. Сер. Мовознав. – 2010. – Вип. 16. – С. 151–159.
6. Ким Л. А. Черты аналитизма в терминосистемах русского языка : монография / Л. А. Ким, Т. С. Пристайко. – Д. : Пороги, 2008. – 147 с.
7. Кудашев И. С. К вопросу о формах терминологических элементов и терминов // Лексикология. Терминоведение. Стилистика : сб. науч. тр. / И. С. Кудашев, А. Д. Хаютин. – М.-Рязань : Пресса, 2004. – С. 101–107.
8. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики / Д. С. Лотте. – М. : Наука, 1961. – 157 с.
9. Райзберг Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. – М. : Инфра-М, 2000. – 480 с.
10. **Словарь русского языка** : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд. – М. : Рус. яз., 1981–1984.

Надійшла до редколегії 26.01.15

УДК 81.373.6

Л. В. Мосієвич

Класичний приватний університет (м. Запоріжжя)

РОЛЬ ГЕНЕРАЛІЗАЦІЇ В УТВОРЕННІ АНГЛОМОВНИХ ЕВФЕМІЗМІВ

Розглянуто сутність генералізації на когнітивному рівні. Визначено її роль в утворенні евфемістичного ефекту та проаналізовано гіперонімічні і гіпонімічні зв'язки між евфемізмами.

Ключові слова: евфемізм, гіперонімічні і гіпонімічні зв'язки, генералізація, суперордиантний рівень, сфера-джерело, сфера-мішень.

Мосієвич Л. В. Классический приватный университет (г. Запорожье). **РОЛЬ ГЕНЕРАЛИЗАЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЭВФЕМИЗМОВ**

Рассмотрена суть генерализации на когнитивном уровне. Определена ее роль в образовании евфемистического эффекта и проанализированы гиперонимические и гипонимические связи между евфемизмами.

Ключевые слова: эвфемизм, генерализация, гиперонимические и гипонимические связи, суперординатный уровень, сфера-источник, сфера-мишень.

Mosiyevych L. V. Classical Private University (Zaporizhzhya). **THE ROLE OF GENERALIZATION IN THE FORMATION OF ENGLISH EUPHEMISMS**

The aim of the article is to examine the role of cognitive mechanism such as generalization in the formation of euphemisms. In order to gain it we need to achieve several objectives: to reveal the essence of generalization and to analyze its role in the formation of euphemistic effect. A euphemism is defined as an alternative to a dispreferred expression, in order to avoid possible loss of face: either one's own face or, through giving offense, that of the audience, or of some third party. A euphemism is then a term used to avoid making oneself look bad in front of others (positive face of the speaker), to express oneself without restriction (negative face of the speaker), and to avoid offending the listener (listener's negative face).

Generalization is a statement in which you say or write something very basic, based on limited facts, that is partly or sometimes true. Generalization involves hyponymous and hypernymous relationships. Hyponymy shows the relationship between the more general terms (hypernyms) and the more specific instances of it (hyponyms). A hyponym is a word or phrase whose semantic field is more specific than its hypernym. The semantic field of a hypernym, also known as a superordinate, is broader than that of a hyponym. An approach to the relationship between hyponyms and hypernyms is to view a hypernym as consisting of hyponyms. This, however, becomes more difficult with abstract words such as imagine, understand and knowledge.

Thus, we may state that generalization is a cognitive mechanism which plays a significant role in the formation of euphemisms. The lexical components of superordinate field help to veil or to neutralize something negative.

Key words: euphemism, generalization, superordinate field, hyponymous and hypernymous relationships, source domain, target domain.

Постановка проблеми. В останні десятиліття XX і на початку XXI ст. стрімко зростає науковий інтерес до евфемізмів як складника мовної картини світу англomовного суспільства, їх лексико-семантичних і функціональних характеристик. Однак ґрунтовних праць з питань когнітивних параметрів англomовної евфемії, зокрема когнітивних механізмів утворення евфемізмів, досі немає.

Аналіз останніх досліджень. Науковці розглядають проблеми визначення евфемізму та його відокремлення від табу (В. І. Заботкіна), засоби утворення евфемізмів (А. М. Кацев, Л. П. Крисін), аналізують евфемізми та дисфемізми в кон-

тексті гендера (Л. Порохницька), медичного, педагогічного (Н. Тишина), а також політичного дискурсу (Т. Абакова).

Мета написання нашої статті – визначення ролі генералізації в утворенні евфемізмів. Поставлена мета потребує виконання таких **завдань**: виявлення сутності генералізації на когнітивному рівні; з'ясування її ролі в утворенні евфемізмів.

Об'єкт дослідження – англомовні евфемістичні одиниці. **Предмет дослідження** – механізм генералізації в утворенні евфемізмів. **Матеріал дослідження** – вибірка евфемістичних одиниць із англомовних словників евфемізмів та англомовних сучасних політичних текстів.

Евфемізми – це емоційно нейтральні слова або вирази, які вживають замість синонімічних їм слів і виразів, що видаються мовцями непристойними, грубими або нетактовними [5, с. 3]. Одним із основних і найбільш поширених способів утворення евфемізмів є генералізація концептуального змісту. Суть цього механізму полягає в репрезентації концепту базового рівня за рахунок засобів репрезентації суперординатного рівня. Під базовим ми розуміємо рівень, який позначає конкретні явища або предмети. Під суперординатним – рівень абстрактних понять [12, с. 15]. Евфемістичний ефект вислову в такому випадку має місце за рахунок того, що для концептів суперординатного рівня не властиве виділення окремих, у тому числі й оцінних характеристик [1, с. 44]. В. П. Москвін даний спосіб називає гіперонімізацією, оскільки генералізація значення досягається в основному за допомогою гіпер-гіпонімічних замінів [5, с. 65].

Генералізація концептуального значення може відбуватися двома способами: використання слів із узагальненою семантикою і використання гіперонімів («слова з ширшим значенням (обсягом поняття) щодо слова з менш широким значенням» [3]). Якщо евфемістичний ефект висловлювання досягається за рахунок звернення до номінації з широкою семантикою, у результаті перейменування відбувається розмивання змісту і нейтралізація тих характеристик вихідного концепту, які викликають негативне ставлення.

Зв'язки між евфемізмами та їх прямими назвами бувають **гіперонімічними і гіпонімічними** [7, с. 118]. **Гіперонім** – це слово з ширшим значенням (обсягом поняття) щодо слова з менш широким значенням [3], **гіпонім** – видове позначення родового слова [4, с. 281]. Гіпероніми двох видів є евфемізмами щодо заборонених мовних одиниць:

1) слова з «дифузною семантикою» (у А. Россової «розсіяна семантика» [6, с. 97]), десемантизовані іменники, дієслова, займенники у функції іменника або предиката: *it, that, something* etc; Н. Ц. Босчаєва називає такі слова дейктичними [2, с. 100], а В. Іванс – *shellwords* (*case, chance, fact, idea, news, point, problem, position, reason, report, situation, thing*) [9, с. 15];

2) повнозначні слова зі зниженим рівнем конкретності, наприклад: *procedure* замість *plastic surgery*, *condition* замість *pregnancy*.

Названі гіпероніми здатні заміщати заборонені мовні одиниці різних тематичних полів. Так, гіперонім «it» заміняє:

- а) прямі назви смерті і хвороб;
- б) назви, які стосуються фізіологічної сфери;
- в) назви статевої сфери [7, с. 120].

Гіпер- і гіпонімічні зв'язки називають основоположними семантичними зв'язками, які всі розуміють на інтуїтивному рівні [8, с. 4]. Якщо евфемістичний ефект вислову заснований на репрезентації вихідного концепту за допомогою звернення до його гіперонімів, відбувається депрофілювання тих специфічних

характеристик його змісту, наявністю яких обумовлена характерна для нього негативна конотація. Наприклад, сема **involvement** («the act of taking part in an activity, event or situation») евфемізує поняття **invasion** та є її гіперонімом. Вона сприяє нейтралізації таких негативних характеристик сфери-джерела, як *army, force, control*: **invasion**— *an occasion when one country's army goes in to another country to take control of it by force* [13, с. 797]: «...German Chancellor Angela Merkel said on Tuesday her government was "not satisfied" with the progress in implementing the Minsk agreement, but added that there were no plans at present for further economic sanctions against Russia over its **involvement** in Ukraine» (BBC News: 12/11/2014).

Зіткнення двох автомобілей англійською – **crash**. Але дуже часто цю назву евфемізують як **accident** [11, с. 282]. Даний евфемізм із більш широким значенням відображає цю подію менш жахливо та ускладнює її візуалізацію. Сема **crash** є більш конкретною: *an accident that happens when a moving vehicle hits something causing damage* [13, с. 345]. Евфемістичний ефект досягається, оскільки сема **accident** не має таких неагитивних компонентів, як *hit* та *damage*.

У наступному прикладі як евфемізм вжито номінацію з більш широкою семантикою – **conflict** (замість **war**). Вона сприяє нейтралізації таких негативних характеристик сфери-джерела, як *fighting between two or more countries that involves the use of armed forces and usually continues for a long time* [13, с. 1677]. Також сема **conflict** підкреслює тимчасовість дій: «...The European OSCE monitoring mission has warned of "a real risk" of further escalation in a **conflict** that has killed more than 4,000 people» (BBC News: 12/11/2014).

У результаті евфемістичних заміन **bribery** < **soft commission** [10, с. 354, 377] у процесі переходу від базового рівня до суперординатного із вихідного концептуального змісту зберігається тільки компонент *money* (**commission**: *money payed* [13, с. 291], **bribery**: *the crime of giving money or presents to some one so that they will help you by doing some thing dishonest or illegal* [13, с. 176]), зникають компоненти *crime, dishonest, illegal*. Змістова невизначеність остаточної номінації (мета може бути будь-якою, цілком законною, суб'єкт діє на свій розсуд) повністю нейтралізує негативну оцінку.

Висновки. Таким чином, генералізація має значний евфемістичний потенціал, оскільки заміна небажаної номінації родовим поняттям (гіперонімом), словом з широкою семантикою, дозволяє зняти негативну оцінку. Сприйняття денотата у свідомості адресата не викликає конкретних ментальних репрезентацій. Евфемізмам, утвореним за допомогою генералізації концептуального змісту, як правило, не характерна оцінність, оскільки вони репрезентують концепти суперординатного рівня.

Перспективи подальших досліджень передбачають виявлення ролі когнітивних механізмів в утворенні евфемізмів, які вербалізують україно-російський конфлікт.

Бібліографічні посилання

1. Болдырев Н. Н. Теоретические аспекты языковой концептуализации / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка : монография. – М.; Тамбов, 2009. – С. 25–77.
2. Босчаева Н. Ц. Контекстуальные условия реализации эвфемистической функции действительных слов / Н. Ц. Босчаева // Вопр. англ. контекстологии. – 1990. – Вып. 3. – С. 99–105.

3. Брокгауз Ф. А. Энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. – Режим доступа : http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/14/. – Загл. с экрана.
4. Левицкий В. В. Семасиология : монография / В. В. Левицкий. – Изд. 2-е, исправл. и дополн. – Винница : Нова кн., 2012. – 680 с.
5. Москвин В. П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования / В. П. Москвин // Вопр. языкознания. – 2001. – № 3. – С. 58–67.
6. Россова А. В. Эвфемизм / А. В. Россова // Речевое общение. Вестн. Рос. риторич. асоц. / под ред. А. П. Сковородникова. – Красноярск, 2000. – Вып. 1(9). – С. 96–99.
7. Сеничкина Е. П. Эвфемизмы русского языка : спецкурс : [учеб. пособие] / Е. П. Сеничкина. – М. : Высш. шк., 2006. – 151 с.
8. Cruse D. A. Hyponymy and its varieties / D. A. Cruse // The semantics of relationships: An interdisciplinary perspective [ed. by Rebecca Green]. – The Netherlands : Kluwer Academic Publishers, 2002. – P. 3–21.
9. Evans V. How words mean: Lexical Concepts, Cognitive Models and Meaning Construction / V. Evans. – Oxford : Oxford University Press, 2009. – 400 p.
10. Holder R. W. Dictionary of euphemisms / R. W. Holder. – Oxford University Press, 2008. – 412 p.
11. Keyes R. Unmentionables / R. Keyes. – London : John Murray Publish, 2010. – 342p.
12. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind / G. Lakoff. – Chicago and London : The University of Chicago Press, 1986. – 632 p.
13. McMillan English Dictionary. New Edition. – Oxford : McMillan Education, 2008. – 1745 p.

Надійшла до редколегії 03.02.15

УДК 81.367.622

И. И. Меньшиков

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ РУССКИХ СУБСТАНТИВАТОВ

Рассмотрен один класс субстантивированных адъективов, в основном прилагательных и причастий, в плане возможности их функционирования в качестве стержневых слов соответствующих субстантивных словосочетаний. Введено понятие эмотивного субстантивата как эмоционально нагруженной лингвистической фигуры. Указано, что сочетаемостные возможности такого субстантивата существенно отличаются от аналогичных возможностей как собственно существительных, так и собственно прилагательных, а также причастий, и что эти отличия обусловлены определёнными экстралингвистическими факторами, связанными с обстановкой и условиями коммуникации.

Ключевые слова: субстантиват, парадигма, редукция, стержневое слово, субстантивное словосочетание, сочетаемостные возможности, экстралингвистический фактор.

Меньшиков І. І. Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара.
ОСОБЛИВОСТІ СИНТАКСИЧНОЇ СПОЛУЧУВАНOSTІ РОСІЙСЬКИХ СУБСТАНТИВATІВ

Розглянуто один клас субстантивованих ад'єктивів, в основному прикметників та дієприкметників, щодо можливості їх функціонування як стрижневих слів відповідних субстантивних словосполучень. Введено поняття емотивного субстантивата як емоційно навантаженої лінгвістичної фігури. Вказано, що можливості сполучуваності такого субстан-

тивата істотно відрізняються від аналогічних можливостей як власне іменників, так і власне прикметників, а також дієприкметників, і що ці відмінності обумовлені певними екстралінгвістичними факторами, пов'язаними з обставинами та умовами комунікації.

Ключові слова: субстантиват, парадигма, редукція, стрижневе слово, субстантивне словосполучення, можливості сполучуваності, екстралінгвістичний фактор.

Menshikov I. I. Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **PECULIARITIES OF THE SYNTACTIC CORRESPONDENCES OF RUSSIAN SUBSTANTIVISED WORDS**

The article deals with one very expanded class of substantivized adjectives, mainly adjectives and participles, as for the possibilities of their functioning as basic words of the correspondent substantive word-combinations. The notion of the emotive substantivized words as the emotionally loaded linguistic figure is introduced. It is indicated that combining possibilities of the mentioned substantivized words as the noun are significantly different from the similar possibilities, and conventionally said, of actual nouns the same as actual adjectives, and the participles as well, and these variations are dependent on the definite extralinguistic factors, that are connected with the obstacles and conditions of the communication. The specificity of the emotive substantivized words includes first of all the fact that emotive substantivized words in the natural communicative conditions differently to the other adjectivized formations are not corresponded with contactives. Secondly, emotive substantivized words, as a rule, are not used with the adjectives and participles of the emotive character. Limited also are combinative possibilities of the emotive substantivized words with some other adjectives, which point the feature that is less substantial, then it is mentioned in the substantivized word.

Key words: substantivized word, paradigm, reduction, emotive substantivized word, basic word, substantive word-combination, combining possibilities, extralinguistic factors.

Субстантивация по сути своей является во многих языках одним из частных случаев перехода одной части речи в другую, названного Л. Теньером трансляцией [7, с. 375] и соотносящегося также, по И. Р. Выхованцу, с термином транспозиция [8, с. 638]. В современном русском языке субстантивация – явление обычное и весьма продуктивное, причём продуктивное не только в сфере собственно словообразования, но и в речетворчестве вообще, при различного рода функционально востребованных переходах тех или иных частей речи в существительное. Это, например, отмечено в Полном словаре лингвистических терминов Т. В. Матвеевой, показавшей самую общую и в то же время очень простую схему функциональной субстантивации, схему типа *твоё завтра зависит от многих причин* [2, с. 467], являющуюся своего рода моделью, которая позволяет как минимум теоретически перевести в имя существительное не только любую часть речи, но и любую отдельную словоформу (*твоё постоянное перестань мне уже надоело*), а также практически любую синтаксическую конструкцию (*твоё постоянное как я устала мне уже надоело*). Описано лингвистами и поле функционирования субстантиватов, в частности субстантивированных прилагательных, связанное с обозначением людей (*взрослый, учёный*), различных помещений (*душевая, столовая*), официальных бумаг и документов (*накладная, премиальные*), блюд, лекарств (*горячее, снотворное*), некоторых отвлечённых понятий (*будущее, старое*) и др. При этом противопоставлены полная субстантивация, при которой субстантиват сам по себе уже не функционирует в качестве производящего парадигматического класса слов (*портной, дневальный*), и субстантивация неполная, когда возможность функционирования соответствующей словоформы как изначального конструкта не утрачена (*военный, взрослый*) [6, с. 627–628]. Последняя дихотомия в первой своей части имеет, правда, свои нюансы.

При полной субстантивации субстантиват как некая грамматическая категория не является лингвистическим эквивалентом существительного как части речи, и учёные, в частности, отмечают, что на морфологическом уровне структу-

ры языка у субстантиватов имеет место сокращение состава их парадигмы: некоторые из этих субстантиватов, например, имеют только один род (*приёмная*), некоторые – только форму множественного числа (*наличные*) [5, с. 45]. И в этом плане даже осуществлена дифференциация прилагательных и причастий как наиболее частых субстантиватов, формально имеющих категории рода и числа, по соответствующим грамматическим значениям и формам, в том числе и с учётом эллиптической субстантивации [1, с. 159–161]. Указано также, что при субстантивации большинства частей речи у соответствующих производных категория рода маркируется только сопутствующими им адъективами или глаголами, которые, в свою очередь, употребляются лишь в форме среднего рода [3, с. 467]. Субстантиват, таким образом, если и является именем существительным, то существительным особого рода, существительным специфическим, тем более, что есть ещё один, недостаточно изученный, но очень интересный, с нашей точки зрения, аспект рассматриваемой проблемы, касающийся синтаксиса субстантивированных прилагательных, причастий и адъективных местоимений при обозначении ими некоего человека, лица или множества лиц в соответствии с теми или иными его/их признаками, особенностями, родом деятельности, отношением к нему/к ним со стороны окружающих. Описание подобных субстантиватов и явилось *целью* проведенного исследования, результаты которого представлены в настоящей статье.

В «Грамматике современного русского литературного языка» зафиксирован целый ряд отадъективных субстантиватов и наполненных ими лексико-семантических групп типа *больной, пеший...*; *рулевой, участковый...*; *встречный, сыльный...*; *управляющий, заведующий...*; *пострадавший, бежавший...*; *обвиняемый, подозреваемый...*; *подчинённый, убитый...*; *каждый, свой...* и др. [1, с. 159–161]. При этом каких-то принципиальных ограничений на сочетаемость возможности такого рода существительных не отмечено (их для большинства субстантиватов, как и для субстантивов и адъективов вообще, по-видимому, нет [4, с. 26–28]), и любому из приведенных производных в принципе может сопутствовать не только тот или иной адъектив, но и распространённое определение, и несогласованное определение, и определение предикативное, включая, разумеется, и некую комбинацию указанного. Например: *этот больной; надёжный рулевой; первый встречный; управляющий, не знавший своих прямых обязанностей; пострадавший в ДТП; обвиняемый, которому нечего предъявить; мой прямой подчинённый по службе, который учился во Франции* и т. п. Большинство из соответствующих классов субстантиватов может сопровождаться и каким-то общим апеллятивом в виде контактива типа *гражданин, господин, милостивый государь, товарищ* и др. И нам мало что было бы сказать о синтаксисе субстантиватов, если бы не существование ещё одного класса отадъективных образований с эмоциональной, главным образом позитивной, коннотацией. И вот небольшой фрагмент соответствующего множества лексем, часто употребляемых как при устном, так и при письменном общении: *бесподобный, возлюбленный, восхитительный, глупый, добрый, дорогой, единственный, жестокий, любезный, любимый, маленький, милый, ненаглядный, негодный, несчастный, обожаемый, очаровательный, почтенный, родной, светлый, уважаемый (высокоуважаемый, глубокоуважаемый, многоуважаемый), хороший*.

Назовём компоненты такого множества эмотивными субстантиватами и укажем сразу же, что они и подобные им производные от адъективов весьма избирательны в своих синтаксических связях и функционируют в качестве стержне-

вых слов соответствующих субстантивных словосочетаний лишь с очень узким кругом слов, детерминирующих указанные субстантиваты, хотя – ещё раз обратим на это внимание – в системе всех девяти знаменательных парадигматических классов слов, которые в принципе могут быть определяющими (существительное, прилагательное, субстантивное местоимение, адъективное местоимение, причастие, числительное, наречие, деепричастие, инфинитив), ни существительное, ни какой-либо из адъективов, и в частности прилагательное, будучи синтаксической доминантой, в своих сочетаемостных возможностях на уровне частей речи ничем не ограничены.

Субстантиват как некий класс слов, совмещающий определённые свойства субстантива и адъектива, в том числе и субстантиват из приведенного нами выше множества лексем, не должен по логике вещей в своих синтаксических потенциях быть менее активным, чем, условно говоря, собственно существительное или собственно прилагательное. Реалии, однако, совершенно иные, и вот самое, на наш взгляд, существенное.

1. Эмотивные субстантиваты в естественных условиях коммуникации не сопровождаются в отличие от большинства иных отадъективных производных конструктивами. Есть, например, *товарищ* *участковый*, *господин* *управляющий*, *гражданин* *пострадавший*, но вряд ли будет функционировать что-нибудь вроде *товарищ* *дорогой*, *милостивый* *государь* *любимый*, *госпожа* *очаровательная*, *сударыня* *родная* или *коллега* *уважаемый*.

2. Эмотивные субстантиваты, как правило, не употребляются с прилагательными и причастиями эмотивного же характера. Есть *бесподобная*, *глупый*, *любимый*, *милый*, *почтенный*, *родной* и др., но не принята, особенно, как это отметила Е. К. Куварова [2, с. 143], в вокативных образованиях комбинаторика типа *глупый* *бесподобный*, *милый* *любимый*, *родной* *почтенный*, *бесподобный* *родной*, *любимый* *почтенный* и т. п.

3. Ограничены сочетаемостные возможности эмотивных субстантиватов и с иными адъективами. Трудно представить себе реальные обстоятельства общения с использованием таких, скажем, конструкций, как *большая* *восхитительная*, *оставший* *добрый*, *новый* *жестокый*, *целесообразная* *маленькая* или *второй* *негодный*. С большинством же субстантиватов неэмотивного характера все эти, как и многие другие, адъективы сочетаться могут.

Единственный класс слов, который может функционировать в качестве определяющего любого эмотивного субстантивата, в том числе и в вокативных конструкциях [Там же], – это притяжательное местоимение, но и здесь имеются свои нюансы, связанные с синтаксической позицией соответствующего отадъективного производного. Все притяжательные местоимения сочетаются с эмотивным субстантиватом тогда, когда он занимает позицию какого-либо члена предложения, в том числе и в вводных или вставных конструкциях: *Он* *знаком с моим (твоим, своим, нашим, вашим, его, её, их)* *ненаглядным*; *Эту задачу, по мнению моей (твоей, своей, нашей, вашей, его, её, их)* *возлюбленной, он не решит*). Если же эмотивный субстантиват выполняет функцию обращения, то сопутствовать ему могут только два местоимения: *мой* и реже – *наш*. И это естественно, потому что при прямом обращении так или иначе актуализируются отношение к собеседнику или адресату именно обращающегося. Типично, например, *милый* и *мой милый* или *дорогой* и *дорогой наш*. Другие же местоимения (*милый твой*, *ваш милый* или *дорогой свой*, *её дорогой*) здесь просто абсурдны.

Мы видим две основные причины, обуславливающие описанные сочетаемостные ограничения в конструкциях с эмотивным субстантиватом в качестве синтаксической доминанты, и обе они носят главным образом экстралингвисти-

ческий характер. Первая причина связана с тем, что практически любой персонифицирующий субстантиват является по сути эллиптированным словосочетанием, в котором опущен его стержневой компонент, и опущен он, как правило, в силу своей функциональной избыточности, а зачастую и по причине отсутствия адекватного определяемого, как, например, у субстантиватов типа *дневальный, заведующий, командующий, обвиняемый, пеший, пожарный, рулевой, ссыльный, заведующий, дневальный* и т. п.

Эмотивный субстантиват – это тоже некий эллипсис, но обусловлен такой эллипсис не избыточностью опущенной синтаксической доминанты, которая, как правило, относится к конкретному лицу: приятелю, родственнику, сослуживцу, опекаемому лицу и т. п., – а её вербальной немаркированностью. Так, общаясь с близким человеком, мы называем его (зачастую ещё и с какой-то дополнительной коннотацией) *дорогой, любимая, милая, родной, хорошая моя* и т. п. без указания определяемого, потому что адресату это определяемое по существу уже задано, а тот или иной вариант его лексического выражения адресат мысленно выберет и проставит в соответствующее словосочетание по своему усмотрению. Будет ли это *дорогой брат, друг, коллега, родственничек* или *хорошая моя жёнушка, подруга, сестричка, соседка*.

Вторая причина сочетаемостных ограничений заключается в семантике эмотивных субстантиватов, большинство из которых выражает самое главное, самое существенное с точки зрения обращающегося свойство, а значит, и определение его адресата, не требующее каких-то дополнений. Адресант может, конечно, градировать свои эмоции и, обращаясь с одному лицу, скажем к женщине, использовать несколько эмотивных субстантиватов: *дорогая моя, единственная, несравненная, очаровательная, хорошая моя*. Но сам по себе ни один из этих субстантиватов в каких-либо определениях – выше на это обращалось внимание – уже не нуждается.

Указанные синтаксические параметры рассматриваемых конструктов вместе с другими их параметрами, в частности морфологическими и семантическими, позволяют квалифицировать эмотивные субстантиваты в качестве особого парадигматического класса слов в лексико-грамматическом разряде существительных.

Библиографические ссылки

1. **Грамматика современного русского литературного языка** / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1970. – 768 с.
2. **Куварова Е. К.** Типология русского эпистолярного вокатива / Е. К. Куварова. – Д. : Новая идеология, 2014. – 380 с.
3. **Матвеева Т. В.** Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н/Д : Феникс, 2010. – 562 с.
4. **Меньшиков И. И.** Подчинительные связи слов в современном русском языке : метод. указания / И. И. Меньшиков. – Д., 1984. – 52 с.
5. **Русская грамматика** / под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. – 2-е изд., исправл. – М. : Рус. яз., 1990. – 639 с.
6. **Стариченок В. Д.** Большой лингвистический словарь / В. Д. Стариченок. – Ростов н/Д : Феникс, 2008. – 811 с.
7. **Теньер Л.** Основы структурного синтаксиса : пер. с фр. / Л. Теньер / редкол. : Г. В. Степанов [и др.]. – М. : Прогресс, 1988. – 656 с.
8. **Українська мова** : енциклопедія / за ред. В. М. Русанівського, О. О. Тараненка. – К. : Укр. енцикл., 2000. – 752 с.

Надійшла до редколегії 10.12.14

УДК 811.161.1'373.46

О. В. Нашиванько

Государственное учреждение «Днепропетровская медицинская академия МОЗ Украины»

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ МЕДИЦИНСКОЙ КОСМЕТОЛОГИИ

Проанализировано строение понятийного пространства медицинской косметологии в соответствии с ее внутренними направлениями как науки и области практической деятельности. Установлены экстралингвистические основания выделения этих направлений. Предложено авторское видение понятийной организации концептосферы медицинской косметологии, обуславливающей организацию номинативного пространства, которое репрезентирует данную концептосферу в русском языке.

Ключевые слова: концептосфера медицинской косметологии, понятийная организация концептосферы, терминосистема.

Нашиванько О. В. Державний заклад «Дніпропетровська медична академія МОЗ України». *ДО ПИТАННЯ ПРО ПОНЯТТЄВУ ОРГАНІЗАЦІЮ ТЕРМІНОСИСТЕМИ МЕДИЧНОЇ КОСМЕТОЛОГІЇ*

Проаналізовано будову поняттєвого простору медичної косметології відповідно до її внутрішніх напрямів як науки та галузі практичної діяльності. Установлено екстралінгвістичні чинники виокремлення цих напрямів. Запропоновано авторське бачення поняттєвої організації концептосфери медичної косметології, яка зумовлює організацію номінативного простору, що репрезентує цю концептосферу в російській мові.

Ключові слова: концептосфера медичної косметології, поняттєва організація концептосфери, терміносистема.

Nashivanko O. V. State Establishment «Dnipropetrovsk Medical Academy of Health Ministry of Ukraine». *CONCERNING TO COMPREHENSIVE ORGANIZATIONAL TERMINOLOGICAL SYSTEM OF MEDICAL COSMETOLOGY*

The structure of conceptual sphere of medical cosmetology has been analyzed in the article according to its inner directions both as science and area of practical activity. The main ways of descriptive, systemic, structural and semantic methods have been used in the course of this investigation.

Results of the investigation. Inner directions of medical cosmetology both as science and area of practical activity are classified by the following: the subject of studying, the purpose, the object of purpose, the localization of the object, the applicable methods and technologies. Nominative area of medical cosmetology is structured according to comprehensive organization of its conceptual sphere, including therapeutic, surgical, diagnostic and preventive cosmetology. In its turn dermatocosmetology and «cosmetology of the body» is distinguished in therapeutic cosmetology, dermosurgery and aesthetic (cosmetological, cosmetic) surgery is distinguished in surgical cosmetology.

Key words: conceptual sphere of medical cosmetology, comprehensive organization of conceptual sphere, terminological system.

Изучение отраслевых терминосистем, как известно, относится к одному из приоритетных направлений лингвистических исследований последних десятилетий, что объясняется важной ролью терминологии и необходимостью её стандартизации в разных областях знания. Значимость таких исследований возрастает при обращении к недостаточно или совершенно неизученным в лингвистическом аспекте терминосистемам. В частности, это касается и терминологии косметологии – активно развивающейся области медицины, становление и формирование которой далеко от завершения.

К концу XX века сформировались не только основные ответвления общей косметологии, но и внутренние направления медицинской косметологии, число которых в наши дни все увеличивается в связи с бурным развитием эстетической

медицины, развитием рынка медицинских услуг, процедур и препаратов, направленных на улучшение внешности человека. В связи с этим перед лингвистами, изучающими терминологию этой молодой, но активно развивающейся отрасли, возникают вопросы, связанные с упорядочением и унификацией номинативной подсистемы, обслуживающей ее. Решение этих вопросов невозможно без предварительного изучения и описания понятийной организации терминосистемы, в соответствии с которой формируются группы и подгруппы терминов медицинской косметологии.

Целью исследования, результаты которого обобщены в настоящей статье, явилось выделение основных сегментов понятийного пространства медицинской косметологии в соответствии с ее внутренними направлениями как науки и области практической деятельности.

Данная работа продолжает наши публикации, посвященные описанию характера модели терминосистемы медицинской косметологии [3] и изучению организации номинативной системы косметологии в целом [4]. В ходе исследования использованы основные приемы описательного, системного и структурно-семантического методов. Материалом для исследования послужили наименования отраслей косметологии и их дефиниции, извлеченные в основном из рекламных материалов русскоязычных интернет-сайтов различных косметологических центров, клиник и салонов, а также словарей терминов косметологии.

Общую картину, иллюстрирующую деление номинативного пространства медицинской косметологии на сегменты, представляющие внутренние направления косметологии, можно получить уже в результате простого анализа сочетаемости слова *косметология* с возможными определениями, обозначающими видовые признаки этого понятия. Приведем ряд таких сочетаний, взятых нами из сети Интернет: *аппаратная косметология (к.)*, *лазерная к.*, *клеточная к.*, *терапевтическая к.*, *ароматерапевтическая к.*, *морская к.* (или *СПА-косметология*), *пластическая к.*, *фитокосметология*, *хирургическая к.*, *консервативная к.*, *гомеопатическая к.*, *СКЭНАР-косметология*, *ортопедическая к.*, *безоперационная к.* и т. д. Естественно, что здесь в одном ряду приведены как вариантные термины (ср., *терапевтическая к.* и *консервативная к.*), так и обозначения, находящиеся в отношениях рода и вида (ср.: *терапевтическая к.* и *гомеопатическая к.*; *аппаратная к.* и *СКЭНАР-косметология*).

Внутренние направления медицинской косметологии как науки и области практической деятельности можно классифицировать по разным критериям. В частности, в соответствии с предметом изучения выделяются такие направления косметологии, как *дерматокосметология* (занимается лечением и устранением кожных заболеваний и дефектов), *онкокосметология* (рассматривает проблемы доброкачественных опухолей и опухолевидных образований кожи, их диагностики и удаления), *аллергологическая косметология*, или *аллергокосметология* (изучает аллергические реакции и заболевания, связанные с применением косметических средств), *геронтокосметология* (занимается проблемами изменения внешнего облика, в первую очередь кожи, связанными как с естественным, так и преждевременным старением), *генетическая косметология*, или *генокосметология* (изучает проблемы наследственных и врожденных кожно-косметических заболеваний и дефектов, а также наследственной предрасположенности к тем или иным заболеваниям этого порядка). В эту подгруппу входят также *иммунокосметология* (изучает действие косметических веществ, повышающих иммунитет человека), *ортопедическая (антропометрическая) косметология* (занимается исправлением врожденных или приобретенных деформаций верхних и нижних конечностей человека, а также их коррекцией (удлинением, выпрямлением) с чисто эстетически-

ми целями, для устранения как физического, так и психологического дискомфорта) и некоторые другие направления, которые, как правило, формируются на базе основных дисциплин: дерматологии, алергологии, геронтологии и гериатрии, генетики, иммунологии, ортопедии и др.

Цель косметологии определяет появление таких направлений, как *профилактическая косметология* (изучает проблемы предупреждения косметических заболеваний и недостатков), *посттравматическая косметология* (занимается вопросами комплексной реабилитации больных с дефектами и недостатками внешнего облика после травм, ожогов, ранений), *диагностическая косметология* (позволяет определить малейшие предпосылки к возникновению проблем либо своевременно распознать уже начавшееся заболевание), *доказательная косметология* (формирующаяся в наши дни разновидность диагностической косметологии, основанная на применении аппаратных методик диагностирования кожи лица и тела) и др.

По объекту назначения (пациенту) различают *мужскую* (процедуры, предназначенные для мужчин) и *детскую косметологию* (занимается проблемами косметологической реабилитации детей и подростков).

И, наконец, с точки зрения локализации объекта, который подвергается косметологическому изучению и воздействию, говорят о *косметологии тела, лица* и т. д.

Классификации внутренних направлений медицинской косметологии по перечисленным выше критериям носят, если можно так сказать, «вертикальный» характер. В каждом из «вертикальных» ответвлений, в свою очередь, могут применяться одинаковые методы и технологии (скажем, мануальные методы, аппаратные технологии, хирургические методы и др.). В соответствии с применяемыми методами в терминсфере медицинской косметологии сформировалась довольно значительная группа наименований внутренних направлений, расположенных, условно говоря, в горизонтальной плоскости.

Классификация внутренних направлений медицинской косметологии по применяемым методикам и технологиям позволяет выделить такие отрасли медицинской косметологии, как *хирургическая* (коррекция возрастных изменений кожи, удаление новообразований, а также коррекция рубцовых изменений кожи с использованием инвазивных методик), *аппаратная* (различные косметические процедуры, проводимые с помощью специальной аппаратуры), *лазерная* (процедуры, основанные на лазерных технологиях), *мануальная* (методики лечения, устранения косметических дефектов и других воздействий без использования аппаратных средств), *инъекционная* (улучшение внешних данных и самочувствия при помощи разнообразных инъекций), *гомеопатическая* (лечение дефектов кожи гомеопатическими препаратами) и т. д.

Помимо наименований с опорным компонентом *косметология* в данную терминсистему входят наименования с атрибутом *косметологический*, который определяет название медицинской отрасли, науки или процедуры: *косметологическая остеопатия*, *косметологическая хирургия*, *косметологическая терапия*, *косметологическая пластика*, *косметологическая лазеротерапия*, *косметологическая механотерапия* и *косметологическая медицина*.

Довольно часто в таких наименованиях используется определение *косметический*, ср.: *косметическая хирургия*, *косметическая коррекция стоп (подология)*, *косметическая неврология*, *косметическая флебология*, *косметическая акупунктура*, *косметическая терапия* и *косметическая медицина*.

Конечно же, многие из приведенных выше номинаций не являются устоявшимися и общепринятыми терминами, характеризуются отношениями вариант-

ности и синонимии, но изложенное выше позволяет получить общее представление о внутреннем строении концептосферы медицинской косметологии, которая продолжает активно развиваться.

Исходя из представления об иерархическом строении концептосферы медицинской косметологии, мы, выделив ее из общей косметологии, подразделяем на терапевтическую и хирургическую, что основано на применяемых методах лечения.

Кроме терапевтического и хирургического направлений к данному рангу классификации мы считаем целесообразным отнести диагностическое и профилактическое направления косметологии. По поводу первого наш подход совпадает с большинством классификаций научных, справочных и интернет-источников. Профилактическое же направление традиционно относится к области эстетической косметологии (см., например [1, с. 371]). Мы же считаем, что к эстетической косметологии относится так называемая гигиеническая косметология, которую иногда включают в состав профилактической. Собственно же профилактическая косметология, которая занимается вопросами, связанными с поддержанием нормального функционирования человеческого организма в целом, в том числе и кожи, относится к медицинской косметологии. Эту позицию, представленную в работе И. И. Кольгуненко и Т. М. Бутковской [2, с. 6], мы вполне разделяем.

Следующий уровень классификации предусматривает дальнейшее разделение терапевтической и хирургической косметологии. Традиционно к сфере терапевтической косметологии относится дерматокосметология – раздел медицинской косметологии, который проводит лечение заболеваний кожи и ее придатков на медицинском уровне [1, с. 140].

Современная терапевтическая косметология не ограничивается только лишь воздействием на кожу. По материалам интернет-страниц одним из частых сочетаний на различных косметологических сайтах является *косметология тела*, которое фигурирует как в названиях, так и в текстах. Например: «**Косметология тела**. Отделение косметологии ОН КЛИНИК предлагает широкий спектр услуг в такой области, как *косметология тела* (курсив наш. – О. Н.), направленной на поддержание красоты и молодости, а также на лечение разнообразных дерматологических проблем (<http://www.onclinic.ru>); «С тех пор, как появилась *косметология тела*, обладать красивой фигурой и подтянутой кожей не просто престижно – это естественно и необходимо! (<http://www.aphina-salon.ru>)»; «Лучшие результаты за короткий срок! Этому лозунгу соответствуют самые популярные аппаратные процедуры кабинета *косметологии тела*. Эндермология, ELOS- и УЗ-терапия, термокорпоральное электромоделирование, прессотерапия, сеансы в климат-капсуле – данные процедуры эффективно уменьшают объемы тела, выводят шлаки, повышают тонус кожи и мышц» (<http://botticelli.sokfitness.ru>) и т. д.

Исходя из вышеизложенного, мы полагаем, что в терапевтической косметологии следует выделить раздел, который условно можно назвать косметологией тела, или, используя греческое слово *сōта* (тело), – соматокосметологией.

Хирургическая (пластическая) косметология объединила методы как пластической хирургии (с использованием скальпеля), так и методы дерматологической хирургии, к которым относятся электро-, крио- и химиохирургия, дермабразия (шлифование кожи), а также появившиеся сравнительно недавно радиохирургия и лазерная хирургия. В соответствии с используемыми методами в хирургической косметологии целесообразно выделить такие разделы, как дерматохирургия и эстетическая (косметологическая, косметическая) хирургия.

Остановимся попутно на терминах *пластическая хирургия* и *эстетическая (косметологическая, косметическая) хирургия*, которые в дискурсах по космето-

логии часто не различаются, что, на наш взгляд, не совсем верно. Косметическая (косметологическая) хирургия отличается от пластической объектом и целью оперирования. Пластическая хирургия призвана исправлять реальные, а не воображаемые дефекты внешности или последствия травм, целью же косметической хирургии является улучшение внешности и повышения самооценки человека с помощью хирургических методов (<http://www.1nep.ru/plasty/>; <http://women.dp.ua>). Исходя из реального соотношения тематических сфер термин *косметическая* (*косметологическая, эстетическая*) *хирургия*, обозначающий ответвление пластической хирургии, следует рассматривать как гипоним (видовой термин) по отношению к гиперониму (родовому термину) *пластическая хирургия*.

Значительное место в современной медицинской косметологии отводится аппаратным методикам, что привело к появлению такой отрасли косметологии, как аппаратная косметология. На самом деле аппаратные технологии, как мы уже отмечали, могут применяться в различных разделах медицинской косметологии, начиная с диагностической и профилактической, в которых, как и в терапевтической косметологии, широко используются аппаратные технологии (лечение без нарушения целостности кожного покрова). Дерматохирургия, в свою очередь, предусматривает применение аппаратных технологий с пенетрацией кожи, то есть нарушением ее целостности. Наряду с аппаратными методиками в диагностическом, профилактическом и терапевтическом разделах косметологии традиционно используются различные безаппаратные процедуры и методы.

Таким образом, внутренние направления медицинской косметологии как науки и области практической деятельности классифицируются: по предмету изучения, назначению, объекту (пациенту), локализации объекта, применяемым методикам и технологиям. Номинативное пространство медицинской косметологии структурируется в соответствии с понятийной организацией ее концептосферы, включающей терапевтическую, хирургическую, диагностическую и профилактическую косметологию. В свою очередь, в терапевтической косметологии выделяется дерматокосметология и косметология тела, а в хирургической – дерматохирургия и эстетическая (косметологическая, косметическая) хирургия.

Перспективы исследования видятся нам в систематизации номинативного пространства медицинской косметологии в соответствии с выделенными понятийными сферами и лингвистическом анализе номинативных единиц, репрезентирующих каждую из них.

Библиографические ссылки

1. **Дрибноход Ю. Ю.** Косметика и косметология : словарь-справочник / Ю. Ю. Дрибноход. – Изд. 2-е, дополн. и переработ. – Ростов н/Д : Феникс, 2008. – 540 с.
2. **Кольгуненко И. И.** Косметика или косметология? / И. И. Кольгуненко, Т. М. Бутковская. – М. : Знание, 1990. – 192 с.
3. **Нашиванько О. В.** Модель терминосистемы медицинской косметологии в русском языке // Вісн. Дніпропетр. ун-ту. Сер. Мовознав. – Вип. 20, т. 2. – 2014. – С. 103–109.
4. **Нашиванько О. В.** Названия направлений косметологии и их определения (на материале русскоязычных сайтов косметологических учреждений) // Вісн. Дніпропетр. ун-ту. Сер. Мовознав. – Вип. 16. – 2010. – С. 88–94.

Надійшла до редколегії 26.01.15

УДК 811.161.81'42

В. А. Омеляненко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

КОМБИНАТОРИКА КОМПОНЕНТОВ РЕКЛАМНОГО ЗАГОЛОВКА КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ЕГО ЭКСПРЕССИИ (на материале журнала «Т3»)

На материале заголовочных комплексов журнала «Т3» рассмотрены лингвокреативные возможности сочетаемости грамматических компонентов в аспекте их актуализации. Дано определение понятия «актуализация грамматических компонентов». Проанализированы приемы комбинаторики компонентов заголовка в соответствии с видами порождаемой экспрессии. Установлено, что количественная экспрессия является результатом концентрации однородных грамматических форм и приёма грамматических контрастов, эффект качественной экспрессии обеспечивается комбинацией различных компонентов.

Ключевые слова: рекламный заголовок, комбинаторика грамматических компонентов, количественная экспрессия, качественная экспрессия.

Омеляненко В. О. Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара. **КОМБІНАТОРИКА КОМПОНЕНТІВ РЕКЛАМНОГО ЗАГОЛОВКА ЯК ЗАСІБ СТВОРЕННЯ ЙОГО ЕКСПРЕСІЇ** (на матеріалі журналу «Т3»)

На матеріалі заголовків журналу «Т3» розглянуто лінгвокреативні можливості сполучуваності граматичних компонентів в аспекті їх актуалізації. Визначено поняття «актуалізація граматичних компонентів». Проаналізовано прийоми комбінаторики компонентів заголовка відповідно до виду породжуваної експресії. Встановлено, що кількісна експресія є результатом концентрації однорідних граматичних форм та прийому граматичних контрастів, ефект якісної експресії забезпечує сполучуваність різних компонентів.

Ключові слова: рекламний заголовок, комбінаторика граматичних компонентів, кількісна експресія, якісна експресія.

Omelyanenko V. A. Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **COMBINATORICS OF COMPONENTS IN THE PROMOTIONAL TITLE AS A MEANS OF CREATING ITS EXPRESSION** (As exemplified in the magazine "T3")

The purpose of the article is to describe combinatory of grammatical components as one of the main ways of actualization of grammatical components statements to create the expression of promotional title. Objectives of the article: 1) to define the concept of "actualization of grammatical components"; 2) to analyze the headlines promotional titles of the magazine «Т3» including expressive grammatical constructions of their components combinatory.

The article presents various scientific methods including discursive analysis, contextual analysis. Descriptive method used for generalizing, organizing and interpreting the results of observations.

Results: 1) a definition of the concept of «updating grammatical components»; 2) the techniques of combinatory components header in accordance with the types generated by the expression are analyzed; 3) it is revealed that homogeneous concentration of grammatical forms and receiving grammatical contrasts effect is the result of quantitative expression and the combination of various components is the result of qualitative expression.

Key words: promotional title, combinatory of grammatical components, quantitative expression, qualitative expression.

Известно, что наиболее благоприятной средой для любого экспериментирования, внедрения нового являются лексика и словообразование, однако русская грамматика (как морфология, так и синтаксис) также обладает богатым творческим потенциалом. Несмотря на то что морфология в большей степени сдерживается узусом, но и для неё рамки общепринятых реализаций часто оказываются тесны [5, с. 8].

Интенсивное развитие современной лингвистики, обилие работ по теории языковой игры и шире – по лингвистике креатива – всё это даёт почву для нахождения малоизученных тем и подтем. Исследователи до сих пор в качестве материала чаще выбирают художественные и поэтические тексты, реже – разговорный и публицистический дискурс. Однако в современном коммуникативном пространстве именно в СМИ наиболее полно отражаются активные языковые процессы, динамика которых обусловлена как экстралингвистическими, так и собственно языковыми причинами [3, с. 3]. Заметно меняется сам арсенал языковых средств, обеспечивающих основной конструктивный принцип организации медиатекстов, – сочетание экспрессии и стандарта [4].

Актуальность нашего исследования обусловлена интенсивностью использования грамматических средств экспрессии в рекламном заголовке: в условиях борьбы за читателя возникает необходимость усиления информативной составляющей рекламного медиатекста, с одной стороны, и лингвокреативной – с другой; возрастающей ролью газетно-публицистического стиля, включающего рекламный подстиль, и теми радикальными изменениями, которые он претерпел в последние десятилетия; повышением прагматической значимости заголовка в условиях современной масс-медийной коммуникации, а также тем, что современные СМИ отказываются от сухого языка и стереотипного мышления. Сегодня журналисты и составители рекламных текстов стремятся к обновлению языковых средств и, следовательно, ищут новые приёмы и способы привлечения читательского внимания.

Цель настоящей публикации состоит в описании комбинаторики грамматических компонентов как одного из основных способов актуализации грамматических компонентов высказывания для создания экспрессии рекламного заголовка. Заявленная цель предусматривает следующие **задачи**: 1) определить понятие «актуализация грамматических компонентов»; 2) проанализировать корпус заголовков рекламных материалов, включающих экспрессивные грамматические конструкции, с точки зрения комбинаторики их компонентов.

Объектом исследования являются такие малоформатные тексты, как заголовки рекламных материалов, а **предметом** – лингвокреативный потенциал грамматических компонентов заголовков рекламных текстов. **Материалом** для исследования послужили заголовочные комплексы, которые были отобраны из специализированного журнала «Т₃» – «Технологии третьего тысячелетия» за 2010–2011 гг.

При исследовании использован комплекс различных научных **методов**, включающий дискурсивный и контекстуальный анализ. При обобщении, систематизации и интерпретации результатов наблюдений применен описательный метод.

Проблема инноваций – традиционно одна из самых обсуждаемых в отечественной лингвистике и, прежде всего, – по отношению к лексическому и словообразовательному уровням языка, так как именно здесь слово, обнаруживая языковые потенциалы, проявляет наибольшую динамичность и гибкость. Грамматические инновации реже привлекают внимание лингвистов, поскольку на первый взгляд в их основе, в частности в основе грамматической неузуальности, лежат типичные языковые механизмы. Но лексическое значение конкретного слова и его грамматическая форма могут находиться в состоянии внутреннего конфликта, в той или иной степени актуализированного. Вследствие этого «невозможное в системе языка оказывается возможным в авторском контексте благодаря творческому развитию значения слова» [1, с. 11] и актуализации тех или иных элементов грамматической системы, обеспечивающих выразительность высказывания.

Актуалізація граматических компонентів висказування, под якою розуміється «такої характер ужиття слова, при якому реалізація особливостей його словозміни, словотвору або семантики робить його інформаційно, експресивно або прагматично значимим» [5, с. 24], може створюватися різними способами, в числі яких дослідники називають і такий прийом, як комбінаторика компонентів заголовочних комплексів [Там же, с. 32].

Експресія висказування звичайно не локалізована в одному елементі і створюється комбінаторикою різних компонентів – від традиційного прийому повтору, дійсного і «перевіреного» стилістичного засобу, до самих складних комбінацій [Там же, с. 39]. Дослідників цікавлять ті з них, в яких актуалізуються власне граматическі елементи: різні поєднання (сопоставлення і протиставлення) самих граматических форм, а також їх поєднання з іншими елементами висказування з метою посилення експресивного ефекту. Як правило, в рекламній заголовку для посилення його виразності і експресивності комбінуються кілька граматических компонентів, створюючи кількісну або якісну експресію [Там же, с. 39–45]. В частині, кількісна експресія створюється в результаті концентрації однорідних граматических форм («граматических рядів»), сопоставлення частинно протиставлених по граматическому значенню форм («граматических контрастів»), ефект якісної експресії забезпечується комбінацією різних (не тільки граматических) компонентів. Розглянемо відзначені прийоми більш детально.

Грамматическі ряди, створюючи кількісну експресію, представлені в заголовку статті про ноутбук AsusMS 2384 – «*Ультратонкий. Ультростильний. Ультракачественний?..*» (Т₃, травень, 2010). Накопичення граматических форм поєднується з іншими синтаксическими засобами експресії: парцеляцією і риторическим питанням в заключній частині заголовка. Трьохкратне повторення приставки *ультра-* в поєднанні з різними прикметними актуалізує позитивний ознак предмету, підкреслює його цінність. Третя характеристика є наслідком перших двох, і це відображає рекламну функцію заголовка. Нанизування граматических форм з повторюючою приставкою *ультра-* зі значенням ознаки, який характеризується крайньої, надмірної ступенню прояву таких властивостей гаджета, як його товщина (*ультратонкий*) і престижність (*ультростильний*), призначено, за думкою автора матеріалу, підвести читача до висновку і об його виключному якості (*ультракачественний*). І цей висновок володар гаджета повинен зробити сам в процесі його використання. Отже питанняльний знак після останнього компонента заголовка. Копірайтер як би ставить питання: «Дійсно чи нові параметри ноутбука є гарантією його високої якості?» і пропонує потенційному споживачеві самому це перевірити.

Наступну різновидність кількісної експресії – граматический контраст як експресивно-естетический засіб, акцентуючий граматическу опозицію, можна розглянути на прикладі заголовка «*Як аналог аналогу*» (Т₃, жовтень, 2010). В заголовку – дві граматическі форми, реалізуючі омонімічні значення і представляючі собою в одному випадку іменник *аналог* («те, що представляє собою відповідність з чимось, схожість з чим-л.» [2]), який відноситься до прикметним *аналогічний* («схожий, подібний» [Там же]), а в іншому – новоутворення від прикметного *аналоговий* («призначений для виконання операцій з неперервно-змінюючися фізическими величинами» [Там же]). Омонімічні значення граматических форм підтримуються предметним протиставленням двох типів диктофонів:

«цифры» (цифрового) и «аналога» (аналогового, кассетного). Актуализированные семантико-грамматическая и предметная оппозиции передают в игривой форме информацию о появлении нового кассетного диктофона Olympus DP-20, аналогичного старому, только более усовершенствованного.

Публикация об универсальной домашней станции – настольном ПК Bravo A50.71 для работы и развлечений называется «*Брависсимо, Bravo*» (Т₃, май, 2010). Мало того что название торговой марки ПК созвучно с междометием, выражающим возглас одобрения, похвалы, восхищения, в сочетании с ней использована усилительная форма междометия *браво* – *брависсимо*.

Семантический и грамматический контраст как средство создания количественной экспрессии представлен в заголовке «*Ударим внедорожником по бездорожью!*» (Т₃, апрель, 2010). Здесь контрастируют два однокоренных слова: *внедорожник* – автомобиль, обладающий повышенной проходимостью по бездорожью (в просторечии – джип) и *бездорожье* – отсутствие или недостаточное количество благоустроенных дорог. Кроме того, анализируемое наименование является метафорическим. Метафора выражает авторскую интенцию – передать мысль о преимуществах внедорожника.

Эффект качественной экспрессии в заголовке «*Резвись, игрун!*» (Т₃, апрель, 2010) создаётся за счёт комбинации словообразовательных и грамматических механизмов. На синтаксическом уровне заголовок представляет собой риторическое обращение и восклицание. Неузальная грамматическая форма *игрун* вместо привычного и общеупотребительного *игрок* является основным механизмом создания экспрессии в анализируемом примере. Суффикс *-ун* имеет значение «тот, кто склонен совершать определённое действие», следовательно, форма *игрун* не нарушает словообразовательных правил русского языка. Такая форма имеет более шуточный оттенок, выражает непринуждённое, фамильярное отношение к любителю компьютерных игр.

Качественная экспрессия создается также вследствие комбинирования компонентов разных языковых уровней. Остановимся на характеристике наиболее ярких из них.

Сочетание лексических и словообразовательных компонентов

«*Рули iPhone'OM*» (Т₃, декабрь, 2010). Иноязычное вкрапление, представленное в приведённом заголовке латиницей, подчинено словообразовательным правилам русского языка и имеет грамматическое значение м. р., ед.ч, тв. п. Лексическая экспрессия актуализируется употреблением жаргонного глагола *рулить* – «управлять рулём; вести какое-либо транспортное средство в каком-либо направлении; (ирон.) управлять чем-либо, иметь власть» [2, с. 1133]. В нашем случае актуализирован иронический оттенок значения. Автор статьи даёт понять, что наличие айфона предоставляет возможность его обладателю почувствовать себя главным «законодателем моды».

Сочетание лексических и синтаксических компонентов

«*X?X!X!!!*» (Т₃, январь, 2010). На первый взгляд заголовок кажется абсолютно непонятным, потому что вместо слов стоят прописные буквы X. Согласно Большому толковому словарю русского языка X (икс) [с прописной буквы] – условное обозначение неизвестного или умышленно не называемого лица [Там же, с. 388]. Следовательно, читатель сам может додумать неизвестное слово, например: «Стоит? Стоит! Стоит!!!». Обратившись к содержанию статьи, читатель понимает, что речь идёт о модели супертонких нетбуков в мире серии SonyvaioX и в заголовке обыгрывается один из компонентов серийного обозначения его модели. Таким образом, значение X предстаёт как синкретичное (семантический ком-

плекс, соединяющий смыслы «X – неизвестное» и «xX – компонент серийного обозначения модели нетбука»).

Сочетание лексических, фонетических и синтаксических компонентов «Топ-Клава – дисплей справа!» (Т₃, декабрь, 2010). В приведённом заголовке актуализация происходит за счет языковой игры, построенной на сталкивании слов омонимов: *Клава* – краткая форма женского имени Клавдия и *клава* – жаргонное наименование клавиатуры. Первое значение актуализируется в подаче компонента *клава* в сложном существительном *топ-клава* как собственного имени, а второе значение – в содержании статьи, которая посвящена клавиатуре со встроенным ПК. Первый компонент сложения *топ* указывает на высшую степень, *топ-клава* – клавиатура высшей категории. На фонетическом уровне экспрессия создается созвучием слов *Клава – справа*, на синтаксическом уровне эмоциональное отношение к новому устройству выражается оформлением заголовка как восклицательного предложения.

Еще один случай семантико-грамматической аттракции жаргонного неологизма *клава* (клавиатура) и собственного имени Клава реализуется в заголовке «*Чувственная Клава*» («Т₃», июль-август, 2010), в контексте которого обнаруживается совмещение значений «способный воспринимать внешние воздействия», «воспринимаемый чувствами», «доставляющий наслаждение», «возбуждающий влечение». Рекламируемый нетбук оснащен двумя сенсорными дисплеями, один из которых встроен в клавиатуру. Компьютерный жаргонизм *клава* (клавиатура), оформленный как собственное имя, омонимом которого он является, в сочетании с адъективом продуцирует ассоциации с девушкой, которая своим внешним видом возбуждает желание прикоснуться к ней. Эта ассоциация поддерживается и фотографией нетбука, на которой дисплеи выделены красной подсветкой на фоне черного корпуса.

Таким образом, проведенное исследование показало, что в создании разных видов экспрессии заголовочного комплекса важную роль играют различные приемы сочетаемости его грамматических компонентов. Так, количественная экспрессия является результатом концентрации однородных грамматических форм и приема грамматических контрастов, эффект качественной экспрессии обеспечивается комбинацией различных компонентов. При комбинаторике разноуровневых экспрессивных средств в пределах высказывания «сила» экспрессивного эффекта возрастает. В целом же малоформатные жанры – журнальные заголовки, представляющие собой мини-тексты, особо интересны в плане изучения различных способов выражения экспрессии, в том числе и за счёт комбинаторики грамматических и неграмматических компонентов, что и составляет, на наш взгляд, перспективу дальнейших исследований.

Библиографические ссылки

1. **Бабенко Н. Г.** Окаzionale в художественном тексте. Структурно-семантический анализ : учеб. пособие / Н. Г. Бабенко. – Калининград, 1977. – 80 с.
2. **Большой толковый словарь русского языка** / гл. ред С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
3. **Валгина Н. С.** Активные процессы в современном русском языке / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2001. – 304 с.
4. **Костомаров В. Г.** Языковой вкус эпохи : из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – М., 1999.
5. **Ремчукова Е. Н.** Креативный потенциал русской грамматики / Е. Н. Ремчукова. – Изд. 2-е, исправл. и дополн. – М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 224 с.

Надійшла до редколегії 29.01.15

УДК 811.161.81'38

Е. И. Панченко

*Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара***СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
НОВОГО ЖАНРА ИРОНИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ**

Рассмотрены особенности содержания и формы одного из новых кратких жанров современной интернет-поэзии, который получил название «пирожки» или «перашки». Отмечено, что по форме «пирожки» представляют собой четырёхстрочные стихи без рифмы («нескладушки»), без заглавных букв, без знаков препинания, строго определённого ритма и размера (четырёхстопный ямб, 9-8-9-8 слогов). По содержанию это проникнутые иронией стихотворения, в которых затронуты житейские и философские проблемы, отражены происходящие события.

Ключевые слова: поэзия, краткая форма, жанр, ирония, графические особенности.

Панченко О. І. Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара.
СЕМАНТИКО-СТИЛІСТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ НОВОГО ЖАНРУ ІРОНІЧНОЇ ПОЕЗІЇ

Розглянуто особливості змісту і форми одного з нових коротких жанрів сучасної інтернет-поетії, який отримав назву «пиріжки» або «перашки». З'ясовано, що за формою «пиріжки» – це вірші, що складаються з чотирьох рядків без рими, без великих літер, без розділових знаків, строго визначеного ритму і розміру (чотиристопний ямб, 9-8-9-8 складів). За змістом це пройняті іронією вірші, у яких порушено життєві та філософські проблеми, відображено сучасні події.

Ключові слова: поезія, коротка форма, жанр, іронія, графічні особливості.

Panchenko E. I. Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **SEMANTIC AND STYLISTIC FEATURES OF A NEW GENRE OF IRONIC POETRY**

This article is in line with current research, because the genre innovations of modern Russian language are closely related both to the general linguistic and extralinguistic problems. Linguistic features of modern poetry are studied by many authors, including E. Seifert, E. B. Kuznetsova, D. A. Sukhovey and a number of other researchers. However, innovations in the field of contemporary poetry genre are so diverse that in linguistics still there are certain niches. So, one of the new ironic genres – cookies or "perashki" has not yet received the theoretical coverage.

The purpose of this paper is to analyze the semantic and stylistic specificity of this genre of ironic poetry. There is a new poetic genre cookies (or perashki) – four-line poetry without rhyme ("neskladushki"), no capital letters, no punctuation, rhythm and strictly defined size (four-line pentameter, 9-8-9-8 syllables). This genre appeared in 2003 and is characterized by the satirical and humorous tone, anecdotal, locality art space, event-specific spheres, typical characters, direct appeal to the reader by the narrator, speaking and the use of low and even obscene language, simple syntax, 4-stop pentameter, no rhyme. Graphic features of cookies are defined by the rule: hidden syllables should be shown explicitly; words are written as they sound.

The crystallization process of the genre in literature lasts as long as it takes to become a tradition of this genre. Becoming a tradition, a new genre ceases to be new.

Key words: poetry, short form, genre, irony, graphic peculiarities.

Данная статья написана в русле актуальных исследований, поскольку жанровые инновации современного русского языка тесно связаны как с общелингвистическими, так и экстралингвистическими проблемами. «Новый, весьма пестрый, язык современной культуры, особенно литературы, а в литературе – особенно поэзии, остро нуждается в подробном филологическом исследовании, в интерпретации наиболее трудных приемов» [8, с. 3]. Жанр является категорией, назначение которой состоит в создании образа мира как воплощения определённой эстетической концепции действительности, и обладает способностью адекватного отражения этнических устремлений.

Лингвистические особенности современной поэзии изучают многие авторы, в том числе Е. И. Зейферт [1], Е. Б. Кузнецова [2], Д. А. Суховой [8]. Однако инновации в жанровой сфере современной поэзии так разнообразны, что в лингвистике остаются определенные незаполненные ниши. Так, один из новых иронических жанров – пирожки, или «перашки», еще не получил теоретического освещения.

Целью написания нашей статьи явился анализ семантико-стилистической специфики нового жанра иронической поэзии.

По данным электронной энциклопедии современной культуры, фольклора и субкультуры «Луркоморье» [4], существует новый стихотворный жанр – «пирожки» (вариант – «перашки») – четырёхстрочные стихи без рифмы («нескладушки»), без заглавных букв, без знаков препинания, строго определённого ритма и размера (четырёхстопный ямб, 9–8–9–8 слогов). По мнению составителей, помимо формата в нём присутствует неуловимый пирожковый дух. «Пирожок» должен волновать читателя и не быть банальным. Этот жанр появился в 2003 г. Авторы писали хокку, а также экспериментировали с другими минималистическими поэтическими жанрами: вдвоенные хокку с рифмой, лимерики и др. Предшественниками «пирожков», согласно этим жанровым особенностям, можно считать поджанр бытовых хокку – сенрю, стихи Олега Григорьева и миниатюры Хармса. Пирожки иногда называют «русскими хокку».

Принято считать, что самый первый «пирожок» – это:

*когда играют кастаньеты
когда звучит пожарный гонг
идут по улице солдаты
их ружья тёплые как соль.*

В 2009 г. была опубликована первая книга «перашков». В книгу «Непоэзия. Избранные пирожки» вошло около 500 «пирожков» Владислава Кунгурова, Сергея Белякова, Веры Барковской, Евгении Тен и Вадима Саханенко [3]. На сегодняшний день известны четыре печатных сборника коротких стихов: «Непоэзия. Избранные пирожки», «Пирожки с буквами», «Cookies-роет (стихи-пирожки)» с переводом на английский и альманах «Пирожки». Все книги состоят из стихотворений разных поэтов. Количество авторов варьируется от четырёх человек до нескольких десятков.

Начало декабря 2010 г. можно считать примерной датой открытия сайта perashki.ru. Безусловно, прежде всего, это сетевая форма стихосложения. Многочисленные сообщества и сайты заполнены авторскими и копипастными четверостишиями. Известно «пирожковое» сообщество в ВКонтакте, насчитывающее четверть миллиона участников. Сначала на сайте писали авторы с сайта Сохаса, затем к ним присоединились авторы из ЖЖ-пирожковой. На сайте была введена система рейтинга, основанная на оценках «плюс» и «минус», а также «нетленка», куда попадали хорошо оценённые «пирожки». Сайт perashki.ru стал основной «пирожковой» площадкой рунета, на нём собралась большая часть активных авторов, в том числе многие из тех, кто стоял у истоков жанра. Ежедневно на сайте публикуются десятки свежих «пирожков». Так, 5 января 2014 «пирожковая» откликнулась на приход снежной зимы:

*мы все в ответе за снежинок
что приземлились нам в ладонь
чей стон у нас под сапогами
чья плоть на нашем языке.*

О «пирожках» были написаны статьи в периодических изданиях, выходили передачи на радио и телевидении [5]. «Пирожок» не обязательно должен быть смешным. Есть целая серия грустных, даже печальных стихотворений. Многооб-

разие «пирожкового» мира поражает своим глубинным смыслом, иронией, особым отношением к жизни и творчеству:

*две параллельные прямые
живут в эвклидовом мире
и бегают пересекаться
в мир лобачевского тайком.*

Опираясь на концепцию М. Бахтина, мы можем говорить об определенной карнавализованности жанра: во-первых, это то, что русский ученый называл материально-телесным началом жизни – образы тела, еды, питья. Одной из главных тем «пирожков» является поглощение пищи [7, с. 14]. Особая черта карнавализации «перашков» – сочетание смеха, насилия и смерти, наличие масок постоянных героев:

*Приходит смерть она в гавайке
Вьетнамках шортах и кричит
Скорей ты у меня последний
И в отпуск в отпуск иии-хха.*

Среди совокупности жанрообразующих признаков «перашка», по нашим наблюдениям, следует назвать сатирическую и юмористическую тональности, анекдотичность, локальность художественного пространства, характерные событийные сферы (любовные отношения, алкоголь, взаимоотношения детей и старшего поколения, политика, природа, история, литература и т. д.), типичность персонажей (Олег, Оксана, Николай), прямое обращение рассказчика к читателю, разговорность речи и использование сниженной и даже обценной лексики, простота синтаксиса, 4-стопный ямб, отсутствие рифмы. В «перашках» наблюдается внимание к миру слова, однако оно крайне иронично, если не сказать более:

*графин лафа фреон фрилансер
жираф гофра олигофрен
пытался вспомнить текст боярский
но хрен.
возьми свои слова обратно
неблагодарная ты тварь
воскликнул игорь и захлопнул
словарь.*

Литература, в первую очередь русская, дает основания для написания множества «перашков»:

*замиокулькас достоевский
и пахиподиум толстой
забастовали в воскресенье
пересади нас идиот.*

В простом и кратком жанре часто используется аллюзия, выраженная или прямо:

*я вас любил подумал пушкин
включил планшет открыл блокнот
любил любовь ещё быть может
загуглил вроде не боян,*

или изящно скрытая в тексте:

*был эльф сражен ее чертами
печальным блеском серых глаз
изящной маленькой фигурой
в неброской шубке из крота.*

На примере «пирожков» очень просто увидеть, что происходит во многих современных семьях: чувственное, эмоциональное отдаление, когда люди сбрасывают друг на друга очень много агрессии и очень сильно обесценивают друг

друга. С одной стороны, они хотят получить любовь, с другой – агрессивно настроены к тем, кто эту любовь может дать:

*Я женищинам не доверяю
Они коварны и хитры
Они на ногти клеят ногти
Рисуют брови на бровях.
Мечтает глеб вон с той девчонкой
на байке по ночной москве
а мама шорты на колготки
опять напялила ему.*

Исторические коллизии также не остаются без внимания составителей «перашков», например:

*А где тут руль спросил гагарин
деревня буркнул королев
еще спроси а где тут вожжи
еще поехали скажи.
сошлись фома и станиславский
друг против друга стали в рост
как олимпийцы состязаясь
в переневерит кто кого.*

Юмор в роли защитного образования может помогать справляться с душевной болью, тревогой, недоумением по поводу происходящих событий.

*у губернатора проблема
где взять асфальта для дорог
чтоб ездить на порше который
по накладным и есть асфальт.*

Не так давно появились «пирожки» как отклики на события в Украине:

*мы против власти олигархов
три месяца твердил майдан
а кто сейчас об этом вспомнит
тот провокатор и москаль.*

Несмотря на бьющую через край критичность и злую сатиру, в «перашках» можно встретить и положительные примеры, и своеобразную добрую дидактику:

*веду здоровый образ жизни
я за собой на поводке
он упирается и плачет
не хочет в бар со мной идти.*

*когда мое настало время
господь добавил восемь дней
примерно столько набежало
за всех поглаженных котов.*

К семантико-стилистическим чертам наиболее удачных «перашков», несомненно, следует отнести создание эффекта неожиданности, особенно когда этот эффект кроется в последнем слове:

*Валера долго сомневался
не изменить ли пол ему
и посоветовавшись с мамой
решил положим ламинат.*

Графические средства организации поэтической речи связаны с разными уровнями языковой и стиховой структуры. С помощью этих средств актуализируются фонетический, лексико-семантический, морфологический, пунктуационный, синтаксический, стилистический и композиционный потенциал текста [8, с. 15]. Графические

особенности «перашков» определяет правило: скрытые слоги следует прописывать явно (*пѣтыр* и *театыр*); слова записываются так, как они звучат:

*ища существованья смысыл
внутри себя любовь ища
пойми что счастье ведь не завтра
а ища.*

Сравнительно недавно возник новый вид «перашков» – «порошки». «Порошок» отличается от «пирожка» только рифмой и усечённой четвёртой строкой. Этот жанр стал новой возможностью для творческого человека быстро заявить о себе как о новом авторе.

*филолог глеб суровый парень
он лупит о косяк дверей
всех тех кто звонит и готовит
куррей*

*я кофе я мужского рода
я не желаю быть оном
пусть чай пьют те кто не согласен
со мною.*

Новые же стихотворные формы не опираются только на рифму, они становятся более «концептуальными», то есть их формальность уступает место содержательной наполняемости. Развитие (разработка) новых форм в литературе совсем не обязательно ведет к появлению новых жанров. Для нового жанра должна созреть потребность. Процесс кристаллизации жанра в литературе длится столько, сколько нужно, чтобы этому жанру стать традицией. Став традицией, новый жанр перестает быть новым.

Библиографические ссылки

1. Зейферт Е. И. Жанровые процессы в поэзии российских немцев второй половины XX – начала XXI вв. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.08 «Теория литературы. Текстология» / Е. И. Зейферт. – М., 2008. – 50 с.
2. Кузнецова Е. Б. Семантические процессы в языке современной поэзии : Метафора и метонимия в текстах метаметафористов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 «Русский язык» / Е. Б. Кузнецова. – СПб., 1996. – 21 с.
3. Кунгуров В. НЕПОЭЗИЯ : избранные пирожки / В. Кунгуров и др.; ред.-сост. В. Саханенко. – Мн. : И. П. Логвинов, 2009. – 480 с.
4. Луркоморье – энциклопедия современной культуры, фольклора и субкультур [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lurkmore.to/>. – Загл. с экрана.
5. Любаров Ю. «Пирожки с буквами» как зеркало эволюции осмысленного текстосложения [Электронный ресурс] / Ю. Любаров. – Режим доступа : http://frazza.ua/analitics/30.11.13/179535/pirozhki_s_bukvami_kak_zerkalo_evolyutsii_osmyslennogo_tekstoslozhenija.html. – Загл. с экрана.
6. Руднев В. Словарь культуры XX века / В. Руднев. – М. : Аграф, 1997. – 384 с.
7. Соболева Н. В. Английская абсурдная поэзия: проблемы поэтики и перевода (на примере творчества Э. Лира) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья (английская литература)» / Н. В. Соболева. – Екатеринбург, 2008. – 23 с.
8. Суховой Д. А. Графика современной русской поэзии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 «Русский язык» / Д. А. Суховой. – Санкт-Петербург, 2008. – 20 с.
9. Фатеева Н. Открытая структура. О поэтическом языке и тексте рубежа XX–XXI веков / Н. Фатеева. – М. : Вест-Консалтинг, 2006. – 160 с.

Надійшла до редколегії 12.01.15

УДК 811.161.81'42

А. Н. Пикалова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

СПОСОБЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ЛЕКТОРА

Рассмотрены особенности речевого воздействия лектора на аудиторию на материале лекций доктора физико-математических наук, профессора С. П. Капицы и доктора исторических наук, профессора С. П. Карпова. Определено, что речевое воздействие применяется в лекциях достаточно широко и реализуется четырьмя типами: социальным, оценочным (эмоциональным), волеизъявлением и разъяснением (информированием).

Ключевые слова: речевое воздействие, лекция, социальное воздействие, волеизъявление, информирование.

Пикалова Г. М. Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара.

СПОСОБИ МОВЛЕННЄВОГО ВПЛИВУ ЛЕКТОРА

Розглянуто особливості мовленнєвого впливу лектора на аудиторію на матеріалі лекцій доктора фізико-математичних наук, професора С. П. Капиці та доктора історичних наук, професора С. П. Карпова. Виявлено, що мовленнєвий вплив застосовується в лекціях досить широко та реалізується чотирма видами: соціальним, оцінним (емоційним), волевиявленням та роз'ясненням (інформуванням).

Ключові слова: мовленнєвий вплив, лекція, соціальний вплив, волевиявлення, інформування.

Pikalova G. M. Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **METHODS OF SPEECH INFLUENCE OF LECTURER**

The amount of the scientific researches which deal with the study of language personality of different typology groups increases. Language personality of lecturer is in this group. In this article we aim at the description of the material of lectures, the methods of speech influence of lecturer on an audience. The purpose will be realized by solving a row of tasks: 1) to investigate the affect of lecturer's social speech on the audience; 2) to study the will as a type of speech influence during a lecture; 3) to investigate elucidation and informing as methods of speech influence; 4) to analyze the affect of the evaluation and emotional speech on the addressee of a lecture. The materials for the research are lectures of Dr. Physical and Mathematical Science, professor S. P. Kapitsa and Dr. of Historical Science, professor S. P. Carpov. In the conclusion of the analysis it was discovered that several methods of speech influence are used during the lectures.

There are methods such as greeting and greet phrases, aimed at connecting with the audience, requests and advise, which activate the attention of the audience and help to structure the speech, explaining and messages, which are the centre of a lecture, the blame and the praise which appeal to emotional memory of listeners. The research of types of speech influence is an inalienable part of the study of communicative strategies and methods of a language personality of a lecturer.

Key words: speech influence, lecture, lecturer's social speech, the will, informing.

Изучение языковой личности в лингвистике не является новым (в 80-х гг. XX ст. вышел ряд работ, посвященных данной тематике, среди которых следует выделить труд Ю. Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» [4]). Однако если в конце XX в. языковую личность рассматривали в обобщенном виде, абстрактно, «как генетически обусловленную предрасположенность к созданию и манипулированию знаковыми системами» [Там же, с. 4], то уже в начале XXI в. «увеличивается количество работ, в которых содержатся попытки описать особенности языковой личности различных типологических групп (социально-коммуникативных и профессионально-коммуникативных): языковая личность учителя, учителя-русиста, языковая личность телевизионного ведущего, языковая личность переводчика и комментатора, этот перечисленный ряд в будущем может быть продолжен исследованиями типа языковая личность врача, юриста, артиста и т. п.» [6]. Среди последних работ можно выделить исследование реальной язы-

ковой личности на материале дискурса врача-фармаколога К. И. Бендера как носителя элитарной речевой культуры [7], исследование языковой личности в юриспруденции [8], исследование языковой личности современного старшеклассника [1] и др. Такое количество работ, посвященных данной проблематике, свидетельствует об актуальности вопроса в современном языкознании. К отдельной группе можно отнести языковую личность лектора, изучение которой дает возможность выявить специфические черты, стратегии и тактики речевого поведения, которыми обладает или должен обладать преподаватель для достижения цели своей коммуникации – обучения. В свою очередь, «стремление добиться максимального результата порождает планирование, которое <...> определяет стратегию говорящего» [2, с. 9]. Речевые стратегии коммуникации тесно связаны с речевым воздействием.

В данной статье мы ставим **цель** описать на материале лекций способы речевого воздействия лектора на аудиторию. Она реализуется в решении ряда **задач**: 1) исследовать социальное речевое воздействие лектора на аудиторию; 2) изучить волеизъявление как тип речевого воздействия при чтении лекции; 3) исследовать разъяснение и информирование как способы речевого воздействия; 4) проанализировать применение оценочного и эмоционального речевого воздействия на адресата лекции.

Материалом для исследования послужили лекции доктора физико-математических наук, профессора С. П. Капицы [3] и доктора исторических наук, профессора С. П. Карпова [5].

Основой анализа является классификация типов речевого воздействия, предложенная Л. Л. Федоровой [9]. Согласно ее теории, выделяется четыре типа воздействия: 1) социальное (к которому относится приветствие, клятва, молитва); 2) волеизъявление (приказ, просьба, отказ, совет); 3) разъяснение, информирование (объяснение, доклад, сообщение, признание); 4) оценочное и эмоциональное (порицание, похвала, обвинение, оскорбление, угроза).

1. Социальный тип речевого воздействия в лекциях выражен слабо. Среди всех вариантов можно отметить приветствие, которым лекторы открывают свое выступление. Оно может быть ограничено стандартными фразами: *Добрый день, здравствуйте* [5], после чего следует оглашение темы лекции и далее сама лекция. Кроме этикетных фраз «приветствие» также может включать элементы обращения к аудитории: *Здравствуйте. Вам хлопать надо потом, а не заранее* [3] (лекции на канале «Академия» начинаются с приветствия лектора аплодисментами). Такое обращение может быть нацелено на установление контакта с аудиторией и на активизацию ее внимания.

2. Речевое воздействие, выраженное волеизъявлением, нельзя назвать частым, хотя оно имеет место. Так, лектор может прибегнуть к просьбе: *Представьте себе Южную Русь того времени* [5]; *Но вы подумайте, что, если наступила эпидемия гриппа там или другой заразы <...>?* [3]; к совету: *<...> вам не надо учитывать при этом миграцию* [Там же]; или к оборотам долженствования: *<...> мы должны сейчас вместе с вами понять, когда начинается новый и очень интересный процесс; И, кроме того, надо подумать: а что же перевозится на галеех?* [5]. Такие обращения к аудитории связаны с намерением лектора активизировать познавательную деятельность слушающих. Также обращение лектора к аудитории с просьбой может быть связано с технической стороной лекции, например, если необходимо обратить внимание на интерактивную доску: *Давайте посмотрим на эту карту* [Там же]. Иногда фраза долженствования не призывает аудиторию к действию, а служит способом связи высказывания, звеном между подтемами лекции: *А человек – это очень особый вид, и надо даже взглянуть на человека с такой, я бы сказал, биологической точки зрения, сколько нас, как мы умещаемся*

в нашем мире? [3]. Введение новой подтемы может совпадать с воздействием на познавательную деятельность слушающих: *Вот это есть самый главный вывод, к которому мы сейчас должны прийти* [Там же]. Волеизъявление также может быть связано не только с переходом к новой подтеме, но и с прогнозированием следующей лекции: *Мощные миграционные процессы связаны с теми грандиозными изменениями, которые сейчас уже происходят в глобальном мире, которые, я думаю, мы рассмотрим уже более детально в следующей лекции* [Там же].

3. Большую часть лекций занимает разъяснение и информирование. Естественно, что объяснение, доклад и сообщение как виды речевого воздействия взаимосвязаны и представлены достаточно широко в лекциях, поскольку основная задача лектора – дать информацию и разъяснить ее. В контексте данного типа речевого воздействия целесообразно рассмотреть его особый вид – информирование посредством обращения лектора к собственному опыту, к своей личности. Следует отметить, что данный тип высказываний является строго индивидуальным и зависит от языковой личности лектора и его стратегии чтения лекции. Так, в лекции С. П. Карпова было отмечено единичное обращение лектора к своей личности: *Но я бы хотел сказать, что это было не единственное изменение* [5]. В целом лекция практически лишена субъективизма и содержит объективные сообщения и объяснения. К местоимению я автор больше не возвращается. В то же время в лекции С. П. Капицы наблюдается двадцать случаев апелляции лектора к своему опыту. Так, он делится с аудиторией своим научным опытом: *<...> в 80-х годах я стал членом так называемого «Римского клуба» <...>; <...> это привело меня в соприкосновение по существу со многими лучшими умами человечества <...>* [3]; кругом своих научных интересов: *Я в свое время был связан с обсуждением одной из самых острых глобальных проблем, хотя о ней я буду сейчас мало говорить; И вот это меня тоже очень привлекало; Это и была центральная задача, которой мне пришлось заняться, и с ее точки зрения рассматривать глобальные проблемы современности* [Там же]. Кроме того, лектор использует этот прием и как способ связи фрагментов лекции, прогнозируя ее дальнейший ход: *И вот здесь я как раз подхожу к тем проблемам, которые меня начали интересовать. Но прежде я расскажу о том, что люди, когда начали задумываться о глобальных проблемах и вообще о росте численности <...>* [Там же]. Также лектор воздействует на аудиторию, выражая личное отношение к тому, о чем информирует: *Я думаю, что это оказало очень серьезное влияние на него; Именно это представляет собой, с моей точки зрения, наиболее существенную глобальную проблему <...>* [Там же].

4. Применение оценочного и эмоционального речевого воздействия во многом зависит от языковой личности лектора. Можно выделить похвалу, высказывания с положительной оценкой: *Удивительный такой человек, который создал такую транснациональную автомобильную компанию* [Там же]; а также порицание, негативную оценку: *На самом деле, это абсолютная чепуха с точки зрения геохимии* [Там же]. Следует отметить, что апелляция к эмоциям слушающих помогает лектору не только активизировать внимание аудитории, но и способствует лучшему запоминанию материала благодаря участию эмоциональной памяти.

Таким образом, в лекции активно используются различные способы речевого воздействия на аудиторию, среди которых можно выделить приветствия и приветственные фразы, направленные на установление контакта с аудиторией; просьбы и советы, которые активизируют внимание аудитории и помогают структурировать высказывание; объяснения и сообщения, преобладающие в лекции; а также в некоторых случаях порицание и похвалу, апеллирующие к эмоциональной памяти слушающих. Исследование типов речевого воздействия –

неотъемлемая часть изучения коммуникативных стратегий и тактик языковой личности лектора.

Дальнейшей перспективой исследования языковой личности лектора является анализ языковых показателей речевых тактик, а также коммуникативных ходов, применяемых при чтении лекций гуманитарной и естественнонаучной направленности.

Библиографические ссылки

1. **Аниськина Н. В.** Языковая личность современного старшеклассника : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Н. В. Аниськина. – Ярославль, 2001. – 288 с.
2. **Иссерс О. С.** Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – 5-е изд. – М. : ЛКИ, 2008. – 288 с.
3. **Капица С. П.** Россия и мир в демографическом зеркале [Электронный ресурс] / С. П. Капица. – Режим доступа : http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20898/episode_id/156358/video_id/156358. – Загл. с экрана.
4. **Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 264 с.
5. **Карпов С. П.** Причерноморье. Перекресток цивилизаций [Электронный ресурс] / С. П. Карпов. – Режим доступа : http://tvkultura.ru/article/show/article_id/64600. – Загл. с экрана.
6. **Кочеткова Т. В.** Проблема изучения языковой личности носителя элитарной речевой культуры (обзор) [Электронный ресурс] / Т. В. Кочеткова. – Режим доступа : <http://portal.tpu.ru/SHARED/e/ELENNOV/four/Tab2/KochetkovaTV.pdf>. – Загл. с экрана.
7. **Кочеткова Т. В.** Языковая личность носителя элитарной речевой культуры : дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т. В. Кочеткова. – Саратов, 1999. – 534 с.
8. **Кубиц Г. В.** Профессионализация языковой личности (на примере юридического дискурса) : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Г. В. Кубиц. – Челябинск, 2005. – 258 с.
9. **Федорова Л. Л.** Типология речевого воздействия и его место в структуре общения / Л. Л. Федорова // *Вопр. языкознания*. – 1991. – № 6. – С. 46–50.

Надійшла до редколегії 15.10.14

УДК 811.161.1+811.133.1]’367.627

Е. А. Половинко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЧИСЛОВОГО ЗНАЧЕНИЯ В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (на материале «Одесских рассказов» Исаака Бабеля)

Осуществлен сравнительный анализ лексических и надлексических единиц с количественным значением, отобранных из русского и французского вариантов «Одесских рассказов» Исаака Бабеля. Установлено, что основными показателями как точного, так и размытого количества в художественном тексте являются числительные и разного рода нумеративные конструкции; количественную семантику выражают слова, указывающие на степень проявления признака, распространения того или иного действия, устойчивые и оригинальные авторские выражения.

Ключевые слова: числовое (количественное) значение, количественность (квантитативность), нумератив, эквивалентная переводная единица, художественный текст.

Половинко О. О. Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара. **ЗАСОБИ ВИРАЖЕННЯ ЧИСЛОВОГО ЗНАЧЕННЯ У РОСІЙСЬКОМУ І ФРАНЦУЗЬКОМУ ХУДОЖНЬОМУ ТЕКСТІ (на матеріалі «Одеських оповідань» Ісаака Бабеля)**

Здійснено порівняльний аналіз лексичних та надлексичних одиниць з кількісним значенням, вилучених з російського та французького варіантів «Одеських оповідань» Ісаака Бабеля. Встановлено, що основними показниками як точної, так і неточної кількості у художньому тексті є числівники та різного роду нумеративні конструкції; кількісну семантику виражають слова, що вказують на ступінь прояву ознаки, поширення тієї чи іншої дії, стали та оригінальні авторські вислови.

Ключові слова: *числове (кількісне) значення, кількісність (квантитативність), нумератив, еквівалентна перекладна одиниця, художній текст.*

Polovynko O. O. Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **MEANS OF NUMERIC VALUE EXPRESSION IN RUSSIAN AND FRENCH LITERARY TEXT (based on the material of «Odessa stories» by Isaac Babel)**

In the present research based on «Odessa stories» by I. Babel the variety of various linguistic means conveying quantitative sphere values in Russian and French literary text is revealed and studied.

From the point of view of reality objects' characterization there can be distinguished two types of quantitative characteristics: numeric and non-numeric, moreover, the amount (quantity) can be defined exactly or inexactly (precisely). Numeric quantification is realized by means of numerals and numeral constructions. At the same time the Russian language grammar construction allows applying combinations with so-called zero component. Avoiding bare listing of facts in the literary text the author uses original locutions with numeral components and repeats numerals for emphasis or buildup of tension, constructions in which upper and lower limits of the nominated quantity are set, etc.

The tools that traditionally express the quantity in fiction can be used to express entirely different meaning. Non-numeric quantification is carried out by means of multilevel language: much richer and larger potential of word formants in the Russian language with numeric value; lexical and super-lexical units in both languages provide wide range of opportunities for the expression of not only quantity itself but its assessment.

Key words: *numeric (quantitative) value, quantitativeness, numerals, numeral constructions, equivalent translated unit, literary text.*

Интерес к категории количества как языковому явлению объясняется тем, что она является и лексической, и грамматической. Это, без сомнения, одна из наиболее важных категорий не только языка, но и объективной действительности вообще. Однако ни устоявшегося определения, ни должного освещения в лингвистике она пока не имеет. Как правило, исследователи ограничиваются изучением языковых средств выражения этой категории в целом [1; 4; 7] или ее частных значений [3; 5]. Особый интерес, на наш взгляд, представляют труды, посвященные сопоставительному анализу средств выражения категории количества в родственных или разноструктурных языках [2; 8]. Все эти работы свидетельствуют о сложной семантической структуре категории количества в разных языках.

Предметом настоящей статьи является понятийная категория количества, представленная в русском и французском вариантах художественного текста. **Цель** нашего исследования – выяснить, какими разнообразными языковыми средствами (нумеративными и ненумеративными) выражены значения количественной сферы в русском и французском вариантах «Одесских рассказов» Исаака Бабеля.

О том, что данное поле в языке имеет довольно нетривиальную структуру, охватывающую способы квантификации субстанций, динамических ситуаций и качеств, писали многие ученые, в частности С. А. Крылов: «...поставив задачу инвентаризации «количественных значений» (в ономаσιологическом аспекте) и «средств выражения количественных значений» (в семасиологическом аспекте), мы сразу же обнаружим, что между этими микросистемами существуют многообразные и нетривиальные взаимосвязи» [1, с. 63].

Само понятие «количество» в «Толковом словаре русского языка» определяется как «степень выраженности измеряемых свойств предметов, явлений, их мерные характеристики (спец.)»; «величина, число» [6, с. 283]. Ему соответствует французское слово *quantité*, дефиницию которого можно перевести как «свойство того, что может быть измерено или посчитано», «вес, объем, число», а также «большое число» [10, с. 661]. В тексте встречаем пример перевода слова *количество* словом *nombre* («число»): *Синагогальные шамесы, вскочив на столы, выпевали под звуки бурлящего туша количество подаренных рублей и серебряных ложек.* – *Les chamesses des synagogues, grimpés sur les tables, psalmodiaient au son des fanfares torrentielles le nombre de roubles et de cuillers en argent offerts par chacun* [9, с. 28–29]. Многозначность французского слова *quantité* позволяет перевести с его помощью русского *множество*: *...и за это время я узнал о нем множество историй.* – *...et durant tout ce temps j'ai appris sur lui une quantité d'histoires* [Там же, с. 134–135].

По мнению И. А. Мельчука, следует выделять несколько способов квантификации. Во-первых, с точки зрения объекта, подлежащего характеристике, количественные характеристики могут относиться либо к участникам описываемого или языкового факта, либо к самому описываемому факту. Отсюда возникает противопоставление двух главных типов грамматической квантификации: квантификация объектов и квантификация фактов. Во-вторых, с точки зрения способа характеристики различают два типа количественных характеристик: числовую (один, более одного, два, более двух) и нечисловую («весь» ~ «не весь»; «много» ~ «мало» ~ «больше» ~ «множество»; и т. п.). Взаимодействие этих двух противопоставлений порождает четыре класса количественных словоизменительных категорий: 1) числовая квантификация объектов; 2) числовая квантификация фактов; 3) нечисловая квантификация объектов; 4) нечисловая квантификация фактов [4, с. 82].

Числовая квантификация осуществляется прежде всего с помощью числительных, например: *...Три тени загромаждают пути моего воображения.* – *...Trois ombres énormes obstruent les sentiers de mon imagination* [9, с. 38–39]; *...положите, прошу вас, завтра утром под ворота на Софиевскую, 17, – двадцать тысяч рублей.* – *...déposez, je vous prie, demain matin, sous la porte cochère du 17 de la rue Sophievskaja, vingt mille roubles* [Там же, с. 18–19]. Уже здесь можно указать на отличия грамматических систем русского и французского языков: русские числительные *два, три, четыре* требуют от существительного формы родительного падежа единственного числа, в то время как во французском языке, в котором существительные по падежам не склоняются, после числительных, указывающих на определенное множество, используется форма множественного числа субстантива. При этом французское слово *mille* «тысяча» не приобретает форму множественного числа в сочетаниях с количественными числительными.

Точная квантификация может выражаться в русском языке нумеративными конструкциями с так называемым нулевым компонентом: форма единственного числа субстантива, употребляемая с числительным *один*, противопоставлена формам, которых требуют после себя все остальные числительные, что позволяет во многих случаях опускать числительное *один*, например: *Через час после того, как его доставили в больницу, туда явился Бенья.* – *Une heure après son transport à l'hôpital, Bénia s'y présenta* [Там же, с. 54–55]. Во французском же языке числительное *un (une)*, которое одновременно является и неопределенным артиклем, не может быть опущено. Использование данного числительного является обязательным и в русском языке при намерении подчеркнуть значение единичности, уникальности. Для усиления значения единичности числительное *один* может сопро-

вождаться словами *que* (только), *seul* (-e) (единственный): Он – Бенчик – пошел к Фроиму Грачу, который тогда уже смотрел на мир **одним только глазом**... – Lui, Bénia, est allé trouver Phroïm Gratch qui, déjà en ce temps-la, ne contemplait le monde **que d'un œil**... [9, с. 42–43]; Он опрокидывал корову **с одного удара** и погружал нож в коровье сердце. – Il renversait la vache **d'un seul coup de poing** et lui enfonçait le couteau dans le cœur [Там же, с. 18–19]. Единичность объекта может подчеркиваться сравнением с некоторым уникальным фактом действительности: ...и вот я **один, как бывает один бог на небе**. – ...et me voilà **seul comme le bon Dieu est seul dans le ciel** [Там же, с. 100–101].

В ряде языков множественное число выражает парную сегментацию. Так, в русском языке *брюки, ножницы, сани* осмысляются как наименования пар деталей. Во французском языке эквивалентные номинации могут иметь индивидуальную сегментацию: И вот, когда шестая корова с предсмертным мычанием упала к ногам Короля, – тогда во двор **в одних кальсонах** выбежал Эйхбаум... – Et alors, quand la sixième vache fut tombée aux pieds du Roi avec un meuglement d'agonie, Eichbaum, vêtu **seulement d'un caleçon**, se précipita dans la cour... [Там же, с. 20–21]. Кроме того, во французском варианте контекст требует слова *только*, которое подчеркнет отсутствие другой одежды, в русском же – эту функцию выполняет числительное *один*.

Слово *сутки* в русском языке также имеет только форму множественного числа. Во французском языке ему вообще нет эквивалента, поэтому при переводе прибегают к математическим подсчетам – *вторые* *сутки* переводят как «сорок восемь часов»: – ...вот идут **вторые** *сутки*, как я плачу за дорогим покойником, как за родным братом. – ...voilà **quarante-huit heures** que je pleure le cher disparu comme si c'était mon propre frère [Там же, с. 58–59].

Интересны примеры особых авторских оборотов с компонентами-числительными: Как сделался он зятем человека, у которого было **шестьдесят** *дойных коров без одной?* – Comment est-il devenu le genre d'un homme qui possédait **quelque chose comme soixante vaches laitières** ? [Там же, с. 18–19]. Обычно круглые числа имеют большую значимость, часто в разговорной речи мы отдаем предпочтение круглым числам, когда важно не столько указать конкретное количество, сколько подчеркнуть значимость числа. Автор оригинальным способом сумел достичь и одной, и другой цели.

Числительное может повторяться для нагнетания обстановки: Они пришли ночью – **девять человек** с длинными палками в руках. ... **Девять** пылающих звезд зажглись на скотном дворе Эйхбаума. – Ils vinrent de nuit, **neuf hommes armés de long bâtons**. ... **Neuf** étoiles flamboyantes s'allumèrent dans le parc à bestiaux d'Eichbaum [Там же, с. 18–19].

Использованные в тексте числительные далеко не всегда выражают точное количество. Приблизительное, или размытое число, обозначается сочетаниями, которые носитель языка использует в тех случаях, когда он не в состоянии установить точное количество или в этом нет необходимости. У Н. И. Науменко размытое количество – «количество, передаваемое словом или словосочетанием и отображающее более чем одно возможное числовое значение» [5, с. 43]. В случаях, когда повествующий не располагает сведениями о точном количестве, могут использоваться конструкции, в которых числительное находится в постпозиции к наименованию исчисляемых объектов. Во французском языке в данной ситуации употребляют либо стандартную нумеративную конструкцию, либо субстантивы типа *quarantaine, quinzaine*, называющие приблизительное количество: За ним последовали **человека три** из Бениных друзей. – **Trois des amis de Bénia** partirent à sa suite [9, с. 16–17]; Они вышли с участка **человек сорок**, – рассказывал он, дви-

гая челюстями, – и пошли на облаву; так они отошли **шагов пятнадцать**, как уже загорелось... – *Ils étaient sortis du commissariat, une quarantaine d'agents, racontait-il en remuant les mâchoires, et les voilà partis pour leur rafle ; et alors, ils n'avaient pas fait une quinzaine de pas déjà le feu prenait...* [9, с. 32–33].

Подобные существительные и прилагательные используются во французском языке и при указании на возраст аналогично русским сложным прилагательным *сорокалетний, пятидесятилетний*: восходящие к латинским числительным прилагательное *quadragénaire* «сорокалетний» и существительное «человек 40 лет», *quinquagénaire* «пятидесятилетний» и «пятидесятилетний человек», *sexagénaire* «шестидесятилетний» и «шестидесятилетний старик». Например: *Потом Беня вернулся в Одессу для того, чтобы выдать замуж сорокалетнюю сестру свою Двоиру...* – *Bénia revint ensuite à Odessa pour marier Dvoïra, sa sœur quadragénaire...* [Там же, с. 24–25]; *Шестидесятилетняя Манька, родоначальница слободских бандитов, вложив два пальца в рот, свистнула так пронзительно, что ее соседи покачнулись.* – *La sexagénaire Manka, ancêtre de bandits du faubourg, mit deux doigts dans sa bouche et émit un sifflement si perçant que ses voisins sursautèrent* [Там же, с. 32–33]. Встречаются и традиционные конструкции для указания на возраст: количество прожитых лет может сообщаться с помощью числительных, например: *Вам двадцать пять лет.* – *Vous avez vingt-cinq ans* [Там же, с. 40–41].

Для указания на большое количество, не поддающееся счету, а также для усиления эффекта массовости объектов используют конструкцию, в которой устанавливаются верхний и нижний пределы возможного количества, при этом дополнительная образность появляется за счет того, что разрыв между указанными границами весьма велик: *Их было сто человек, или двести, или две тысячи.* – *Et derrière tout le monde piétinaient les employés de Rouvim Tartakovski. Ils étaient cent, ou deux cents, ou deux mille* [Там же, с. 62–63]. Сочетание с совершенно конкретным нумеративом может даже иметь значение абсолютного (предельного) множества: *Участок исправно пылал с четырех сторон.* – *Le commissariat de police brûlait on ne peut mieux de toutes parts* [Там же, с. 32–33]. Имеется в виду «повсюду», «со всех сторон».

В некоторых случаях автор озвучивает не столько точную величину, сколько оценку той или иной величины. Для характеристики количества как такого, которое меньше желаемого, ожидаемого, в русском языке используется частица *всего*, а также прилагательное *жалкий*: *Всего год тому назад Беня написал Эйхбауму письмо.* – *Il n'a pas plus d'un an de cela, Bénia écrivit une lettre à Eichbaum* [Там же, с. 18–19]; *Вы имели сердце послать матери нашего покойного Иосифа сто жалких карбованцев.* – *Vous avez eu le front d'envoyer à la mère de notre défunt Joseph cent misérables roubles* [Там же, с. 58–59]. При этом, если русскому прилагательному *жалкий* можно найти эквивалент во французском языке – *misérable*, то для перевода частицы *всего* использована целая конструкция, буквально означающая «не более, чем» и не имеющая оценочного компонента. Аналогично прилагательное *целый*, подчеркивающее количество, превышающее желаемое или ожидаемое, переводится с помощью местоимения *весь*, которое оценки как таковой не выражает: *Я жду вас целый день...* – *Je vous ai attendu toute la journée* [Там же, с. 76–77].

Конструкциями с числительными, традиционно обозначающими количество, в художественном тексте может быть выражено совершенно иное значение, например: *Если нет, то на всякого доктора, будь он даже доктором философии, приходится не более трех аршин земли.* – *Sinon pour chaque docteur, fût-il même docteur en philosophie, six pieds de terre suffiront* [Там же, с. 56–57]. Размер места на кладбище указан как перспектива того, что может ожидать упомянутого героя.

А в следующем контексте стоимость проезда в общественном транспорте указана для того, чтобы подчеркнуть незначительность усилий, ожидаемых от героя: ...отчего бы ему не сесть **за пять копеек** на трамвай и не подъехать ко мне на квартиру и не выпить с моей семьей стопку водки... – ...pourquoi n'aurait-il pas dépensé **cinq kopecks** pour venir en tramway jusque chez moi boire un petit verre de vodka avec ma famille... [9, с. 52–53].

Числительные могут входить в состав прозвища – в этом случае числовое значение они выражают, только если ясна причина, по которой герой получил такое название, поэтому автор приводит развёрнутое пояснение. Например: *Тартаковского называли у нас «полтора жида» или «девять налетов».* *«Полтора жида» называли его потому, что ни один еврей не мог вместить в себе столько дерзости и денег, сколько было у Тартаковского. Ростом он был выше самого высокого городского в Одессе, а весу имел больше, чем самая толстая еврейка. А «девятью налетами» прозвали Тартаковского потому, что фирма Левка Бык и его компания произвели на его контору не восемь и не десять налетов, а именно девять.* – *Tartakovski était surnommé chez nous «Youpin et demi», ou encore «Neuf raids».* *On l'appelait «Youpin et demi» parce qu'aucun Juif n'aurait pu contenir à lui tout seul autant d'insolence et d'argent qu'en avait Tartakovski. Il était plus grand que le plus grand agent de police d'Odessa et pesait plus lourd que la Juive la plus grosse. Et «Neuf raids» était devenu le surnom de Tartakovski, parce que la firme Lioyka Byk et compagnie avait effectué sur ses bureaux non pas huit raids, ni dix, mais très exactement neuf* [Там же, с. 44–45].

Средствами выражения точного количества являются многие отчислительные производные самых разных частей речи, например наречие *однажды*, которому во французском языке соответствует сочетание существительного с неопределенным артиклем, буквально означает «один раз»: *Два раза они выкрадывали его для выкупа, и однажды во время погрома его хоронили с певчими.* – *À deux reprises ils l'ont enlevé pour obtenir une rançon, et une fois, au cours d'un pogrom, ils l'ont enterré avec des choristes* [Там же, с. 46–47]; *Десятый налет на человека, уже похороненного однажды, это был грубый поступок.* – *Un dixième raid sur un homme qu'on avait déjà enterré une fois, c'était un geste grossier* [Там же, с. 46–47].

Средства выражения нечисловой квантификации не менее многообразны. Прежде всего это слова, которые непосредственно характеризуют количество как малое или как большое (*мало, много, множество* и др.): *О Цудечкисе я знаю много историй.* – *Sur Tzoudetchkiss je connais beaucoup d'histoires* [Там же, с. 114–115]; *...если мы сделаем сегодня облаву, когда у него праздник, так Бенья рассерчает, и уйдет много крови.* – *...si nous faisons une rafle aujourd'hui, un jour où il y a une fête chez lui, Bénia va se mettre dans une colère noire et le sang coulera* [Там же, с. 16–17]. Повтор нумератива в следующем контексте подчеркивает превосходство качества исчисляемого объекта над количеством: *Бенья говорит мало, но он говорит смачно. Он говорит мало, но хочется, чтобы он сказал еще что-нибудь.* – *Bénia parle peu, mais ce qu'il dit est savoureux. Il parle peu, mais on voudrait qu'il en dise davantage* [Там же, с. 42–43].

Абсолютное множество, или предельное количество, выражается с помощью сочетаний с местоимением *весь – tout*, которое в обоих языках изменяется по родам (за исключением среднего рода во французском языке, в котором существует только два рода – мужской и женский) и по числам: *...вся Одесса будет о вас говорить.* – *...tout Odessa parlera de vous* [Там же, с. 18–19]; *Через два дня Бенья без предупреждения вернул Эйхбауму все забранные у него деньги...* – *Deux jours après, sans crier gare, Bénia rendit à Eichbaum tout l'argent qu'il lui avait extorqué...* [Там же, с. 22–23]; *Я убью всех молочников, кроме вас.* – *Je tuerai tous les*

producteurs de lait sauf vous [9, с. 22–23]; ...и в тот же день написал Тартаковскому письмо, похожее на **все письма** в этом роде... – ...il écrivit à Tartakovski une lettre pareille à **toutes les lettres** de ce genre... [Там же, с. 46–47]; Бешенство этого человека содержало в себе **все, что нужно** для того, чтобы властвовать. – *La rage de cet homme renfermait tout ce qu'il faut pour régner* [Там же, с. 38–39]. При употреблении в переносном значении данное местоимение выражает не абсолютное множество, а лишь большое количество. В этом случае не используется дословный перевод: *Перекрытые бархатом столы вились по двору, как змеи, которым на брюхо наложили заплаты **всех цветов**, и они пели густыми голосами – заплаты из оранжевого и красного бархата.* – *Recouvertes de velours, elles ondulaient à travers la cour comme des serpents dont on aurait rapiécé le ventre avec des morceaux de tissu **multicolores** ; et elles chantaient avec des voix profondes, ces pièces de velours orange et rouge* [Там же, с. 12–13]. Словосочетание *всех цветов* переведено как *multicolores* («разноцветные»).

Продуктивной основой для слов со значением так называемого относительного количества является существительное *половина*: *Пол-Одессы служит в его лавках.* – *La moitié d'Odessa travaille dans ses boutiques* [Там же, с. 44–45]; *Они сказали, что вернутся через **полчаса**.* – *Ils dirent qu'ils seraient de retour dans **une demi-heure*** [Там же, с. 16–17]. *Зарезанные коровы были поделены ими **пополам**...* – *Les vaches égorgées furent partagées **équitablement**...* [Там же, с. 20–21]. Во французском тексте слову *пополам* соответствует *équitablement* «justement» [10, с. 299], что по-русски означает «справедливо, беспристрастно».

К средствам выражения нечисловой квантификации можно отнести слова, в семантике которых есть указание на степень проявления признака, например, русские прилагательные *обильный* – «имеющийся в изобилии, в высшей степени достаточный» [6, с. 428], *пышный* – «пушистый», «роскошный», *тучный* и *пухлый* в переносном значении «объемный», *исполинский* – «необычайно большой» [Там же, с. 253], *тяжелый* – «имеющий большой вес», «наполненный». В качестве иллюстраций приведем предложения с указанными адъективами: *Новобрачные прожили три месяца в тучной Бессарабии, среди винограда, **обильной** пищи и любовного пома.* – *Les jeunes mariés passèrent trois mois dans la plantureuse Bessarabie, au milieu des vignes, **abondamment** norris et trempés de sueur d'amour* [9, с. 24–25]; *Над мертвыми гусиными головками покачивались цветы, как **пышные** плюмажи.* – *Sur les têtes mortes des oies, des fleurs se balançaient comme des plumets **somptueux*** [Там же, с. 24–25]; *Сквозь закопченные двери било **тучное** пламя, пьяное и **пухлое** пламя.* – *Par les portes noircies de fumée jailissait **une flamme épaisse, une flamme ivre et dodue*** [Там же, с. 12–13]; *Грач поехал дальше и увидел на своем дворе женщину **исполинского** роста.* – *Gratch poursuivit son chemin et aperçu une femme **d'une taille gigantesque*** [Там же, с. 76–77]; *Подкладка **тяжёлого** кошелька* *сшита из слез.* – *Les bourses **bien remplies** sont cousues de larmes* [Там же, с. 16–17]. Во французском языке не всегда можно подобрать эквивалентные переводные единицы – для сохранения образности используются целые конструкции, как в первом примере (*среди обильной пищи* переведено как «обильно питающиеся») или в последнем (*тяжёлый кошелёк* переведено как «хорошо наполненный кошелёк»).

Квантитативный компонент заложен и в семантике некоторых лексем, обозначающих действие, например в значении глагола *залить*: «покрыть сплошь водой или иной жидкостью» [6, с. 210]. Аналогично эквивалентный французский глагол *inonder* указывает на то, что действие распространяется на все обозначенное пространство: *На земле, **залитой** кровью, расцвели факелы, как огненные розы, и загремели выстрелы.* – *Sur le sol **inondé de sang** les torches s'épanouirent comme des roses de feu et des coups de pistolet claquèrent* [Там же, с. 20–21]. При

этом в русском языке значение количества вносит словообразовательный формант – префикс *за-* в значении «заполнение, покрытие» [6, с. 196]; во французском языке лишь некоторым из подобных глаголов будут соответствовать образования, объединенные общим словообразовательным средством (*захлामить* – *encombrer*, *закопнуть* – *enfumer*), в остальных случаях это будут особые лексемы (*залить* – *inonder*, *запорошить* – *couvrir de neige*, *засадить* – *planter* и т. д.). Аналогично словообразовательный формант префикс *рас-* + постфикс *-ся* в таких глаголах, как *растлаться* в значении «простирается», *перен.* «растекаясь, стелясь по поверхности чего-нибудь, распространяться» [Там же, с. 664], имеет значение интенсивности в проявлении действия, направления движения в разные стороны и т. п.: *Перед нами растлалось зеленое спокойствие могил.* – *Devant nous s'étendait la tranquillité verte des tombes* [9, с. 40–41].

Значение множественности, интенсивности проявления признака вносят и такие словообразовательные средства, как суффикс *-ист*: ...на **мясистых** ногах *лопалась кожа цвета небесной лазури.* – ...*du cuir bleu azur craquait sur leurs pieds charnus* [Там же, с. 28–29]; *Неподалеку от него, в холодке, уселись морицинистые немцы-колонисты...* – *Non loin de lui s'étaient installés au frais des Allemands ridés, venus de leur colonie...* [Там же, с. 120–121]. Во французском языке в качестве эквивалентов таких прилагательных употребляют либо адъективы с соответствующим лексическим значением: *мясистый* – *charnu* – «мясистый, сочный (о плоде)», либо причастие: *морицинистый* – *ridé* – «покрытый морщинами».

Среди средств, выражающих нечисловую квантификацию, нам встретились и надлексические единицы, а именно фразеологические обороты *запастись терпением*, *дважды два* (в оригинале как *дважды два*), *пара пустяков*: *Человек, жаждущий ответа, должен запастись терпением.* – *L'homme qui brûle d'obtenir une réponse doit s'armer de patience* [Там же, с. 40–41]; – *Если у меня не будет денег – у вас не будет коров, мосье Эйхбаум. Это дважды два.* – *Si je n'ai pas l'argent, vous n'aurez pas de vaches, monsieur Eichbaum. C'est simple comme deux et deux* [Там же, с. 20–21]; *Что видел наш дорогой Иосиф в своей жизни? Он видел пару пустяков.* – *Qu'a-t-il eu de la vie, notre cher Joseph ? Il a eu trois fois rien* [Там же, с. 66–67]. Существует, как известно, несколько возможностей перевода устойчивых словосочетаний. В первом и втором примерах выражения с переносным значением «приготовиться долго терпеть что-нибудь» и «о том, что совершенно бесспорно, ясно» имеют практически дословные эквиваленты во французском языке, которые использовал переводчик, в последнем случае он нашёл аналог. Устойчивые выражения автор умело вплетает в структуру сложноподчиненного предложения с указательным словом: *Неужели ты не знаешь, что в этом году в Аргентине такой урожай, что хоть завались...* – *Ignorez-tu par hasard qu'ils ont, cette année, en Argentine, une récolte telle qu'on pourrait s'y noyer...* [Там же, с. 48–49].

Отличительной чертой художественного текста является обилие образных средств. Для выражения числового значения И. Бабель использует целый арсенал экспрессивных средств и выражений. Так, для обозначения нулевого количества автор использует просторечный синоним к слову *фига*: – *А-а-а, - запел он, - вот всем детям дули, а Давидочке нашему калачи, чтобы он спал и днем и в ночи...* – *A-a-a, entonna-t-il, tous les autres enfants ils auront des pruneaux, mais notre Davidka, il aura des gâteaux, pour que, jour et nuit, il fasse bien son dodo...* [Там же, с. 118–119]. А для того чтобы упрекнуть героя в отсутствии стыда, в бессовестности, он вкладывает в уста его собеседника ироничный вопрос: – *Стыд, мосье Тартаковский, – в какой несгораемый шкаф упрятали вы стыд?* – *La pudeur, monsieur Tartakovski, dans quel coffrefort avez-vous enfermé votre sens de la*

pudeur? [9, с. 58–59]. В другом контексте для характеристики, наоборот, совестливых людей, автор использует метафору: *...и все, в ком еще квартировала совесть, покраснели, услышав это решение. – ...et tous ceux qui hébergeaient encore conscience rougirent en entendant cette décision* [Там же, с. 44–45].

То, что в разговорной речи можно выразить одним словом *много*, *высоко* и т. д., автор описывает целыми конструкциями, включающими обороты и сравнения: *Венчание кончилось, раввин опустился в кресло, потом он вышел из комнаты и увидел столы, поставленные во всю длину двора. Их было так много, что они высовывали свой хвост за ворота на Госпитальную улицу. Перекрытые бархатом столы вились по двору, как змеи... – Le mariage religieux était terminé ; le rabbin se laissa tomber dans un fauteuil, puis il sortit de la pièce et aperçut les tables dressées sur toute la longueur de la cour. Elles étaient si nombreuses que leur enfilable dépassait par la porte cochère jusque dans la rue de l'Hôpital. Recouvertes de velours, elles ondulaient à travers la cour comme des serpents... [Там же, с. 12–13]; И уже стрельнул в вышину узкий, как ипага, язык пламени. – Et voici qu'une langue de flamme, étroite comme une épée, jaillit vers les hauteurs* [Там же, с. 30–31].

Большое количество выпитого, омерзительный вид опьяневшего отребья автор подчёркивает, сравнивая людей с животными: *Им достался ямайский ром на свадьбе Двойры Крик, и поэтому, насосавшись, как трепные свиньи, еврейские нищие оглушительно стали стучать костылями. – Ils eurent du rhum de la Jamaïque aux noces de Dvoïra Krik ; aussi, lorsqu'ils eurent biberonné tout leur soûl comme des cochons treife, les mendiants juifs se mirent-ils à frapper le sol de leurs béquilles en faisant un tapage assourdissant* [Там же, с. 26–27].

Как видим, далеко не всегда числительные выражают точное количество и количество в принципе, то есть их могут использовать и для числовой, и нечисловой квантификации объектов и фактов. В художественном тексте употребление числительных дает множество возможностей для создания образности, а разные языки вносят свои особенности в осмысление количественной характеристики. Нечисловая квантификация осуществляется с помощью разноуровневых языковых средств: в русском языке по сравнению с французским более богат арсенал словообразовательных формантов, вносящих числовое значение; лексические и надлексические единицы в обоих языках предоставляют широкие возможности для выражения не только и не столько количества, сколько его оценки. В перспективе данное исследование может послужить материалом для описания нормативных и оригинально-авторских средств выражения значений количественно сферы как в русском, так и во французском языках.

Библиографические ссылки

1. Крылов С. А. Количество как понятийная категория / С. А. Крылов // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М., 2005. – С. 44–65.
2. Лазарева О. В. Категориальная семантика количественности в русском и испанском языках : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / О. В. Лазарева. – М., 2010. – 230 с.
3. Маджидов С. Р. Приблизительное количество как языковая категория и способы его выражения в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / С. Р. Маджидов. – Таганрог, 1995. – 152 с.
4. Мельчук И. А. Курс общей морфологии : в 2 т. / И. А. Мельчук; [пер. с фр.; общ. ред. Н. В. Перцова и Е. Н. Саввиной]. – М. : Яз. рус. культуры; Вена : Венс. славист. альм., 1998. – Т. 2. – 544 с.
5. Науменко Н. И. Понятие значения размытого количества, передаваемого именем числительным количественным / Н. И. Науменко // Функциональные особенности лингвистических единиц : сб. науч. тр. – Краснодар, 1979. – С. 38–46.

6. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1997. – 944 с.
7. **Теория функциональной грамматики. Качественность, количественность** / отв. ред. А. В. Бондарко. – СПб. : Наука, 1996. – 264 с.
8. **Чернева Н. П.** Семантика и символика числа в национальной картине мира : на материале русской и болгарской идиоматики : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н. П. Чернева. – М., 2003. – 270 с.
9. **Babel Isaac.** Одесские рассказы. Contes d'Odessa. Traduit du russe et annoté par Adèle Bloch / I. Babel. – Édition Gallimard, 1999. – 146 p.
10. **Le Larousse de poche.** – Paris, 2005. – 1042 p.

Надійшла до редколегії 13.01.15

УДК 81'373.611

Т. С. Пристайко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

КРЕАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РУССКОЙ ДЕРИВАЦИИ (на материале сложных названий придуманных профессий)

На материале сложных названий придуманных профессий (НПП) рассмотрены креативные возможности словообразовательной системы русского языка в структурно-семантическом и когнитивном аспектах. В структурно-семантическом аспекте сложные НПП проанализированы с точки зрения: а) способа образования; б) сочетаемости компонентов; в) соответствия узуальным словообразовательным моделям названий профессий. В когнитивном аспекте установлены доминантные когнитивные модели номинации, по которым образуются НПП. На основании полученных данных прослежено соотношение стереотипа и творчества в кругу сложных НПП.

Ключевые слова: лингвокреативность, названия придуманных профессий, русское словообразование, языковая игра, когнитив.

Пристайко Т. С. Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара. **КРЕАТИВНІ МОЖЛИВОСТІ РОСІЙСЬКОЇ ДЕРИВАЦІЇ (на матеріалі складних назв вигаданих професій)**

На матеріалі складних назв вигаданих професій (НВП) розглянуто креативні можливості словотвірної системи російської мови у структурно-семантичному й когнітивному аспектах. У структурно-семантичному аспекті складні НВП проаналізовано під кутом зору: а) способу творення; б) сполучуваності компонентів; в) відповідності узуальним словотвірним моделям назв професій. У когнітивному аспекті встановлено домінантні когнітивні моделі номінації, за якими утворюються НВП. За отриманими даними простежено співвідношення стереотипу й творчості у колі складних НВП.

Ключові слова: лінгвокреативність, назви вигаданих професій, російський словотвір, мовна гра, когнітив.

Prystaiko T. S. Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **RUSSIAN DERIVATION CREATIVE RESOURCES (on the material of composite fictitious professions denominations)**

The article deals with the creative resources of Russian derivation. Composite fictitious professions denominations (FPDs) are studied in structural-semantic and cognitive aspects.

The tasks of the investigation: to analyze composite FPDs structural and semantic aspects with relation to: a) the way of their formation; b) the collocation of components; c) the correspondence of the professions denominations to usual word-building patterns; to reveal dominating nomination cognitive patterns (cognitive types) of FPDs formation; to define the correlation of stereotype and creativity among composite FPDs.

The results of the investigation: Fictitious professions denominations can be viewed as one of the linguistic contrivance types, which successfully exploits Russian language vocabulary and word-building creative resources. Compounding, compounding and suffixation combined, fusion and suffixation combined are the dominating types of composite FPDs building. Few FPDs are built by the means of fusion, contamination and abbreviation. Stereotype in the method choice of composite FPDs way of formation becomes apparent in the orientation toward canonical word-building patterns with suffixes *-мель*, *Ø*, *-щик/-чик*, often used to build official professions denominations. Cognitive types of fictitious and real composite FPDs creation coincide: it is the objective cognitive type. Denominations of fictitious professions can also be created on cognitive patterns which are not typical for usual professional figures nomination.

Key words: *linguo-creativity, fictitious professions denominations, Russian word-building, language game, cognitive type.*

Языковое творчество, или лингвокреативность, охватывает широкий спектр вопросов, неразрывно связанных с порождением нового в языке. Одним из кардинальных, по мнению ученых, является вопрос о том, где именно зарождается творческое начало. При ответе на него «поиски исследователя могут быть направлены, с одной стороны, на языковые формы, воплощающие результаты креативных усилий говорящих, с другой, на те мыслительные процессы, которые происходят в сознании человека, осуществляющего творческую деятельность» [5, с. 15]. Первый аспект лингвокреативности достаточно полно изложен в многочисленных трудах, посвященных неологии и неологизмам, окказионализмам, языковой игре и т. п. Второй, направленный на изучение глубинных механизмов языкового творчества, освещен в лингвистике в работах Н. Хомского, а позднее Б. А. Серебrenникова, Н. Д. Арутюновой, Е. С. Кубряковой, Ю. С. Степанова и многих других ученых (см. об этом: [Там же, с. 17–51]). Центральное место в работах исследователей в данном случае занимает описание когнитивных процессов (механизмов), определяющих характер и направление языкового творчества, связанного с номинативной деятельностью человека, созданием новых единиц номинации. Отметим, что при изучении и описании определенных языковых явлений исследователю нередко приходится обращаться к обоим аспектам, рассматривая и результаты языкового творчества человека (языковые единицы), и когнитивные механизмы порождения таких единиц.

Целью исследования, результаты которого репрезентированы в данной статье, явилось выяснение специфики творческой деятельности человека на материале сложных (двухкомпонентных) названий придуманных профессий с привлечением когнитивных данных. В задачи исследования входило: проанализировать двухкомпонентные сложные НПП в структурно-семантическом аспекте с точки зрения: а) способа образования; б) сочетаемости компонентов; в) соответствия узואльным словообразовательным моделям названий профессий; выявить доминантные когнитивные модели номинации (когниотипы), по которым образуются НПП; определить соотношение стереотипа и творчества в кругу сложных НПП.

Материалом для исследования послужило более 900 сложных названий профессий, придуманных участниками игры «Прикольная профессия», начатой 13 сентября 2012 г. на форуме Первого канала (<http://forum.1tv.ru/index.php?threads/3890/>) и продолжающейся по сей день.

Поскольку эта статья является первой из наших публикаций, посвященных анализу лингвокреативного потенциала НПП, кратко остановимся на общей характеристике самой игры и в целом языкового материала, представленного на форуме.

Как и любая игра, «Прикольная профессия» ведется по определенным правилам: участник должен придумать профессию, которой в действительности не существует; перечень профессий должен пополняться по алфавиту: от А до Я и снова по кругу (<http://forum.1tv.ru/index.php?threads/3890/>). Последнее условие неизбежно приводит, с одной стороны, к дублированию НПП разными участниками

(например, *гореглушитель, дуракавалятель, ежесбрей, елерубицик, ёжикоглотатель, жабоглотатель, жуколов, зенкилуп, идеявоплотитель, йетилов, кошкокормитель, лимонорезатель, офигезнорассказыватель, очковтиратель, петлеплёт, рыбобжор, трубодуй, царехвал, эолов* и т. д. встретились два и более раза), а с другой – к пополнению рядов сложных фамилий с одной и той же первой основой, особенно в тех случаях, когда слов, начинающихся с определенной буквы алфавита, в русском языке немного (слова с начальными *й, ё*) или нет вообще (*ы, ь, ъ*). Например, наиболее часто для образования НПП на *Ё* используется основа **ёлк(а)** (*ёлкииголкисобиратель, ёлкиныиголкикраситель, ёлкокактусосбриватель, ёлки/палки/по/каждому/поводу/и/без/повода/изрекатель, ёлконосец, ёлконарядитель, ёлконаряжатель, ёлконаряжательница, ёлкорисователь, ёлкосажатель, ёлкоукрашатель, ёлкоутилизатор, ёлку.что.ли.поставит.дома.среди.лета.придумыватель, ёлку/в/лесу/вырубатель* и др.); на *Й* – основы **йод-** (*йодолей, йодомаз, йододегустатор йодомазатель, йодорисователь, йодомазчик, йодомранымазатель, йодонамазыватель, йодоразливатель, йодосеточкамазатель, йоду/мне/йоду/со/сцены/кричатель* и др.) и **йога** (*йогопоказыватель, йогателозаплетатель, йога-тренер, йогой-заниматься-нелюбитель* и др.).

Языковые эксперименты участников игры распространяются и на начальные *Ы, Ъ* и *Ь*. Отсутствие в словарях русского языка слов на эти буквы игроки легко преодолевают, заменяя буквы *Ъ* и *Ь* их алфавитными названиями: *мягкий знак-выделитель-другим цветом, мягкий знак замазыватель замазкой, мягкий знак по страницам-распределитель, мягкий знак рисовальщик, мягкий знак считатель в словарях* и др.; *твердогознакачитатель, твердознакнаписатель, твёрдый знак вырезатель из дерева!, твердый знак вышиватель крестиком, твердый знак искатель в словах, твердый-знак-в-алфавите-печататель, твёрдый-знак-невыговариватель* и др., а также начиная буквой *Ы* придуманную профессию: *ы-выговаривать-учитель, ы-с-и-путальщик, ыговорильник, ыгыгеезаводчик, ыгыгы-подносебеговорящий, ыкальщик на орангутанов, ыкатель, ыкательник, ыпроизноситель от скуки* и др. Элемент языковой игры проявляется в нарочитой замене буквы *И* буквой *Ы*: *ыскопаемоекопатель, ынтернетоклавиатурищик, ысторик, ыikotaзамучилаговоритель, ышохотель, ыштыкакойник*. При создании НПП может применяться прием аллюзии, как правило, комментируемый автором: *Ы-лов (Стругацкие «Трудно быть Богом» – охотник, способный поймать Голого Вепря Ы), Ы-оператор (привет от Гайдая!), Ы-операциюразрушитель*.

Общий обзор языкового материала, представленного на форуме «Прикольная профессия», показывает, что многие НПП можно лишь с определенной долей условности отнести к названиям профессий. Чаще всего, будучи именами лиц, они представляют собой слова-характеристики, носят разговорный, шутливо-иронический, сниженный характер.

Стереотипность мышления при создании и восприятии НПП находит отражение в процессах аналогии. Её значение для продуцирования и понимания новых слов отмечают многие исследователи. «...Именно аналогия, – считает Е. А. Земская, – это тот двигатель, который порождает все виды новых слов. ...Без аналогии не рождается не только ни одно узуальное, но и ни одно окказиональное слово. ...Аналогия – это тот механизм, который позволяет понимать новое слово, создавая опору на существующее. Без аналогического сопоставления, аналогического фона новое слово не может быть понято и, следовательно, не может существовать» [4, с. 182, 184]. В качестве «аналогического фона» для создания новых слов исследователь называет: 1) словообразовательную модель; 2) конкретное слово-образец; 3) ассоциативный фон [Там же]. В дальнейшем мы

покажем, что когнитивными основаниями для образования НПП являются первые два фактора.

Творческое начало играющих наиболее ярко проявляется в создании названий профессий по окказиональным словообразовательным моделям, в основе которых лежит сращение компонентов словосочетания или даже предложения в своеобразный номинативный комплекс, например: *жрать/или/не/жрать/перед/холодильником/раздумывающий*, *губной/помадой/на/зеркале/пишущая*, *картошку/на/завтрак/обед/и/ужин/едящий* и др. Этот же принцип сращения компонентов лежит в основе НПП, завершающихся существительным с суффиксом, оформляющим название несуществующей профессии: *лемурам-полосочек-на-хвостики-создатель*, *ежикавтуманебесконечноеколичестворазнаночьпересматриватель*, *закат/солнца/в/ручную/производитель* и др. Компоненты НПП при этом могут отделяться с помощью черточки, косой линии, точки (см. примеры ниже) или же писаться слитно.

Сращение в сочетании с суффиксаций [8, с. 142] позволяет играющим оформить как номинативный комплекс любое высказывание, что приводит к развитию своеобразных диалогов, репликами которых служат НПП. Приведем пример такого парирования НПП-репликами, сохраняя написание и орфографию авторов:

как/сварить/лапшу/у/девушек/спрашиватель
лапшу-на-уши-вешатьлюбитель
могу/помочь/со/снятием/лапшички/услужливо/предлагатель
не-надо-ляля-отвечательница
однако/же/подумайте/о/моем/предложении/настаиватель
предложения-о-замужестве-только/рассматривательница
Разумеется/если/вы/мне/понравитесь/женюсь/отвечатель
соблазнить-одним-только/взглядом/уметельница
только.от.одного.женского.взгляда.выстоять.умелец
уважаемый-проверим-спрашивательница
фух.взопрел.весь.от.такой.женской.проверки.вздохатель
хам-кокетливоотвечательница
целую.ручки.галантно.парирователь
чайку-попить нежелаетепредлагательница
штоли.зайти.на.пару.минут.раздумыватель
щёчки-мои-уже-зарумянились/томноотвечательница
эх.рискнем.ради.щечек.окончательно.решатель
я-жду-вас-мечтательно-себе/подношение/птательница
А.вот.посмотрим.сможете.ли.вы.мне.угодить.ворчатель
Будешь-навекимой-просебяхмыслительница
вот.возьму.и.сбегу.внезапно.подумыватель
грусть-печаль-тебяодолеет-если/сбежишь/тихоотвечательница.

Прерывается этот «диалог» третьей участницей, придумавшей очередное название на Д: *да уместно ли-в диалог между этими двоими влезать-думательница.*

Естественно, приведенные выше языковые факты, иллюстрирующие креативность носителей русского языка, нуждаются в более глубоком анализе и должны стать предметом самостоятельного исследования.

В любом случае можно ожидать, что сложные НПП как результат творческого языкового экспериментирования могут дать богатый материал для исследования и прогнозирования путей возможного развития языка. Напомним ввиду изложенного слова Михаила Эпштейна, который, оценивая словесное творчество,

напрямую связывает производство новых слов с реализацией потенциальных возможностей языка, заложенных в его системности. «То новое, что вносится в язык, – считает исследователь, – не есть просто чья-то смелая инициатива, изобретательская удача. Это выражение открытой системности самого языка, которая делает и возможным, и необходимым постоянное его пополнение» [10]. Ученый исходит из того, что «неологизмы ... активизируют определенные модели языка, показывают их в действии. Иногда они даже создают эти модели, возводят в ранг словообразующих морфем отдельные элементы слова, которые раньше не употреблялись в таком качестве. ... По-новому члени слово, неологизм придает словообразовательную активность тем элементам языка, которые раньше оставались пассивными, разрозненными, внесистемными или слабосистемными, по крайней мере в плане словообразования. С каждым неологизмом усиливается регулярность тех или иных моделей» [Там же].

Приведенную мысль ученого мы в какой-то мере постараемся подтвердить, вернувшись к задачам настоящей работы и обратившись к рассмотрению сложных НПП.

Больше половины **сложных НПП** характеризуется опорным компонентом, оформленным с помощью форманта **-тель** (508 ед.). В их число входят и немногочисленные женские дериваты: *бриллиантособирабельница*, *делопрошивательница*, *ёлконаряжательница*, *ломоглотательница*, *мозговynosительница*. Второе место занимают сложения с нулевым суффиксом (240 ед.): *грибовар*, *овцеед*, *доледел*, *хренокоп*, *матрасодав*, *слоннокрад* и др.; третье – сложения с формантом **-щик/-чик** (95 ед.), к которым относятся и женские дериваты *вениковязальщица*, *веревочковязальщица*, *фрикадельколепищица*. Показателем принадлежности слова к названиям профессий более чем в 20 случаях является суффикс **-ец** (*жироносец*, *центробежец*, *пюретпорец*), в 11 – связанный компонент **-лог** (*абракадаболог*, *гурманолог*, *хренопатолог*, *щебетолог*). Редко опорный компонент оформляется с помощью суффиксов **-ун** (*мимопопадун*, *ягельедун*, *шизолетун*, *грузотаскун*), **-ист** (*асталавистабебист*, *кинопанорамист*), в единичных случаях для образования сложных НПП используются суффиксы **-ач** (*йодлислухач*), **-лка** (*щиварилка* (домохозяйка), **-он** (*шапкозакидон*), **-янт** (*ёксель-мокселянт*) и суффиксоидальные компоненты **-фил** (*дендротфил*), **-фоб** (*йодофоб*), **-мен** (*Шапоклякомен*).

Образуются сложные НПП путем чистого сложения (*алмазозаготовитель*, *аспиринопокупатель*, *юртосборщик*, *тапочконосильщик*, *лужеучетчик*, *яхтпродавец*, *ядодегустатор*, *забородизайнер*, *ёжикопарикмахер*, *дыротехник*, *дамский-негодник* и др.), сложения в сочетании с суффиксацией (*гитароносец*, *щекотливоположенец*, *шаронадувальщик*, *яблоковкуситель*, *фальшивоулыбатель*, *соровыноситель*, *гризлилов*, *треплолюб* и пр.), сращения (*улыбкамобучающий*, *юбиляровпоздравляющий*, *юзеровненавидящий* и др.), сращения в сочетании с суффиксацией (*манжетызатегивальщик*, *Егоруподпеватель*, *Емельянабудитель*, *винтиковвкручиватель*, *носкиштопольщица* и пр.).

Единичные НПП созданы с помощью так называемого телескопического способа, или контаминации [4, с. 51–52]: *натуралюган* – *натуральный* + прост. *хулюган* (от *хулиган*), *псиноптик* («окулист для собак» – комментарий составителя. – Т. П.), *псина* + *оптик*, *мачодайзер* – *мачо* (мужчина, обладающий ярко выраженной сексуальной привлекательностью) + *мерчандайзер* (товаровед или помощник товароведа).

Аббревиация как способ создания НПП отмечена в одном слове – *юндет*, расшифрованном самим играющим: *юный детектив*.

Стереотипность при выборе способа образования сложных НПП проявляется, прежде всего, в том, что играющие, как и в случае с производными НПП, ориентируются на канонические словообразовательные модели, в подавляющем большинстве случаев создавая слова с продуктивными суффиксами *-тель*, *Ø*, *-щик/-чик*, активно используемыми при образовании названий официальных профессий [2; 3; 6; 9].

Языковое творчество участников игры в кругу сложных НПП, по нашим наблюдениям, имеет следующие особенности.

1. Образование названия вымышленной профессии на базе прецедентных выражений: фразеологизмов, библеизмов, слов из текстов песен и т. д.: *камнесобиратель* (восходит к библ. *время разбрасывать камни, и время собирать камни* (Экклесиаст 3:5); *облакосчитатель* (из текста песни «Ты не любишь считать облака в синеве» В. Тушновой); *очковтиратель* и *очковвтиральщик* (от фраз. *втирать очки* – обманывать); *резинотянатель* (от фраз. *тянуть резину* – медлить, затягивать какое-л. дело), *рукамиразводитель* (от фраз. *разводить руками* – удивляться, недоумевать), *шапкозакидатель* (от фраз. *закидать шапками* – легко и быстро победить), *щеконадуватель* (от фраз. *надувать щеки* – обижаться), *лыжинавостральщик* (от фраз. *наострить лыжи* – намереваться уйти куда-либо или откуда-либо, сбежать), *шашникрут* (от фраз. *крутит шашни* – находиться с кем-либо в любовных отношениях) и др.

2. Нарочитое, как нам кажется, оформление опорного компонента при помощи суффикса, не соответствующего узуальной словообразовательной модели. Эта нарочитость становится особенно очевидной при существовании в русском языке слова, которое может использоваться и используется как самостоятельное в составе сложений. Объясним свою мысль на примере слова *мойщик*, которое отмечено в словаре в значении «рабочий, занимающийся мойкой, мытьем чего-либо» [1, с. 551] и используется в сложениях *посудомойщик*, *сукномойщик*, *шерстомойщик* и др. В корпусе сложных НПП в качестве второго компонента это слово встретилось два раза: *веломойщик*, *ухомойщик*. В остальных случаях играющие образовывали опорный компонент от основ форм *мыть*, *моет*, используя суффикс *-тель*: *дорогомоетель*, *жирафомытель*, *ухомытель*.

Выбирая формант для оформления НПП, участники игры явно отдают предпочтение суффиксу *-тель* (как мы уже отмечали, с ним образовано больше половины сложных НПП – 508 из 918), например: *арбузопродаватель*, *ёжиков-продаватель*, *чизбургерыпродаватель* (ср. лит. *продавец*), *ва-банк-игратель* (ср. *игрок*), *вареньеваритель* (ср. *варщик*), *грязеубиратель* (ср. *уборщик*), *дроварубитель* (ср. *рубщик*), *ехидноразводитель*, *жирафоразводитель*, *уткоразводитель* (ср. *разводчик*), *едодобыватель* (ср. *добытчик*), *журналыдоставлятель* (ср. *доставщик*), *лимонорезатель*, *листорезатель* (ср. *резчик*), *ухопродуватель* (ср. *продувщик*), *ледоколотель* (ср. *ледокольник*), *ремонторганизовыватель* (ср. *организатор*) и др. Реже играющие отдают предпочтение опорным компонентам с суффиксом *-щик*, хотя в языке есть аналоги с суффиксом *-тель*: *журналообзорщик* (вм. *обозреватель*), *избостройщик* (вм. *строитель*). Очевидно, что участники игры, создавая НПП, вполне сознательно выбирают незуальные форманты, в любом случае обеспечивающие, с одной стороны, «новизну» предполагаемой профессии, а с другой – невозможность даже случайного совпадения придуманного названия с названием какой-либо уже существующей профессии.

Игроки легко создают номинации, которые, по нашему мнению, находятся на грани окказиональности и неграмотности, например: *утюгоглажатель*, *шарфикоглажатель*, *юбкоглажатель*, *шелкоперовкритикатель*, *ягуарвыследователь* и др. Конечно, все, даже самые невозможные формы, если они возникли в речи и

передают хоть какой-либо смысл, можно попытаться объяснить с точки зрения их образования. От глагола *гладить* можно образовать существительные *гладильщик* (и в картотеке есть НПП *ёжикогладильщик*) и даже *гладитель*, но от какой основы образован компонент *глазитель*? *Глаж(у)*, *глаж(енный)*? Компонент *критикатель* скорее всего образован от лит. *критик* путем добавления морфа *-атель*. Труднее с компонентом *выследователь*, автор которого сконтаминировал, как нам представляется, сразу несколько слов: *выследить* и *выслеживать*, *следить* и *расследовать*, создав в конце концов неправильную, а не окказиональную лексему.

3. Использование в качестве опорных компонентов названий существующих профессий, как правило, заимствованных: *супермаркетолог*, *нанотехнолог*, *альфонсотеерапевт*, *водомонтёр*, *дыротехник*, *щебенкодекоратор*. Особенно часто такие НПП создаются на базе слов **дегустатор** (9 ед.): *омлетодегустатор*, *фасоледегустатор*, *щёлочодегустатор*, *эклеродегустатор* и др.; и **дизайнер** (5 ед.): *абажур-дизайнер*, *ёмобиледизайнер*, *забородизайнер*, *ломтикодизайнер*, *люстрадизайнер*.

4. Неузальная сочетаемость опорных компонентов с первыми, в качестве которых играющие используют имена существительные, а также:

- наречия (*быстроубегатель*, *мелкоплаватель*, *неукротимоньтель*, *офигезнорассказыватель*, *трудновыводитель*, *фальшивоулыбатель*, *хитроприщуриватель*, *умнодвигальщик*, *филигранноматерщинник*, *хитромигальщик*, *шустробегальщик*, *ясносмотрщик*, *многоед*, *долгодум*, *тугодум*, *многорук*, *мимопопадун*);

- личные и неличные местоимения (*этоголюбитель*, *этоспрашиватель*, *яслицик*);

- междометия и звукоподражания (*ай-ай-айкричатель*, *ча-ча-чаисполнитель*, *чмоки-чмокидаритель*, *эврикакричатель*);

- глаголы (*ёрничатьучитель*, *юлитьизволитель*, *юлитьлюбитель*);

- аббревиатуры (*ЕГЭсдаватель*);

- этикетные формулы (*биенвенидожелатель* (*bien venido* – по-испански «добро пожаловать»));

- разговорные выражения (*щасссс-отвечатель*, *хорошо!-говоритель*).

Объектом предполагаемой профессиональной деятельности, обозначенной первым компонентом НПП, могут быть собственные имена, в том числе:

- личные имена, прозвища и псевдонимы: *ЁлкаСлушатель* (Ёлка – псевдоним певицы Лизы Иванцев. – Т. П.), *ЕмельянаБудитель*, *Мыроукротитель*;

- фамилии известных деятелей, исторических личностей, литературных персонажей: *Айболитовызыватель*, *Кобзонаподстригатель*, *Малевицанепониматель*, *Нострадамусатолкователь*, *Раскольниковоосуждатель*, *Пугачёволюб*, *Чакноррисовед*;

- названия географических и астрономических объектов: *марсонаблюдатель*, *Угандоизучатель*, *Эльбрусопокоряльщик*, *европаобъездчик*, *Зимбабвевед*.

Нередко объектом предполагаемой деятельности являются люди, названные в первой части сложений и сращений: *мамасмешитель*, *лохонадуватель*, *охломоноразгонитель*, *хлюпиковобижатель*, *царевноискатель*, *царесвергатель*, *человекоуговаритель*, *дуриковед*, *юбиляровпоздравляющий* и др.

Особого внимания заслуживают сложные НПП с нулевым суффиксом, опорным компонентом которых являются глагольные основы (-ход, -воз, -лет и т. п.). Инвентарь глагольных основ, используемых играющими, включает неповторяющиеся (более 50 ед.) и повторяющиеся основы. Отметим те из последних, которые встретились более, чем в 4 НПП: **-лов** (12 ед.): *воролов*, *гризлилов*, *йеттилов* и пр.; **-люб** (12): *грундолюб*, *снеголюб*, *треплолюб* и т. д.; **-ед** (11 НПП): *малиноед*, *сеноед*, *шеед* и др.; **-вар** (9 ед.): *раковар*, *чачевар*, *шиловар* и др.; **-вед**

(9 ед.): *плутовед, идиотовед, улитковед* и пр.; **-пас** (7 ед.): *бабуинопас, суркопас, эмупас* и пр.; **-чист** (7 ед.): *бляхочист, хреночист, принтерочист*; **-крут** (6 ед.): *хвостокрут, шавермокрут, юлокрут* и пр.; **-вод** (6 ед.): *котовод, цаплевод, чупакабравод*; **-дел** (6 ед.): *булкодел, доледел, дыркодел* и т. д.; **-чёс** (5 ед.): *носочёс, ухочёс, щекочёс* и др.; **-мер** (5 ед.): *тапкомер, цунамимер, эхомер* и пр.; **-гон** (5 ед.): *бесогон, дурегон, тучегон* и т. д.; **-коп** (5 ед.): *норокоп, лунокоп, червекоп* и др. Как и в случае других НПП с глагольными основами рассматриваемого типа, здесь преобладают компоненты, образованные от глаголов, называющих разнообразные физические действия. Исключением является лишь основы *-люб* (от глагола *любить*, называющего чувство) и *-дум* (от глагола *думать*, обозначающего ментальный (интеллектуальный) процесс).

В когнитивном аспекте интерес представляет характеристика сложных НПП с точки зрения основного способа интерпретации деятеля играющими и соответствия/несоответствия НПП доминантной когнитивной модели номинации (когниотипу), действующей в сфере общепринятых (официальных) названий профессий.

Е. И. Голованова отмечает, что «основной структурой представления знаний в рамках категории профессионального деятеля в языке являются пропозициональные отношения: место профессиональной деятельности, ее предмет, средство, процесс и результат» [3, с. 56], в соответствии с которыми «выделяются пять основных способов интерпретации деятеля в профессиональной сфере: а) через отношение к инструменту (*крановщик, гарпунер*); 2) через отношение к процессу (*сборщик, резчик*); 3) через отношение к объекту или предмету труда (*жестянщик, каменщик*); 4) через отношение к конечному продукту (*печник, макетчик*); 5) через отношение к месту деятельности (*шахтер, подводник*)» [Там же, с. 52].

В тот или иной исторический период на первый план в интерпретации профессионального деятеля выдвигается определенный аспект деятельности, который находит отражение в доминантной когнитивной модели номинации – когниотипе [Там же, с. 53]. Когниотип представляет ход мыслительной деятельности человека по созданию нового имени и отражает особенности социально-экономического развития человеческого общества в разные исторические этапы [Там же]. Так, этапу ремесленного производства, по мнению Е. И. Головановой, соответствовал «продуктивный», или экстернативный когниотип, в соответствии с которым создавались наименования, указывающие на продукт деятельности ремесленника (*каретник, зеркальник*). В период мануфактурной организации труда ведущим когниотипом был процессуальный, или операциональный (*катальщик, литейщик*). В эпоху НТР, крупной машинной индустрии на первый план выходит инструментативный способ категоризации имени деятеля (*аппаратчик, вальцовщик*). Современная же эпоха (постиндустриальный период) характеризуется новым когниотипом – объектным, когда основой имени деятеля становится не только предмет, но и область профессиональной деятельности в целом (*дизайнер, визажист*) [Там же, с. 53–54].

Анализ сложных НПП с точки зрения способа интерпретации предполагаемого деятеля участниками игры показал, что основным способом концептуализации лица по выдуманной профессии, как и в узальной сфере, является объектный, в соответствии с которым первый компонент НПП называет объект (предмет, сферу) предполагаемой профессиональной деятельности: *веревкиразрыватель, игрушколоматель, иглоточильщик, шаронадувальщик, чуркоруб, яхтопродавец* и др. Реже первый компонент называет инструмент: *йодомазатель, йодорисователь, крапиволюбитель, кулакобоец* или конечный продукт предполагаемой деятельности: *абракадабрасочинитель, добротворитель, дуракообразователь,*

ёрничатьучитель, люлейогребатель, гарниротворильщик, чадоделец, йодльгорлапан. Показательно, что для сложных НПП оказывается нерелевантным концепт «место деятельности».

Креативное начало, заложенное самой игрой, позволяет ее участникам создавать новые когнитивные модели номинации «профессионального» деятеля, не свойственные узальной сфере. К ним можно отнести модели НПП, первый компонент которых указывает на способ осуществления действия: *быстроубегатель, мелкоплаватель, шустробегальщик, многоед* и др.; или на субъект, каким-либо образом обуславливающий предполагаемую деятельность: *Шапоклякмен, Д'артаньянуподражатель, Егоруподпеватель*.

Завершая анализ сложных НПП, отметим, что участники игры иногда сопровождают предлагаемое название своим комментарием, который интересен в плане анализа когнитивных механизмов порождения нового названия, позволяет проследить направление мысли играющего, понять мотивацию названия. Не углубляясь в этот аспект, требующий самостоятельного исследования, отметим, что чаще всего комментарий участников игры заключается: 1) в наивной семантизации: *крокодилолюбитель (мужчина, любящий страшных), яславщик (прославлятель себя любимого), цыплежуй (поедатель цыплят), рожечист (разновидность профессионального драчуна), гадолов (охотник за змеями), таксомер (измеритель роста такс), бабуинопас (пастух бабуинов), хренокоп (сборщик корней хрена ... или плохой полицейский), червекоп (помощник рыболова), утконос (носильщик «уток» в больнице), иглустройщик (строитель жилья эскимосов), ежебрей (ну это который ежей бреет), бобосей (выращивает бобовые культуры), даромносец (приносящий подарки), стулодвиг (переносчик мебели), фирмоглот (спец по поглощению мелких фирм), бормотолог (специалист по изготовлению бормотухи), хвостолог (ветеринар узкого профиля), филомес (изготовитель теста), ёлкутилизатор (работа сезонная, вторая половина января), крокодилер (дилер по продаже крокусов), Ерегард (Б-гард, защитник буквы «ерь»), червеэкстрактор (вытаскивает червячков из фруктов), елплантатор (на Новый Год ёлки выращивает) и др.; 2) синонимизации НПП: *казноумыкатель (воришка), тортовывекатель (он же – кондитер), человекоуговариватель (типа, психолог), многоед (обжора), рукокрив (неумеха, криворучка), циварилка (домохозяйка); 3) апелляции к общеизвестным фактам: зайцеспасатель (дед Мазай), неукротимоньтель (каждый сталкивался), чешиконос (в детском саду на музыкальных занятиях – мы все были им), царесвергатель (профессия, популярная в далеком прошлом), фенебот (немножко по-уголовному, но понятно) и т. д.; 4) передаче своих впечатлений, ассоциаций: столбообниматель (сама с утра такого видела), Эйништейнуподражатель (язык высочивая), целлюлитолоб (типа Рубенс), лунокоп (ну, как землекоп); 5) уточнении содержания предполагаемой профессии: иглоукалыватель (не рефлексотерапевт!), холодильничкоопустошитель (мужская профессия?), елпил (не тот, кто еле пил, а тот, кто на Новый Год ёлки пилит), цугцванганализатор (узкая шахматная специализация) и др.**

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Названия придуманных профессий вполне можно отнести к одному из видов лингвистического изобретательства, плодотворно эксплуатирующего креативные возможности лексики и словообразования русского языка, которые, по словам Е. Н. Ремчуковой, «являются наиболее благоприятной средой для любого экспериментирования» [7, с. 8].

2. При образовании сложных НПП предпочтение отдается способам чистого сложения, сложения в сочетании с суффиксацией, сращения в сочетании с суффиксацией. Немногочисленные НПП создаются путем сращения, контаминации и аббревиации.

3. Стереотипность при выборе способа образования сложных НПП проявляется в ориентации на канонические словообразовательные модели с суффиксами *-тель*, *Ø*, *-щик/-чик*, активно используемыми при образовании названий официальных профессий.

4. Языковые эксперименты «создателей» НПП, демонстрирующие их лингвокреативный потенциал, заключаются: а) в создании сложных НПП с нарушением узусных словообразовательных моделей; б) использовании при образовании сложных НПП существующих названий профессий, имен лиц, в том числе и собственных; в) создании сложных НПП на базе прецедентных выражений; г) неузусной сочетаемости опорных компонентов с первыми и др.

5. Доминантная когнитивная модель сложной номинации вымышленных профессий совпадает с ныне действующим в узусной сфере объектным когнитивным типом. Названия выдуманных профессий могут создаваться и по когнитивным моделям, не характерным для узусной номинации профессиональных деятелей.

Перспективу дальнейших исследований, на наш взгляд, представляет более глубокое изучение сложных НПП, созданных по разным словообразовательным моделям, как в структурно-семантическом, так и когнитивном аспектах, а также анализ с этих точек зрения многокомпонентных НПП.

Библиографические ссылки

1. **Большой толковый словарь русского языка** / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
2. **Воронцова В. Л.** Наименования лиц по профессии / В. Л. Воронцова // Способы номинации в современном русском языке. – М., 1982. – С. 254–271.
3. **Голованова Е. И.** Категория профессионального деятеля : Формирование. Развитие. Статус в языке / Е. И. Голованова. – 2-е изд., исправл. и дополн. – М. : Элпис, 2008. – 304 с.
4. **Земская Е. А.** Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – Изд. 2-е, стереотип. – М. : КомКнига, 2005. – 224 с.
5. **Ирисханова О. К.** О лингвокреативной деятельности человека : отглагольные имена / О. К. Ирисханова. – М. : Изд-во ВТИИ, 2004. – 352 с.
6. **Моисеев А. И.** Наименования лиц по профессии в современном русском языке (структурно-семантическая характеристика) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / А. И. Моисеев. – Л., 1968. – 35 с.
7. **Ремчукова Е. Н.** Креативный потенциал русской грамматики / Е. Н. Ремчукова. – Изд. 2-е, исправл. и дополн. – М. : Книж. дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 224 с.
8. **Русская грамматика** : в 2 т. – Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1980. – 784 с.
9. **Шкатова Л. А.** Терминологические наименования лиц в русском языке (историко-этимологический анализ) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Л. А. Шкатова. – Челябинск, 1987. – 36 с.
10. **Эпштейн М.** Русский язык : система и свобода [Электронный ресурс] / М. Эпштейн. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nj/2008/250/ep10.html>. – Загл. с экрана.

Надійшла до редколегії 10.12.14

УДК 803.0–561.2:800.3

А. Н. Приходько

*Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара***КАТЕГОРИИ «ПРОТИВИТЕЛЬНОСТЬ» И «ПРИЧИННОСТЬ»
В ЕДИНСТВЕ И ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ**

Рассмотрены под логико-семантическим углом зрения две синтаксические категории – противительность и причинность. На материале немецкого сложносочиненного предложения доказано, что данные категории отражаются в языке согласно диалектическому закону единства и борьбы противоположностей, представляя собой когнитивные трансформации друг друга с тонко нюансированными смыслами. На этой основе выделены и описаны два основных типа противительного паратаксиса – оппозитивный и собственно-противительный, в каждом из которых анализируются интегральные и дифференциальные признаки противительности-причинности.

Ключевые слова: противительность, причинность, девиантность, паратаксис, обманное ожидание, когнитивная энтропия, ситуация.

Приходько А. М. Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара. **КАТЕГОРІЇ «ПРОТИСТАВНІСТЬ» І «ПРИЧИННІСТЬ» У ПОЄДНАННІ ТА ПРОТИЛЕЖНОСТІ**

Розглянуто під логіко-семантичним кутом зору дві синтаксичні категорії – протиставність і причинність. На матеріалі німецького складносурядного речення доведено, що ці категорії відображаються в мові згідно з діалектичним законом єдності і боротьби протилежностей, являючи собою когнітивні трансформації одна одної з тонко нюансованими смыслами. На цій основі виокремлено та описано два основні типи протиставного паратаксису – опозиційний і власне-протиставний, у кожному з яких проаналізовано інтегральні та диференційні ознаки протиставності-причинності.

Ключові слова: протиставність, причинність, девіантність, паратаксис, ошукане очікування, когнітивна ентропія, ситуація.

Prykhodko A. N. Oles Honchar Dnepropetrovsk National University. **CATEGORIES «ADVERSATIVITY» AND «CAUSALITY» IN UNITY AND OPPOSITE**

The article considers two syntactical categories – adversativity and causality from logical and semantic point of view. On the matter of German complex sentence these categories are proved to be reproduced in the language in accordance with the dialectical law of unity and conflict of opposites that are cognitive transformations of each other with subtly shaded senses. Two main types of adversative parataxis – opposite and properly adversative are determined and described on this base, and in which of them integral and differential indications of adversativity and causality are distinguished.

Key words: adversativity, causality, deviance, parataxis, disappointed expectation, cognitive entropy, situation.

Объектом рассмотрения в настоящей статье являются две близкородственные понятийные категории синтаксиса – противительность (адверсативность) и причинность (каузальность) в их единстве и противоположности, а предметной областью, в рамках которой они рассматриваются, – их когнитивно-семантическое устройство, оказывающее влияние на форму и функцию того предложения, в котором они воплощаются. Основная цель статьи – выяснение пределов пересечения двух категорий синтаксиса, за которыми начинается их логико-смысловое расхождение в современном немецком языке.

Сложносочинённые предложения (ССП) с семантикой противительности являются соединением двух элементарных предложений, отображающих по одной ситуации (СИТ) объективной действительности. Находясь между собой в отноше-

ниях взаимной обусловленности, эти ситуации обнаруживают определенного рода несоответствие ожидаемого и реального [4; 5; 7]. Обобщающим адверсативным смыслом является формула **‘несмотря на то, что’**, а соответствующая пропозиция может быть представлена в виде символической записи СИТ-1 – ПК_{АДВ} – СИТ-2 (*Es regnete oft* (СИТ-1), **aber** (ПП_{АДВ}) *der Urlaub war schön*/ (СИТ-2) /*Часто шел дождь, но отпуск был хорошим*/, где отношения обусловленности и несоответствия фиксируются при помощи пропозиционального предиката ПП_{АДВ}.

По формальной логике объединение адверсативной информации в целостный блок осуществляется с помощью конъюнкции, языковым эквивалентом которой является противительный союз *aber /but, a /но*. Важным признаком противительной конъюнкции является то, что мы имеем дело с не совсем последовательными логическими связями, а скорее, с фактами несоответствия стереотипных представлений о надлежащем и реальном. Конъюнкция противительности является, таким образом, логикой девиантности – отклонением от нормы, от стереотипов и канонов, от привычных представлений о существующих взаимосвязях в реальном мире.

Считается, что основной постулат противительности состоит в его отношении к концепту ‘ожидание’ [15, с. 121; 19, с. 503], фиксируемом языком как несбывшееся, а потому являющееся «отвергнутым» [18, с. 168]. Девиантность как отклонение от нормы имеет своим следствием и основную семантическую функцию *aber* – выражение противоречия [11, с. 740; 12, с. 480; 16, с. 782].

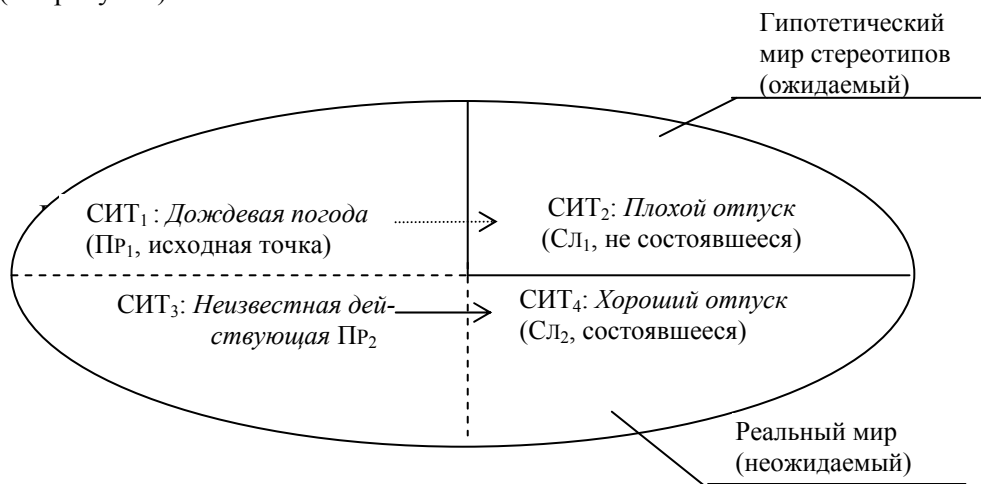
Именно наличие противоречия между двумя составляющими (конъюнктами) ССП декларирует стандартный подход к лингвистическому анализу противительных конструкций, когда описываемая правой частью бинарной ситуация контрастирует с тем, что предлагает ситуация, описываемая его левой частью [21, с. 2402]. Противительные отношения всегда предполагают причинные отношения. В этом смысле противительность предстает как перевернутое отображение каузальности, как своего рода псевдокаузальность, в основе которой лежит принцип **когнитивной энтропии** – отклонение от какого-то условного эталона на фоне недостатка и/или недоиспользования какого-либо информационного ресурса, то есть недоинформированность.

Энтропийный принцип описания контрадикторных отношений наблюдается фактически именно в лингвистических концепциях противительной конъюнкции, когда она рассматривается как нарушение принципа регулярности событий по линии констатации противоречия между антецедентом и консеквентом [14, с. 109], между «заданным» антецедентом следствием и его реализацией. Как результат энтропийного видения противительности появляется ее толкование в виде «обманутого ожидания» [1, с. 25], «the contrary-to-expectation» [2, с. 278], «denial-of-expectation» [18, с. 168]. Этим же можно объяснить и интерпретацию противительности по схеме обратной каузальной пропорции (‘гипотетическая каузальность’ – ‘реальная каузальность’) и в виде «неосуществленной каузальности» [3, с. 158], «скрытой каузальности» [10, с. 329] или «антикаузальности» [17, с. 655].

В самом деле, противительные отношения всегда имплицитно причинные отношения, коррелируя с ними через оппозицию «обусловленное соответствие – обусловленное несоответствие» и являясь при этом зеркальным отображением каузальности. Каузальность и противительность вписываются в онтологическую схему бесконечно действующих причинно-следственных отношений. $ПР_1 \rightarrow СЛ_1 \rightarrow ПР_2 \rightarrow СЛ_2 \dots \rightarrow ПР_N \rightarrow СЛ_N$, в которой они фиксируют какое-то одно звено. И если каузальность утверждает перманентность событий, то противительность описывает ситуацию разорванной причинно-следственной цепочки, своего рода «сбой» когнитивной программы.

Вполне понятно, что в сфере «компетенции» противительного смысла попадает такой фрагмент причинно-следственной цепочки, который состоит не из одного бинарного звена (как при казуальных отношениях), а из двух ($ПР_1 \rightarrow СЛ_1 \rightarrow ПР_2 \rightarrow СЛ_2$), и поэтому его языковое воплощение опирается на взаимодействия четырёх составляющих: СИТ-1 ($ПР_1$) – ситуация, описывающая первую причину, СИТ-2 ($СЛ_1$) – ситуация ожидаемого следствия, СИТ-3 ($ПР_2$) – ситуация, имплицитующая другую причину, СИТ-4 ($СЛ_2$) – ситуация реализованного следствия (следствие другой причины). В этой связи П. Шлобински анализирует ССП *Hans ist krank, aber er geht arbeiten* /Ханс болен, но он идет на работу как состоящее из четырех компонентов: условие (Больные не работают), факт (Ханс больной), вывод (Ханс не должен идти на работу), контраст (Ханс идет на работу) [2, с. 301]. Эти размышления имеют в своей основе энтропийное видение противительности, поскольку содержат намек на то, что такое предложение концептуализирует нарушение ментальных стереотипов.

Аналогичное можно утверждать и по отношению к уже упомянутому ССП *Часто шел дождь, но отпуск был хорошим*, в котором фиксируется отрицание каузального стереотипа «дождь $\rightarrow$ плохой отпуск» и утверждается реальное положение дел («дождь $\rightarrow$ хороший отпуск»). Стало быть, конъюнкция противительности поддерживается каузальными отношениями, причем двумя – одним отрицающим и одним утверждающим – и является такой обусловленностью, которая не отвечает общепризнанным представлениям об устройстве реального мира (см. рисунок).

Корреляция ситуаций противительности и причинности

На рисунке проиллюстрирована мысль о том, что каузальное предложение базируется на двух, а противительное – на четырех денотативных ситуациях, две из которых вербализируются, а две имплицитуются и относятся к миру фоновых знаний. Этот факт подчеркивает и Г.-В. Эромс, когда пишет, что *aber / но* подает сигнал о необходимости обследования предыдущего текста, поскольку именно он является тем фоном, на который сориентирована пропозиция с *aber* [12, с. 480].

Отображая факт завершения казуального процесса, противительность фиксирует нарушение принципа регулярности событий по линии констатации противоречия между антецедентом и консеквентом, а точнее, между заданным антецедентом следствием и его реализацией. Иными словами, противительность выяв-

ляет схему обратной казуальной пропорции в виде соотношения «гипотетическая казуальность – реальная казуальность».

Как видим, языковая специфика адверсативных конструкций состоит в том, что в них эксплицируются не все части причинно-следственной цепочки, а как минимум одна из них остаётся за рамками высказывания. В соответствии с тем, на какой вид противоречия говорящий наводит коммуникативный фокус, можно различать по крайней мере два основных вида адверсативных смыслов – собственно-противительные и оппозитивно-противительные.

При **собственно-противительных** отношениях нарушается ожидаемая казуальная диспозиция СИТ-1 → СИТ-2, вербализируются противоречия: а) между антецедентом и непрогнозируемым консеквентом; б) непрогнозируемым консеквентом и неизвестным антецедентом.

В первом случае акцентируется противоречие между причиной (Пр₁) и следствием (СЛ₂), поскольку более весомой становится другая причина (Пр₂), что и порождает это самое непрогнозируемое следствие, то есть имеет место нереализованность потенциальных функций антецедента. И поэтому вместо ожидаемой импликации утверждается фактическая реальная взаимосвязь ОЖИДАЕТСЯ СИТ-1 → СИТ-2, А ПРОИСХОДИТ СИТ-1 → СИТ-4.

Несмотря на то что СИТ-1 является принципиальным препятствием для СИТ-4, на самом деле это препятствие не может помешать её осуществлению, и она вопреки СИТ-1 осуществляется под действием СИТ-3, которая оказывается при этом или вообще неизвестной (2), или выводится из макроконтракста (3). Ср.: (2) *Dr. Eleutheropulos sprach griechisch, aber ich verstand alles* /M. Frisch/; (3) *Ich sprach nur deutsch, aber er verstand alles angesichts der Wunde* /M. Frisch/.

Собственно-противительные отношения в наибольшей мере соответствуют концепции противительности как отвергнутой причины, что сближает их с отношениями уступительности. Именно поэтому формальным тестом для выявления собственно-противительного смысла может стать проба с помощью подчинительного союза *obwohl* (1a, 2a, 4a). Ср.: (1) ≡ (1a) *Obwohl der Himmel bedeckt war, war es hell*; (2) ≡ (2a) *Obwohl Dr. Eleutheropulos sprach griechisch sprach, ich verstand alles*; (4) *Der Komponist hatte einen Namen, aber die Sinfonie war schlecht* /H. Konsalik/ ≡ (4a) *Obwohl der Komponist einen Namen hatte, war die Sinfonie schlecht*.

Несмотря на идентичность логической формулы уступительного подчинения и противительного сочинения, их прагматическая нагрузка всё-таки различна – акцентирование внимания на причине-препятствии в подчинительной конструкции и акцентирование внимания на следствии в сочинительной. Другим диктинктивным признаком сочинения и подчинения является тот факт, что противительные предложения ориентированы на последующий контекст, а уступительные – на предыдущий [8, с. 47; 13, с. 315].

Проба на сепаратизацию собственно-противительных предложений показывает, что в отличие от соединительных они довольно зависимы друг от друга, поскольку хоть и могут существовать отдельно, но, кажется, утрачивают противительный смысл (1b, 2b, 4b). Ср.: (1) ≠ (1b) *Der Himmel war bedeckt. Es war hell*; (2) ≠ (2b) *Dr. Eleutheropulos sprach griechisch. Ich verstand alles*; (4) ≠ (4b) *Der Komponist hatte einen Namen. Die Sinfonie war trotzdem schlecht*. Сближение собственно-противительных ССП с соединительными наблюдается на функциональном уровне, так как проба на перестановку местами их частей (транспозиция) не приводит к утрате противительного смысла: (1) ≡ (1c) *Es war hell, aber der Himmel war bedeckt*; (4) ≡ (4c) *Die Sinfonie war schlecht, aber der Komponist hatte einen Namen*.

При транспозиції складових власне-протилежних ССП не проходить перегрупування причини і наслідка, їх зміст залишається надійно закріпленим за відповідними пропозиціями – причина за СІТ-1, а наслідок – за СІТ-4. Це означає, що феномен псевдокаузальності зберігається навіть при руйнуванні конструкції, в яку втілений, і тому є індиферентним до своєї структурної підтримки, а сам власне-протилежний зміст виявляється достатньо стійким явищем.

Порядок розташування складових не є релевантним для другої різновидності псевдообумовленості, а саме для тих пропозицій, де спостерігається акцентування протиріччя між першим наслідком і другою причиною. Загальною схемою такого роду власне-протилежних відношень буде формула ОЖИДАЕТСЯ СІТ-1 → СІТ-2, А ПРОИСХОДИТ СІТ-2 → СІТ-3: (5) *Ich liege schlaflos, aber ich nehme kein Schlafpulver*. Тут $П_1$ і $СЛ_2$ невідомі і не називаються, а відсутні зв'язки причинно-наслідкової ланки можуть легко додумуватися на основі загального фону знань або пресуппозицій. Сп.: (5) *Ich liege schlaflos, aber ich nehme kein Schlafpulver* ← (5a) *...später liege ich in meinem Hotel, schlaflos* ($СЛ_1$). *Es ist eine heiße Nacht* ($П_1$), *ich nehme kein Schlafpulver* ($П_2$). *Sonst bin ich niedergeschlagen* ($СЛ_2$) *am Morgen* /F. Dürrematt/; (6) *Mein Stuhl stürzte, aber das Mädchen stellte ihn auf* ← (6a) *Als ich aufstand, stürzte mein Stuhl. Aufsehen in der Bar. Aber das Mädchen stellte ihn auf, und ich setzte mich wieder, als wäre nichts dabei...* /M. Frisch/.

Дана різновидність власне-протилежних ССП також позитивно реагує на свої перетворення в поступливі конструкції (5a, 6a), нейтрально відноситься до сепаратизації своїх складових (5b, 6b), але при транспозиції частин виявляє порушення вихідної інтенції мовця (5c, 6c). Сп.: (5a) *Obwohl ich schlaflos liege, nehme ich kein Pulver*; (5b) *Ich liege schlaflos. Ich nehme kein Pulver*; (5c) *Ich nehme kein Pulver, aber ich liege schlaflos*; (6a) *Obwohl mein Stuhl stürzte, das Mädchen stellte ihn auf*; (6b) *Mein Stuhl stürzte. Das Mädchen stellte ihn auf*; (6c) *Das stellte den Stuhl auf, aber er stürzte*.

В даному виді контрадикторних відношень контекстуальна інформація, з однієї сторони, підтримує значення несхожості ситуацій, а з іншої – вказує на тематичну близькість співмірних частин. І в цьому плані дані конструкції наближаються до співставительних (а-ССП), які традиційно виділяються в славістиці, але не мають спеціальних маркерів в германських мовах. Думається, що в основі глибокої семантики власне-протилежних ССП лежить саме псевдокаузальність, механізм якої ґрунтується на експлікації протиріччя між антецедентом і консеквентом.

При **опозитивно-протилежних** відношеннях спостерігається переміщення фокусу уваги з протиріччя між причиною і наслідком на протиріччя між сусідніми величинами: а) двома причинами, б) двома наслідками, які виявляються при цьому достатньо антагоністичними, оскільки не передбачають якогось компромісу для свого розв'язання, утворюючи свого роду «семантичну опозицію» [18, с. 168]. В частині, в ССП (7) *Ich hatte Hunger, aber der Hummer ekelte mich* /M. Frisch/ протилежність базується не на псевдообумовленості, передбачаючій реалізацію СІТ-4 (*aber ich aß nicht*), а на опозиції однієї причини до відношенню до іншої за схемою ОЖИДАЕТСЯ СІТ-1 → СІТ-2, А ПРОИСХОДИТ СІТ-1 → СІТ-3.

За межами творчого пропозиції виявляються консеквентні елементи причинно-наслідкової ланки, однак при цьому ССП є семантично самодостатнім, а його відсутні зв'язки як би зашифровані в мінімальному контексті і тому допускають свою реконструкцію на основі пре-

суппозиції: (7a) *Ich hatte Hunger* (ПР₁), {*deshalb mußte ich essen* (СЛ₁)}, {**aber** *ich aß nicht* (СЛ₂)}, **denn** *der Hummer ekelte mich* (ПР₂).

Реконструювання неverbалізованих елементів виявляє дві специфічні особливості оппозитивно-протівительних ССП. Во-перших, спостерігається перестановка акцентів, оскільки протівореччя встановлюється в цьому випадку як раз по моделі власноручно-протівительності (*Ich hatte Hunger* (ПР₁), *aber ich aß nicht* (СЛ₂)). Во-вторых, права частина бінома несе інформацію і про самий неспрогнозований наслідок (*aber ich aß nicht*), і про причину того, що сталося (*der Hummer ekelte mich*). В основі такого роду диффузії антецедента і консеквента знаходиться механізм логічної імплікації $\text{ПР}_2 \supset \text{СЛ}_2$, завдяки якому говорящому вдається «встроїти» в одну форму дві ситуації.

Імплікацією і стремлінням до економії мовних засобів пояснюється невисловленість елементів каузальної ситуації. Кажеться, що воно може бути одночасно і втіленням особливої мовної стратегії адресанта, оскільки дозволяє в одній конструкції совместити те, що здається несовместимим – антецедент і консеквент (в (7) повідомляється і про факт відсутності обіда, і про причину такого відсутності). Не випадково ССП з оппозитивною протівительністю часто включаються в політаксиси, де вони є досить вдалим засобом «оттенення» іншої причини і імплікаторами наслідку: говорящий не зміг-таки спати ((8) *Er konnte noch schlafen, aber dann stieg ihm der Kaffeeduft in die Nase, und er gab auf und stellte sich dem neuen Tag* /D. Schwanitz/); говорящий не зміг-таки побритися (9) *Ich hatte das Bedürfnis, mich zu rasieren, aber mein Apparat war kaputt, und ich ließ diese Idee...* /M. Frisch/).

Оппозитивно-протівительні ССП в відміння від власноручно-протівительних не можуть бути переставлені місцями без втрати основного значення. Проба на транспозицію дає негативний результат і показує, що в цьому випадку з'являється абсолютно інше прочитання причинно-наслідкової залежності, а саме як протівоположене рішення дилемми: говорящий все ж переміг ((7a) *Der Hummer ekelte mich, aber ich hatte Hunger*); спав ((8a) *Der Kaffeeduft stieg ihm in die Nase, aber er konnte noch schlafen*); побригся ((9a) *Mein Apparat war kaputt, aber ich hatte das Bedürfnis, mich zu rasieren*).

Як видно, порядок розташування складових в оппозитивно-протівительних ССП має значимий характер, оскільки адверсативність підтримується в них не тільки на логіко-семантичному, але і на структурно-граматичному рівнях. Стало бути, оппозитивна протівительність є досить неустойчивою категорією – легко руйнуваною при найменшій втручанні в структуру.

Значимий порядок розташування складових має місце і в другій різновидності оппозитивно-протівительного значення, а саме в тих пропозиціях, де спостерігається антагоністичне протівореччя між двома наслідками. В частності, в ССП (10) *Ich war entschlossen, aber es kam nicht dazu* /S. Lenz/ протівительність базується на принципі ОЖИДАЕТСЯ СИТ-1 → СИТ-2, А ПРОИХОДИТ СИТ-2 → СИТ-4.

Оскільки в даному виді оппозитивно-протівительних ССП фокус робиться на протівореччі між двома наслідками, то антецеденти повністю залишаються в тіньовому оточенні сочинительної форми, а їх ідентифікація в мінімальному контексті є або взагалі неможливою (10, 11), або частково можливою (12). Вербальна висловленість обох антецедентів зустрічається рідко, а саме тоді, коли пропозиція є полісочинительним комплексом

(13). Ср.: (11) *Anderntags ging ich in den Louvre, aber von einem Mädchen mit rötlichem Roßschwanz war nichts zu sehen* /M. Frisch/; (12) *Ich wollte protestieren* (СЛ₁), *aber konnte meinen Mund nicht aufmachen* (СЛ₂), ...**da mir soeben sämtliche Zähne ausgefallen sind**...(ПР₂) /F. Kafka/; (13) *Was mich nervös machte: das Scheppern unserer Kanister* (ПР₁), *ich stoppe öfter und befestige sie* (СЛ₁), *aber nach einer halben Stunde Fahrt über Wurzeln und faule Stämme* (ПР₂) *schepperten sie wieder* /M. Frisch/.

Приведенные предложения свидетельствуют о том, что противоречие между двумя следствиями хотя и достигает своей критической точки, однако не исключает потенциальной возможности своего разрешения. Благодаря причине-препятствию, реальность которой опирается на достоверное знание, противоречие между следствиями не является перманентным, а длительность его действия, следовательно, может быть недолговременной (найдутся другие идеи для поиска девушки (11), другие способы протеста (12), другие способы крепления (13)).

Неисключенность альтернативы для разрешения противоречия в данном типе ССП, возможно, поддерживается посредством семы 'намерение', которая либо имплицитно (10, 11, 13), либо вводится модальными глаголами (12, 14, 15). Тогда имеет место противоречие не между фактами, которые наблюдаются эмпирически, а между намерением говорящего и его реализацией: (14) *Wir wollten baden, aber Herbert fand seinen Bach nicht wieder* /M. Frisch/; (15) *Sie wollte es ihm sagen, aber die Zunge gehorchte ihr nicht* /D. Schwanitz/. В данном случае СИТ-1 описывается не как ПР₁, а как речевое действие «намерение», а СИТ-2 является контаминацией причины и следствия, поскольку правый конъюнкт допускает свое прочтение как причина-обоснование (ср.: (12) ≡ (12a) *Ich habe nicht protestiert, denn ich konnte meinen Mund nicht aufmachen*).

Отсутствие какой-либо альтернативы для разрешения антагонизма имеет место в тех ССП, которые отражают мир недостоверного знания. В этом случае левая часть реализуется говорящим как результат неизвестной причины-вывода, а правая сигнализирует конец причинно-следственной цепочки, а весь сочинительный бином приобретает смысл «итог сказанного». Ср.: (16) *Es war Blödsinn, aber es war mir einerlei* /D. Schwanitz/; (17) *Ich fand mich kitschig, aber es war nicht zu ändern* /M. Frisch/; (18) *Es tat uns leid, aber ein Bleiben kam nicht in Frage* /Н. Биепек/. «Итог сказанного» реализуется на фоне негатива в первой части бинома и констатации невозможности его исправления в другой, за счёт чего поддерживается антагонизм и осуществляется его глобализация.

Антагонистичность, глобальность, компромиссность противоречия между антецедентом и консеквентом в ССП собственно- и оппозитивно-противительного смыслов связаны не в последнюю очередь с языковым действием «оценка» и её градацией по шкале «негативная – нейтральная – позитивная».

Нейтральная оценка противоречия имеет место в большинстве противительных единств, потому что они оказываются индифферентными в этом отношении (1–3, 5–15). Нейтральная оценка в наибольшей мере соответствует эпистемической сущности противительности как фиксатора противоречия между эмпирически устанавливаемыми фактами, а потому принадлежат к сфере достоверного знания.

Однако онтологически заданные факты не освобождаются от их позитивной или негативной оценки. В этом случае оценка реализуется благодаря концептуализации противопоставления «хорошо – плохо», которая в собственно-противительных ССП осуществляется, очевидно, через посредничество отношения «общее – частное», а точнее, через сопоставления контрастов «позитивное

общее – негативное частное», «негативное общее – позитивное частное», оператором чего чаще всего становится лексическая или логическая антонимия ключевых элементов объединяемых конъюнктов. В соответствии с этим степень градации повышается или понижается.

Наивысший контраст противительность приобретает при негативной оценке наступившего следствия, то есть когда реализованное следствие превращается в антипод ожидаемого (позитив в первой части – негатив во второй). Такая оценка может осуществляться и как полное, и как частичное отрицание факта, содержащегося в левом конъюнкте.

Полное отрицание позитива наблюдается и в собственно- (19), и в оппозитивно-противительных ССП (20), где коннектор *aber* лимитирует позитивную характеристику, за счёт чего производится глобализация противоречия, а контраст приобретает эффект парадокса: (19) *Vieles wußten sie, aber war es wertvoll, dies alles zu wissen?* /H. Hesse/; (20) *Wir werden ebenso alt werden und werden uns üben, und werden fasten, und werden meditieren. Aber Nirwana werden wir nicht erreichen* /H. Hesse/.

При частичном отрицании негатива (4, 21, 22) оператор *aber* ограничивает силу действия негативной характеристики первой части ССП. Тут происходит объединение неантагонистически противоречивого по принципу компромисса, что позволяет деглобализовать силу противопоставления: (21) *Der Schüler ist begabt, allerdings fehlt es ihm an Fleiß* /J. Erben/; (22) *Die Waschungen waren gut, aber sie wuschen die Sünde nicht ab* /H. Hesse/.

Наименьший контраст противительность приобретает при позитивной оценке имеющего место следствия (негатив в левой части – позитив в правой), благодаря чему противоречие между антецедентом и консеквентом смягчается и происходит его деглобализация путём компенсации частью позитива всего негативного целого (23, 24). Именно поэтому такие предложения соотносимы с компенсирующими релятивами *dafür / zamo*: (23) *Ich bin verloren, aber ich bin nicht allein* /M. Frisch/; (24) *Es ging abwärts mit ihm, aber Kummer darüber empfand er nicht* /H. Hesse/.

Регулирование контраста между причиной и реализованным следствием опирается на систему лексической и логической антонимии. Специальных маркеров для регулирования такого контраста в лингвистике не выработано. И хотя считается, что союз *zwar* является средством усиления противопоставления [16, с. 783], однако он вряд ли оказывает какое-либо весомое влияние на силу контраста. Без всякого влияния на степень градации он может быть использован и при высокой (19а), и при средней (22а), и при низкой (23а) силе контраста. Ср.: (19) = (19а) *Zwar wußten sie vieles, aber war es wertvoll, dies alles zu wissen?*; (22) = (22а) *Zwar waren die Waschungen gut, aber sie wuschen die Sünde nicht ab*; (23) = (23а) *Zwar bin ich verloren, aber ich bin nicht allein*.

Рассматривая французские союзы *certes, bien, encore* и сравнивая их с немецким *zwar*, Л. Теньер называет их *préadversatif* и говорит о функции упреждения противительного смысла. Он пишет, что «преадверсатив настолько хорошо приспособился к функции пилули перед выражением неодобрения, что стал восприниматься как обычный риторический прием упреждения появления другого члена, противопоставленного первому» [6, с. 347]. При всей своей образности пассаж Л. Теньера наводит на мысль, что противительные ССП с единичным *aber* и ССП с парным *zwar... aber* соотносятся между собой по принципу «неожиданное противоречие – прогнозируемое противоречие», в котором *zwar* отводится

роль индикатора антиципации. Сигнализируя о наличии противоречия заранее, союз *zwar* тем самым информирует о нём адресата еще до того, как оно будет вербализовано. Другими словами, слушающий ещё не знает, какое именно противоречие будет иметь место, но знает о том, что оно последует.

Итак, для противительных отношений релевантным оказывается момент поступления сигнала о наличии противоречия, благодаря чему создаётся возможность для разнообразия речевой тактики адресанта. Своевременность и задержка сигнала не влияют на когнитивную сущность противительного предложения. В этом отношении выражаемые им в предложении факты являются аподиктическими (принадлежат к сфере достоверного знания). Мир недостоверного знания не может коррелировать с противительным смыслом, поэтому он дистанцируется от каких-либо модусных коррекций смысла, особенно от конъюнктива. Ср.: (23) ≠ (23b) *Ich bin verloren, aber ich bin wahrscheinlich nicht allein...*; (24) ≠ (24b) *Es ging abwärts..., aber Kummer darüber empfand er vielleicht nicht*.

Употребление же модусного компонента сводит эффект компенсации противоречия к минимуму (23b, 24b), а может, и приближает его к своему антиподу в виде соединительного ССП ((23c) *Ich bin verloren und ich bin allein*), при помощи которого противительность устраняется, а негатив удваивается. Таким образом, модусный компонент в собственно-противительном ССП является угрозой противительному смыслу, а те случаи его употребления, которые все же встречаются, ограничиваются фиксацией противоречия между реальными и ирреальными фактами. Ср: (28) *Babsy war ziemlich groß, doch in Hannos Armen kam sie sich klein und hilflos vor* /D. Schwanitz/.

Подводя итог изложенному, отметим, что противительное ССП представляет собой псевдокаузальный бином, описывающий факт разрыва причинно-следственной цепочки в виде определенного несоответствия между антецедентом и консеквентом, что напрямую связано с явлением когнитивной энтропии. В зависимости от характера этого несоответствия различают два основных вида адверсативных смыслов-отношений – собственно-противительные и оппозитивно-противительные.

При собственно-противительных отношениях противоречие имеет место либо между вербализированной причиной и непрогнозируемым следствием, либо между вербализированным следствием и неизвестной причиной. Оппозитивно-противительные отношения фиксируют несоответствие между смежными величинами – двумя причинами или двумя следствиями. В онтологическом плане первая разновидность противоречия ассоциируется с компромиссом, вторая – с антагонизмом. Компромиссный характер противоречия не обнаруживает чёткой корреляции со своим структурным воплощением, антагонистический, наоборот, опирается на строгий порядок расположения конъюнктов. В логико-семантическом плане собственно-противительные ССП нередко требуют контекстной поддержки для своего корректного прочтения, в то время как оппозитивно-противительные ССП являются самодостаточными двучленами, поскольку имплицитно подразумевают невербализованные элементы причинно-следственной цепочки по схеме глубинно-семантической контаминации (совмещения).

Совмещения ситуаций в одной конструкции и возможность подачи опережающего сигнала о наличии противоречия при помощи коннектора *zwar* / *хотя* открывает определённый простор для разнообразия речевой тактики адресанта в выражении противоречия, а заодно и составляет определенную перспективу

дальнейших исследований конструкций двойной ориентации на материале различных языков.

Библиографические ссылки

1. **Апресян В. Ю.** Уступительность как системообразующий смысл / В. Ю. Апресян // *Вопр. языкознания*. – 2006. – № 2. – С. 85–110.
2. **Карлсон Л.** Соединительный союз *but* / Л. Карлсон // *Новое в зарубеж. лингвистике*. Вып. 18 : Логический анализ естественного языка. – М., 1986. – С. 277–299.
3. **Ляпон М. В.** Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений / М. В. Ляпон. – М. : Наука, 1986. – 260 с.
4. **Санников В. З.** Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве / В. З. Санников. – М. : Языки слав. культур, 2008. – 624 с.
5. **Синельникова Л. Н.** Контрадикторные аномалии сквозь призму процесса вербализации [Электронный ресурс] / Л. Н. Синельникова. – Режим доступа : <http://experts.in.ua/baza/analytic/detail.php?ID=11225>. – Загл. с экрана.
6. **Теньер Л.** Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М. : Прогресс, 1988. – 656 с.
7. **Урысон Е. В.** Семантика союза *НО*: данные языка о деятельности сознания / Е. В. Урысон // *Вопр. языкознания*. – 2006. – № 5. – С. 22–42.
8. **Фужерон И.** Не заблудиться бы в трех «хотя»... / И. Фужерон // *Изв. РАН. Сер. Лит. и яз.* – 1998. – Т. 57, № 3. – С. 46–52.
9. **Blakemore D.** Denial and Contrast: a relevance theoretic analysis of *but* / D. Blakemore // *Linguistics and Philosophy*. – 1989. – Vol. 12. – P. 15–37.
10. **Di Meola C.** Zur Definion einer logisch-semantischen Kategorie: konzessivität als «versteckte Kausalität» / C. Di Meola. – Opladen: Westdeutscher Vrlg., 1998. – S. 329–352.
11. **Engel U.** Deutsche Grammatik / U. Engel. – Heidelberg: J. Groos; Tokyo : Sansyusya, 1988. – 888 s.
12. **Eroms H.-W.** Syntax der deutschen Sprache / H.-W. Eroms. – B., N.Y. : de Gruyter, 2000. – 510 s.
13. **Fougeron I.** Retour sur les conjonctions adversatives *A* et *NO* en russe / I. Fougeron // *Bulletin de la Société de la linguistique de Paris*. – P., 1995. – T. 90. – P. 313–333.
14. **Gehrmann M.** Adversative Konjunktionen des Polnischen im Vergleich zum Deutschen / M. Gehrmann // *Linguistische Studien*. A-183. – B., 1988. – S. 107–201.
15. **Hall A.** The meaning of *but*: a procedural reanalysis / A. Hall // *Working Papers in Linguistics* / ed. by A. Neeleman and M. Pearce. – 2004. – Vol. 16. – P. 119–236.
16. **Heidolph K. E.** Grundzüge einer deutschen Grammatik / K. E. Heidolph, W. Flämig, W. Motsch. – Berlin : Akademie, 1984. – 1028 s.
17. **Izutsu M. N.** Contrast, concessive, and corrective: Toward a comprehensive study of opposition relations / M. N. Izutsu // *J. of Pragmatics: An Interdisciplinary J. of Lang. Studies*. – Amsterdam, 2008. – Vol. 40. – Is. 4. – P. 646–675.
18. **Lang E.** The Semantics of Coordination / E. Lang. – Amsterdam : Benjamins, 1984. – 300 p.
19. **Rudolph E.** Contrast, Adversative and Concessive Relations and their Explication in English, German, Spanish, Portuguese on Sentence and Text Level / E. Rudolph. – B., N.Y. : Walter de Gruyter, 1996. – 544 p.
20. **Schlobinski P.** Funktionale Grammatik und Sprachbeschreibung. Eine Untersuchung zum gesprochenen Deutsch sowie zum Chinesischen / P. Schlobinski. – Opladen : Westdeutscher Vrlg., 1992. – 366 s.
21. **Zifonun G.** Grammatik der deutschen Sprache (in 3 Bdn) / G. Zifonun. – B., N.Y. : Walter de Gruyter, 1997. – 2569 s.

Надійшла до редколегії 23.12.14

УДК 81'373.21

Е. Н. Сидоренко, С. С. Ельцова

Приазовский государственный технический университет (г. Мариуполь)

СПЕЦИФИКА ВЫБОРА ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ ПРИ НОМИНАЦИИ ОБЪЕКТОВ ПРОИЗВОДСТВА

Рассмотрены слова и словосочетания, послужившие материалом для образования названий объектов производства. Отмечены эргонимные термины, зафиксированные на территории Донецкой области, для общего названия объектов производства, а также фирм и компаний, относящихся к промышленной эргонимии. Описаны мотивированные и немотивированные названия. Рассмотрены также аббревиатурованные эргонимы и названия, образованные от иноязычных апеллятивов.

Ключевые слова: эргоним, объект производства, фирмоним, мотивированное название, немотивированное название, апеллятив, онимизация.

Сидоренко О. М., Ельцова С. С. Приазовський державний технічний університет (м. Маріуполь). **СПЕЦИФІКА ВИБОРУ МОВНИХ ЗАСОБІВ ДЛЯ НОМІНАЦІЇ ОБ'ЄКТІВ ВИРОБНИЦТВА**

Розглянуто слова і словосполучення, що послужили матеріалом для утворення назв об'єктів виробництва. Відзначено ергонімічні терміни, зафіксовані на території Донецької області, для загального називання об'єктів виробництва, а також фірм і компаній, що належать до промислової ергонімії. Описано мотивовані та немотивовані назви. Розглянуто ергонімі-аббревіаційні назви, утворені від іншомовних апелятивів.

Ключові слова: ергонім, об'єкт виробництва, фірмонім, мотивована назва, немотивована назва, апелятив, онімізація.

Sydorenko O. M., Eltsova S. S. Pryazovskyi State Technical University (Mariupol). **PARTICULARITY OF CHOICE OF LINGUISTIC MEANS FOR OBJECTS OF PRODUCTION NOMINATION**

The article deals with studying of words and word formations, used for naming of objects of production which include companies of various kinds: steel works, agricultural farms, corporations, societies, associations, organizations, plants, factories, firms, mines, which produce different kinds of products. There were mentioned ergonym terms fixed in the Donetsk region for the general naming production facilities, as well as firms and companies related to the industrial ergonymiya. These and other similar ergonyms have toponymic roots. A full name, indicating the location and functional features of the object is applied in the official style. Motivated and non-motivated names are described. Motivated names contain specific information about the named objects; indicate its location, a field of activity, relationship with a man. A number of names indirectly characterize the activities of the company. Non-motivated names of objects of production include an abstract associative names, indirectly related to the company. Greater degree of emotional impact on the consumer peculiar to them thanks to using of metaphor and fantasy elements, compared to clearly and concretely motivated ergonyms. A special group of names consists of ergonyms, which are derived of words, motivated by non-native (foreign, borrowed) appellatives. The presence of abbreviative ergonyms and names derived from foreign-language appellatives is also indicated.

Key words: ergonym, object of production, firmonym, motivated name, non-motivated name, appellative, onymization.

Постановка проблемы. Резкое увеличение объектов различных видов деятельности влечет за собой появление большого количества их наименований. Смысловая неоднозначность названий вызывает множество интерпретаций при их декодировании реципиентами. Следовательно, существует необходимость сбора и систематизации многочисленных эргонимов, разностороннего изучения их структурных и функционально-стилистических особенностей, рассмотрения с точки

зрения лингвистики, выявления общего и индивидуального в принципах номинации деловых объединений людей.

Анализ последних исследований и публикаций. С точки зрения особенностей образования и высокого уровня информативности эргонимы являются интересным и разносторонним объектом исследований. Именно потому эргонимная лексика привлекает значительное внимание современных ученых. Эргонимия разных ареалов Украины проанализирована в работах многих современных лингвистов: О. Е. Белея (эргонимия Закарпаття) [1; 2], С. А. Шестаковой (эргонимия Харьковской и Сумской областей, частично Киева, Полтавы, Львова) [11] и др. Раздел эргонимной лексики, охватывающий наименования объектов производства и фирмонимы, также служит объектом внимания лингвистов уже несколько десятилетий. З. И. Бузинова рассматривала именованья промышленных объектов в дореволюционной России – картелей, концернов, синдикатов, торговых домов, трестов, акционерных обществ, акционерно-паевых компаний, а также историю развития русской эргонимии 20–30-х гг. на материале названий промышленных предприятий [3]. О. Е. Белей посвятил диссертацию исследованию фирмонимии Закарпаття [1; 2]. От термина фирмоним О. Е. Белей предлагает образовать название подраздела эргонимики – *фирмонимику*, которая «вивчає власні назви комерційно-виробничих підприємств» [1, с. 4]. Термин *фирмоним* употребляют и другие лингвисты. Д. А. Яловец-Коновалова пользуется терминологическим сокращением *НКП* (название коммерческого предприятия) [13]. Н. В. Шимкевич, исследуя коммерческую эргонимию, толкует квалитатив *коммерческая* как применяемый для именованья «структур, так или иначе имеющих главной задачей своей деятельности получение прибыли» [12, с. 4].

Целью данной работы является анализ наименований объектов производства, зафиксированных на территории Донецкой области в течение последнего десятилетия, резкое увеличение количества которых требует упорядочения и изучения.

Изложение основного материала. К фирмонимам и объектам производства относятся металлургические *комбинаты*, предприятия различного профиля производства: агропромышленные *комплексы* и фермерские *хозяйства*, *концерны*, *общества*, *объединения*, *организации*, *заводы* и *фабрики*, *фирмы*, *шахты*, которые занимаются выпуском многочисленных видов продукции. Для общего называнья объектов этого раздела, кроме уже указанных, используют следующие эргонимные термины: *компания*, *кооператив*, *корпорация*, *мастерская*, научно-производственный и учебно-производственный *центр* и др. Названия объектов производства, а также фирм и компаний, относящихся к промышленной эргонимии, представляют собой в Донецком регионе довольно большую группу и дают богатый материал для анализа.

В последние десятилетия значительные изменения наблюдаются и в номинации предприятий различных форм собственности – государственных и частных. Названия *фирм*, *бирж*, *компаний*, по мнению В. М. Лейчика, «должны отвечать трем требованиям, которые в известной мере противоречат друг другу. Во-первых, они должны отражать признаки (функции) соответствующих органов, то есть быть, как говорят лингвисты, мотивированными. Во-вторых, они должны быть легко запоминаемыми и удобопроизносимыми, а значит, достаточно короткими. В-третьих, они должны привлекать внимание и интерес людей, то есть выполнять рекламную роль» [7, с. 31]. Сам автор отдает предпочтение названиям, которые информируют о деятельности объекта или, по крайней мере, не вызывают ложных ассоциаций.

Названия крупных промышленных предприятий состоят из нескольких слов и указывают не только на специфику, но и в первую очередь на их месторасположение: *Артемовский завод по обработке цветных металлов*, *Горловский завод строительных машин*, *Донецкая макаронная фабрика*, *Мариупольская кондитерская фабрика*, *Донбасская торгово-промышленная палата*. Эти и другие подобные эргонимы, имеющие топонимическую привязку, уже отмечены исследователями и получили название – *эргоурбонимы*, «ибо любой промышленно-хозяйственный объект можно считать не только эрго-, но и топообъектом» [12, с. 7]. Н. В. Шимкевич указывает на актуализацию в речи одного из двух денотатов – «делового объединения» или «объекта на местности». В официально-деловом стиле применяется полное название, указывающее на месторасположение и функциональные признаки объекта. Так, в полном названии *Мариупольский металлургический комбинат «Азовсталь»* слово *мариупольский* указывает на месторасположение объекта, *металлургический* – на специфику деятельности, *комбинат* – на масштабность, «*Азовсталь*» – индивидуализирующий компонент, отличающий от других подобных объектов (например, от *Мариупольского металлургического комбината имени Ильича*). Подобным образом могут быть охарактеризованы и другие названия: *Дзержинский электромеханический завод «Сенсор»*, *Мариупольская швейная фабрика «Фея»*, *Макеевская фабрика деревянных заготовок «Реликт»*, *Красноармейская швейная фабрика «Веселка»*. В разговорной речи чаще употребляется не полная, а сокращенная форма эргонима, выраженная его индивидуализирующей частью – «*Азовсталь*», «*Фея*», либо просторечный, апеллятивный вариант – *кондитерка*, *швейка*, *коксохим* (*Мариупольский коксохимический завод*).

Среди наименований разных групп эргонимов можно выделить мотивированные и немотивированные имена. «Под мотивом мы понимаем то, что в отражаемой человеком реальности побуждает его к совершению действий и поступков и направляет его речевую деятельность» [4, с. 11]. Мотивированные названия содержат определенную информацию об именуемом объекте, указывают на его месторасположение, сферу деятельности, связь с человеком. Такие эргонимы, как правило, имеют прозрачную семантическую структуру, которая «допомагає розкрити мотив номінації – понятійний чи асоціативний блок лінгвістичної та екстралінгвістичної інформації <...>, на чому й ґрунтується той чи інший вибір ознаки, покладеної в основу найменування» [11, с. 6]. В названиях промышленных предприятий указывается специфика их деятельности. Эргонимы этой группы содержат терминологическую лексику соответствующих производственно-экономических сфер деятельности. Информация об этом чаще всего заключена в апеллятиве, испытавшем онимизацию: «*Кирпичный завод*» (Мар.), «*Завод полимерных материалов*» (Д.), «*Пищевкусовая фабрика*» (Др., Мар.), завод «*Электробытприбор*» (Мар.). Название металлургического комбината «*Азовсталь*» (Мар.) образовано из привычных основ, которые в ансамбле и составляют формально-смысловую структуру возникшего эргонима. Такие наименования можно отнести к реально мотивированным. «Пока люди занимаются производством ради производства или удовлетворения собственных потребностей, название организованного ими предприятия носит описательный характер, обозначая то, чем оно в действительности является» [10, с. 56]. Условно мотивированные эргонимы содержат намеки на признаки деятельности предприятия, влияют на подсознание путем их ассоциативного восприятия. К таким названиям относятся: предприятие «*Восток*» (Мар.) – его название указывает на местонахождение объекта в восточной части Украины, ЧП «*Эскорт*» (Д.) – занимается ремонтом автомобилей, ООО «*Монолит-Донецк*» (Д.) – выпуском сборных железобетонных конструкций.

«Многолетняя хорошая репутация фирмы и ее доброе имя являются особым капиталом: фирмы-бренды стоят больших денег» [6, с. 284].

Ряд названий косвенно характеризует направленность деятельности предприятия, его производственный профиль: МЧП «*Миг*» (Мар.), «*Европа*» (Мар.), ООО «*Меркурий*» (Д.), ЧП «*Люкс*» (Д.), «*Каскад*» (Д.). В таких эргонимах иногда наблюдается ономазиологическая несочетаемость – несоответствие между апеллятивным или первичным проприальным значением слова и характером обозначаемого им объекта. Такие названия либо имеют «глубоко скрытую мотивированность» [8, с. 87], либо являются случайно подобранными. Так название «*Миг*» может указывать как на незамедлительное изготовление какой-либо продукции, так и порождать отрицательное отношение к ней, намекая на кратковременный срок ее пригодности. Эргоним «*Европа*» также может указывать на «европейское» качество работы, на европейское оборудование предприятия или на совместную деятельность с другим европейским предприятием, что соответствует действительности. По названию предприятия «*Меркурий*» можно судить или о содержании ртути в продукции (от англ. *mercury* «ртуть»), или о больших прибылях от какого-то производства, так как Меркурий – римский бог торговли, прибыли и обогащения. «Несовместимость» эргонимов и их денотатов обнаруживается и в названиях, образованных окказионально или содержащих глубоко скрытую мотивированность: предприятия «*Амрита*» (Мар.), «*Боссит*» (Гор.), «*Гарвей*» (Мар.), «*Лема*» (Мар.), «*Лингвей*» (Кр.), «*Мицар*» (Мар.), «*Нэд*» (Мар.), «*Таур*» (Мар.), «*Уарда*» (Мар.). Н. В. Шимкевич называет такие эргонимы «нераспознаваемыми в речевом узусе новообразованиями» [12, с. 13].

Немотивированные названия объектов производства включают абстрактно-ассоциативные наименования, косвенно связанные с деятельностью предприятия. Благодаря метафоре, использованию фантазийных элементов им свойственна, по сравнению с четко и конкретно мотивированными эргонимами, большая степень эмоционального воздействия на потребителя. Рекламным «притяжением» обладают имена производственных объектов «*Надия*» (Гор., Мак.), «*Юнона*» (Мар.), «*Стиль*» (Д.), «*Мелодия*» (Гор.). Такой тип наименований называют «суггестивными эргонимами» [8, с. 88]. Покупая оборудование или другую продукцию, клиент останавливает свой выбор на предприятии, которому он доверяет, его название является гарантом качества, придает уверенности при принятии решения.

Владельцы ЧП и фирм используют в их названии свои фамилии, имена свои и близких, создавая различные слоговые комбинации. Так, название ЧП «*Саввади*» (Мар.) содержит первые слоги кратких имен владельца, его жены и дочери – Саша, Валя, Диана. Использование своих фамилий для создания эргонимов «...свідчить про реанімацію забутої дореволюційної моделі номінації» [11, с. 8]. Фамилия в названии прямо и ясно указывает на принадлежность определенному владельцу: ЧП «*Прутковский*» (Мар.), ЧП «*Хоменко*» (Мар.).

Особую группу наименований составляют эргонимы, «являющиеся производными словами, мотивированными иноязычными апеллятивами» [8, с. 85]: компания «*Метинвестхолдинг*» (Д.); предприятие «*Вест-сервис*» (Мар.) – от англ. *west* «запад»; предприятие «*Релакс*» (Мар.) по пошиву авточехлов – от англ. *relax* «смягчать, расслаблять»; малое предприятие «*Спарк*» (Мар.) – от англ. *spark* «искра, вспышка»; предприятие «*Тандем*» (Д., Мар.) – от англ. *tandem* «велосипед для двоих или троих».

Зафиксированы также аббревирированные эргонимы: предприятия «*Строй-сервис*» (Д.), «*Укрспецмонтаж*» (Д.), «*Электрохладремонт*» (Мар.).

Предприятия занимаются непосредственно производством, и их названия могут войти в самостоятельный раздел эргоники. Так, исключительно производством занимались в 60–70-е гг. прошлого века *металлургические заводы им. Ильича* и *«Азовсталь»*, *макаронная* и *пищевкусовая фабрики*, *завод технологического оборудования* и другие предприятия Мариуполя. Однако в «Економічному словнику-довіднику» [5] представлено новое толкование термина *предприятие*, которое «повніше і точніше відображає специфічні риси сучасного українського комерційно-виробничого об'єднання людей» [2, с. 16]: «Підприємство – самостійна, ініціативна, системна діяльність по випуску продукції, наданню послуг, торгівлі з метою отримання прибутку» [5, с. 250]. Здесь четко прослеживается связь объектов производства с объектами торговли и обслуживания. На *комбинате им. Ильича* открыт ряд вспомогательных цехов, агроцехов, молокозавод, вошла в состав комбината швейная фабрика. Создана сеть аптек *«Ильич-фарм»*. Открыта сеть магазинов *«Наша марка»*, *«Ильичевские цветы»*. Среди объектов обслуживания – гостиница *«Чайка»*, пансионат *«Металлург»*. Среди объектов развлечения – дворец культуры *«Металлург»*. На *«Азовстали»* работал магазин *«Азовстальский хрусталь»*. Работают магазины при швейной фабрике и молокозаводе. Свои объекты развлечения имеют все крупные предприятия: предприятие *«Азовмаши»* (Мар.) – ДК *«Искра»*; *коксохимический завод* (Мар.) – ДК *«Маркохим»*; предприятие ТФД (торговый флот Донбасса) (Мар.) – ДК *«Чайка»*. «Несмотря на все отклонения от обычных языковых норм, коммерческие номены состоят из живой языковой материи и остаются словами» [9, с. 71].

Выводы. Проанализированная подгруппа наименований объектов производства является наиболее многочисленной среди других подгрупп эргонимов. При выборе наименований используются наиболее благозвучные, легко запоминающиеся слова и словосочетания с положительными ассоциациями.

Условия и принципы номинации объектов различной направленности определяются спецификой словообразовательной мотивации эргонимов. Эргонимы – это составная часть собственных имен, которая постоянно изменяется в условиях современной переходной экономики, развития предприятий малого бизнеса и укрупнения среднего. Эргонимный бум способствует увеличению лексического состава языка, привлечению новых, в том числе иностранных слов.

Объекты производства являются не только наиболее многочисленной группой, но и подклассом эргонимов, имеющим наиболее четкую мотивационную структуру, которая указывает на месторасположение объектов, вид деятельности или называет выпускаемую продукцию. Реально мотивированные эргонимы используются и для называния фирм. Условно мотивированные и немотивированные названия преобладают в номинации объектов развлечения, частично объектов обслуживания и торговли. Их наименования схожи по степени своей мотивированности и направлены на выполнение аттрактивной функции в условиях борьбы за клиента. Немотивированные названия выполняют рекламную функцию в более полном объеме, чем реально мотивированные эргонимы. Способы выражения функций эргонимов зафиксированы как в письменной форме – вывески над объектами, так и в устно-письменной – язык рекламы. Динамика принципов номинации различается хронологически и в зависимости от функциональной направленности именуемых объектов. Мотивировочные признаки, лежащие в основе наименований, могут отражаться как прямым, так и косвенным (опосредованным) способом, что предполагает существование прямо мотивированных, условно мотивированных и безусловно мотивированных эргонимов. Это деление про-

исходит на основе обобщения признаков, обозначающих принадлежность, местонахождение, назначение объекта, вид, качество производимой продукции и выполняемых услуг.

Перспективы дальнейших исследований заключаются в сопоставительном изучении номинационных процессов полилингвальной эргонимии Донетчины и других областей Украины.

Библиографические ссылки

1. **Белей О. О.** Сучасна українська ергонімія (на матеріалі власних назв підприємств Закарпатської області): автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / О. О. Белей. – Л., 2000. – 17 с.
2. **Белей О. О.** Сучасна українська ергонімія (на матеріалі власних назв підприємств Закарпатської області) : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 / О. О. Белей. – Л., 2000. – 209 с.
3. **Бузинова З. И.** Из истории развития русской эргонимии 20–30-х гг. (на материале названий промышленных предприятий) / З. И. Бузинова // Вост.-укр. лингв. сб. – Донецк, 1999. – Вып. 5. – С. 60–73.
4. **Ейгер Г. В.** Мотивационный потенциал речевых актов / Г. В. Ейгер, И. С. Шевченко // Вісн. Харків. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – 2000. – № 500. – С. 10–17.
5. **Економічний словник-довідник** / за ред. С. В. Мочерного. – К. : Femina, 1995. – 392 с.
6. **Карабан В. І.** Переклад англійської наукової і технічної літератури / В. І. Карабан. – Вінниця : Нова кн., 2002. – 564 с.
7. **Лейчик В. М.** Алиса – имя собственное / В. М. Лейчик // Рус. речь. – 1992. – № 6. – С. 31–34.
8. **Отин Е. С.** Номинационные процессы в русской эргонимии XX века (названия промышленных предприятий, акционерных обществ и фирм) / Е. С. Отин // Акт. вопр. теории яз. и ономаст. номинации : сб. ст. – Донецк, 1993. – С. 83–94.
9. **Соболева Т. А.** Товарные знаки / Т. А. Соболева, А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1986. – 176 с.
10. **Суперанская А. В.** Товарные знаки и знаки обслуживания / А. В. Суперанская // В пространстве филологии : сб. ст. / отв. ред. В. М. Калинин. – Донецк, 2002. – С. 55–71.
11. **Шестакова С. О.** Лексико-семантичні інновації у системі сучасної української номінації (на матеріалі ергонімів і прагмонімів) : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / С. О. Шестакова. – Х., 2002. – 17 с.
12. **Шимкевич Н. В.** Русская коммерческая эргонимия : прагматический и лингвокультурологический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 «Русский язык» / Н. В. Шимкевич. – Екатеринбург, 2002. – 23 с.
13. **Яловец-Коновалова Д. А.** Названия коммерческих предприятий : Ономастологическая классификация и функционирование в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Д. А. Яловец-Коновалова. – Челябинск, 1997. – 177 с.

Условные сокращения

Гор. – Горловка	Мар. – Мариуполь
Д. – Донецк	ДК – Дворец культуры
Др. – Дружковка	ООО – общество с ограниченной ответственностью
Кр. – Краматорск	МЧП – малое частное предприятие
Мак. – Макеевка	ЧП – частное предприятие

Надійшла до редколегії 20.01.15

I. P. Suima

Oles Honchar Dnipropetrovsk National University

RESPONSIVE SENTENCES OUT OF THE QUESTION-ANSWER SYSTEM

Responsive sentence itself is representing not only the answer to the question, but mostly reaction to this question. If to interpret the notion «responsive sentence» in a broader sense, it is possible to suppose, that this syntactic unit can be used not only in the correlation with the interrogative sentences, but also in relation with the other ones: declarative, imperative, optative. Such a consideration can be reasoned by the fact that a person can react verbally not only the question (interrogative sentence), but also the statement (declarative sentence), command or request (imperative sentence), expressing of someone's wishes (optative sentence) etc. Subclasses of functional and non-functional responsive sentences can also be represented responsives-reactions to the interrogative sentences as well as declarative and imperative ones. For example, informative subtype of responsive sentences that comprises such subclasses as tautological and heuristic responsives contain responsives as a verbal reaction to any kind of the communicative act. In the connection with this fact, some responsive sentences within the «question-answer system» are also considered as means of communicative sabotage (nine main figures of the communicative sabotage are identified). But it is possible to suppose, that the responsives as linguistic figures representing forms of the communicative sabotage can be used out of the «question-answer system». Responsive is peculiar type of sentences, marking the reaction to any verbal communicative act. Specific features and subclasses in the general typology of responsives that are characteristics of the responsive sentences in the system «question-answer» are also appropriate for the communicative units under the research out of the «question-answer system».

Key words: responsive sentence, question-answer system, communicative task, interrogative, declarative, imperative sentences.

Суїма І. П. Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара.

РЕСПОНСИВНІ РЕЧЕННЯ ПОЗА СИСТЕМОЮ ПИТАННЯ-ВІДПОВІДЬ

Досліджено специфіку респонсивів як особливого типу речень згідно з їх комунікативним завданням поза системою питання-відповідь. Респонсиви розглянуто як реакцію не тільки на питальні, а й розповідні та спонукальні речення. Описано характерні риси функціональних та нефункціональних респонсивних речень. У теоретичному плані вказані синтаксичні одиниці проаналізовано як такі, що мають свої диференційні ознаки та відрізняються за комунікативною метою від інших. Простежено взаємозв'язок між адресованим реченням (розповідним, питальним чи спонукальним) та реченням-реакцією (відповіддю).

Ключові слова: респонсивне речення, система питання-відповідь, комунікативне завдання, питальні, розповідні, спонукальні речення.

Суима И. П. Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара.

РЕСПОНСИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ВНЕ СИСТЕМЫ ВОПРОС-ОТВЕТ

Исследована специфика респонсивов как особого типа предложений согласно их коммуникативному заданию вне системы вопрос-ответ. Респонсивы рассмотрены как реакция не только на вопросительные, но и повествовательные и побудительные предложения. Описаны характерные черты функциональных и нефункциональных респонсивных предложений. В теоретическом плане указанные синтаксические единицы проанализированы как имеющие свои дифференциальные признаки и отличающиеся от других единиц. Прослежена связь между адресованной фразой (повествовательной, вопросительной или побудительной) и предложением-реакцией (ответом).

Ключевые слова: респонсивное предложение, система вопрос-ответ, коммуникативное задание, вопросительные, повествовательные, побудительные предложения.

Within the types of sentences according to the communicative purpose, linguists traditionally identified three main classes: declarative, interrogative and imperative sentences [1; 2; 7; 8; 9]. But a wide range of recent scientific papers besides the types mentioned above added to the well-known and generally accepted system the other types of sentences by their aim of communication: exclamative [5; 6; 10], optative [4]. Exists also the research, which is dealing with the speech units with the communicative intention «answer to the question» and is considering these constructions as functionally significant syntactic units with the peculiar communicative purpose. Sentences with such a communicative intention are implemented under the term «*responsive sentences*» or «*responsives*» and are correlated only with the interrogative sentences in their primary function. According to I. I. Menshikov, responsive sentence itself is representing not only the answer to the question, but mostly reaction to this question [3, p. 98–100]. By the Oxford Explanatory dictionary of English, the word «*response*» is also defined as «verbal or written answer, reaction to something» [11]. If to interpret the notion «responsive sentence» in a broader sense, it is possible to suppose, that this syntactic unit can be used not only in the correlation with the interrogative sentences, but also in relation with the other ones: declarative, imperative, optative. Such a consideration can be reasoned by the fact that a person can react verbally not only the question (interrogative sentence), but also the statement (declarative sentence), command or request (imperative sentence), expressing of someone's wishes (optative sentence) etc. For instance, along with the communicative situations such as «*How late's the restaurant open? – 8:30 every night*», «*What platform does this bus go from? – 6-th platform*», where the responsive sentence presents an answer to the question, another speech constructions, where the responsive communicative unit will represent by itself the reaction to the statement, request etc.: «*I'm afraid I'll be busy at 5. – Let's make it 7*», «*I don't want to go to the university today! – You can do everything you want*», «*I have finally finished the reconstruction of my flat. – That is excellent!*» (reaction to the declarative sentences), «*If you only told us where we are going... – Calm down, stand still*», «*I would not like to do such a difficult work – You had no another way out*», «*If we were now near the seaside... – Don't get distracted! Focus your attention on the project*» (reaction to the optative sentence) «*Promise me that you won't follow me! – Promise*», «*Please, give me that newspaper! – Here you are!*», «*Remind the driver I will wait for him at three o'clock! – At three o'clock*» (reaction to the imperative sentence) etc.

Responsive sentences also have their specific differential features and their typology. First of all, responsives are divided into functional – containing the needed information and providing the questioner with some kind of answer, and non-functional – ignoring the question, avoiding answering it or trying to change the subject of the communication [3]. Out of the «question-answer system» the same types of responsive sentences can be found in various communicative situations. For example: functional responsive sentences: «*If you finish with this picture today it's going to be a lot less work. – A lot less work for you!*», «*– I am really sorry for breaking your glasses. – I am really sorry for breaking your glasses!* And that is all you can tell me?!», «*Let's go to the cinema! – Let's go!*», «*Look for your suitcase under the car! – Why should I look for it under the car! I have put the suitcase in the luggage rack!*», «*I hope everything is all right with the package, send it to Chicago! – Everything is all right, don't worry!*» etc.; non-functional responsive sentences: «*I think it's customary to take a preliminary vote. – Who knows?*», «*Don't make a deal with him! – Do you think I need you advice?*», «*Tell me what do you think about it, please – Don't you start speaking with me now*», «*Write his address to the paper - Sorry, but that's strictly confidential*».

Subclasses of functional and non-functional responsive sentences can also be represented responsives-reactions to the interrogative sentences as well as declarative and im-

perative ones. For example, informative subtype of responsive sentences that comprises such subclasses as tautological and heuristic responses contain responses as a verbal reaction to any kind of the communicative act. For example, tautological responsive sentences: «*Is it enough for you a piece of cake or I should bring one more for you? – Enough*», «*Do you have a dog, a cat or some other pet? – A cat*», «*Would you like the galleries and the exhibitions or the sights? – the sights*» (responses to the interrogative sentence); «*Julia, I will call you tomorrow. – I'll call!*», «*If you finish with this picture today it's going to be a lot less work. – A lot less work for you!*», «*I think they're going to fire me. – No, no, nobody's going to fire you!*» (responses to the declarative sentence); «*Eat it! – I'll eat it*», «*Let's go to the cinema! – Let's go!*», «*Remind the driver I will wait for him at three o'clock! – At three o'clock*» (responses to the imperative sentence). And the same situation with the heuristic responsive sentences: «*How was your trip? – Fantastic*», «*What sort of a company are you founding? – Internet*», «*At what time does the train arrive? – At 10 a.m.*» (responses to the interrogative sentence); «*Tell me the fare please? – One dollar fifty*», «*Talk with me for a minute! – Quickly!*», «*Tell me where is the nearest bus stop? – Over there, around the corner*» (responses to imperative sentences); «*He entered a university in Great Britain – I heard about it. It's ancient university in London*», «*Our new manager knows nothing about computer programs! – I have already asked our programmer to help her*», «*I saw a new café in the next street. – It is always overcrowded*» (responses to declarative sentences).

The verbal reaction to any kind of the utterance, not only to the question, can be very different: from one word, expressing the agreement or disagreement of the answering person, confirmation or objection of a fact, emotional condition of the speaker etc.: «*Close the window, please! It's too cold – Ok*», «*Promise you will never be late for the supper! – Yes, Yes*», «*I hope they accept here a two-dollar bill? – No, only exact change*», «*You can leave her a massage – No, thanks*» to the very big speech units, where the conversation partner gives all details concerning the subject of the conversation or tries to bewilder the speaker and avoid providing the information needed for the questioner while hiding these intentions with the help of giving a lot of unnecessary facts: «*Tell me please your opinion concerning the newscast this morning? – Have they said something important? I heard they started again working on the solving of the international economy problems*», «*I saw you in the city center yesterday! – What did you do there yesterday? I thought you went on business for this week. Why did you decide to postpone your travel?*» etc. In the connection with this fact, some responsive sentences within the «question-answer system» are also considered as means of communicative sabotage (nine main figures of the communicative sabotage are identified). But it is possible to suppose, that the responses as linguistic figures representing forms of the communicative sabotage can be used out of the «question-answer system». It is possible to find a correspondent variant for each of these nine figures out of the «question-answer system» [3, p. 98–99]: 1. A speaker pretends that he/she have not heard the question \ statement or he \ she does not understand it: «*What will be the payment for such a work? – You will receive your salary in time*», «*Do you really want to live in such a slum? – What do you mean?*» And the same situation can be while providing a reaction to the declarative or imperative utterance: «*I think it is time for you to find a job. – You mean, some job in my specialty?*», «*Let's go somewhere on holidays? – You should not go to the office tomorrow?*» etc.; 2. The question \ statement is ignored on the emotional level as an inappropriate, irrelevant and incorrect: «*What did you do there yesterday? – Just trivial issues*», «*He thinks that I am guilty – It is not the important thing now!*», «*The translation of this book is not so good as the original version! – It doesn't matter, you should only know the plot of this book!*» etc.; 3. The answer to the question \ statement requires additional time to work on and because of this fact it can be postponed: «*Will all members of our group be at that*

conference? – *I should call them first!*», «*Show me, please, your license on these goods production! – I must send an inquiry to the main office!*», «*I hope you will deliver my parcel as soon as possible! – I should firstly contact our delivering service*»; 4. There is an answer to the question \ statement, but it is determined with some requirements to the formulation of the question \ statement or to the speaker: «*Can you send this information via e-mail? – Only if you provide us with the internet access!*», «*You should be at that factory at 3 o'clock! – Pick me up, if you have a car!*», «*I want you to make several copies of this paper by the afternoon! – If I have time and if you tell me the exact number of the needed copies*»; 5. The question \ statement is stratified and the answering person gives reply only to one part of it, which is appropriate and accepted by the speaker: 6. The question \ statement is used as a cause to address another problem and answer or show the reaction to the other question \ statement: 7. The answering person ask the counter-question or gives counter-statement, which is impossible or very difficult to respond: «*Why are you here? – And why are you here?*», «*What did you do there? – And what did you do there?*». 8. The question \ statement is readdressed to another person: «*Why are you late for work? – Ask the driver of bus I took to get there!*», «*I heard you company has new taxation policy – I don't know, speak about it with our director*», «*Give me your timetable for tomorrow! – Ask my secretary to do it!*». 9. The rejection of the answering the question or statement is motivated: «*Who is the owner of this car? – It is confidential information*», «*I need to speak with the deputy minister! – Sorry, he doesn't accept visitors now*», «*Tell me where they keep documents? – It is secret information*».

Responsive is peculiar type of sentences, marking the reaction to any verbal communicative act. Specific features and subclasses in the general typology of responses that are characteristics of the responsive sentences in the system «question-answer» are also appropriate for the communicative units under the research out of the «question-answer system».

Bibliographic references

1. **Бархударов Л. С.** Структура простого предложения современного английского языка / Л. С. Бархударов. – М. : Высш. шк., 1966. – 199 с.
2. **Гуревич В. В.** Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков : учеб. пособие / В. В. Гуревич. – 2-е изд. – М. : Флинта ; Наука, 2004. – 168 с.
3. **Меньшиков И. И.** Типология респонсивных предложений в современном русском языке / И.И. Меньшиков // Избранные труды по лингвистике. – Д., 2012. – С. 85–100.
4. **Українська мова.** Енциклопедія / за ред. В. М. Русанівського, О. О. Тараненка. – К. : Укр. енцикл., 2000. – 752 с.
5. **Crystal D.** Cambridge Encyclopedia of the English language / D. Crystal. – Cambridge : Cambridge University Press, 1995. – 491 p.
6. **Encyclopedia of language and linguistics** / edited by Keith Brown. – 2-nd edition, Elsevier Science, 2005. – 9000 p.
7. **Gleason H. A. J.** Linguistics and English Grammar / H. A. J. Gleason. – N. Y. : Holt, Rinehart and Winston, Inc., 1965. – 519 p.
8. **Greenbaum Sidney.** The Oxford English Grammar / Sidney Greenbaum. – Oxford university press, 1996. – 664 p.
9. **Iriskulov A. T.** Theoretical Grammar of English / A. T. Irisulov. – Tashkent, 2006. – 64 p.
10. **Leech G.** English Grammar for today / G. Leech, M. Deucher, R. Hoogenraad. – Macmillan, 1982. – 224 p.
11. **Oxford dictionary** [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.oxforddictionaries.com/>.

Надійшла до редколегії 26.01.15

УДК 811.161.2'373.2 (043)

М. М. Цілина

Відкритий міжнародний університет розвитку людини «Україна» (м. Київ)

СУТНІСТЬ ІДЕОКОНЦЕПТУ В УКРАЇНСЬКИХ РАДЯНСЬКИХ ФІЛЬМОНІМАХ ЗОЛОТОЇ КОЛЕКЦІЇ ВІТЧИЗНЯНОГО КІНО

Висвітлено основні особливості семантики і структури найменувань українських радянських фільмів. Детально розглянуто фільмоніми золотої колекції вітчизняного кіно. На прикладі назв фільмів суспільного надбання проаналізовано принципи їх номінації, з'ясовано мотиваційну основу, встановлено сутність ідеологічного складника в утворенні цих онімів.

Ключові слова: ідеоніми, фільмоніми, ідеоконцепт, трансонімізація, пропріативні класи.

Цілина М. М. Открытый международный университет развития человека «Украина» (г. Киев). **СУЩНОСТЬ ИДЕОКОНЦЕПТА В УКРАИНСКИХ СОВЕТСКИХ ФИЛЬМОНИМАХ ЗОЛОТОЙ КОЛЛЕКЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КИНО**

Освещены основные особенности семантики и структуры названий украинских советских фильмов. Детально рассмотрены фильмонимы золотой коллекции отечественного кино. На примере названий фильмов общественного достояния проанализированы принципы их номинации, выяснена мотивационная основа, установлена сущность идеологической составляющей в образовании этих онимов.

Ключевые слова: идеонимы, фильмонимы, идеоконцепт, трансонимизация, проприативные классы.

Tsilyna M. M. Open International University of Human Development «Ukraine» (Kyiv). **THE ESSENCE OF THE UKRAINIAN SOVIET IDEOCONCEPT IN FILMONIMS OF THE GOLDEN COLLECTION OF NATIONAL CINEMA**

In the system of proprietary lexicon a significant place is occupied by the names of Ukrainian films. This group is usually considered as an onomastic system of ideonyms – proper names of objects of culture. However, despite a large number of such names they are not researched enough in Ukrainian linguistics. Therefore, despite the obvious need to fill the gap in the study of onym's space, we consider it necessary to investigate the Ukrainian Soviet filmonimy Golden Collection of national cinema, because they, in our opinion, are in the field of cinema forming the ideological basis of contemporary culture and were rightly considered public domain. This collective of cinema works creation involves directors, writers, film crew, actors, film studios and workers not only Ukrainian, but this is our «national product», despite the pros and cons of various historical inclusions.

Thus, we see that filmonyms of the Golden Collection of Ukrainian national cinema – especially onyms which have an ideological basis, formed in the spirit of then ruling Communist Party policy. The specificity of these names is that they are symbolic and metaphorical names used in other spheres of onym's vocabulary, including anthroponyms, etc. ergonym migration and lexical-semantic processes in the middle of the most ideonyms.

Key words: ideonimy, filmonimy, ideokoncept, transonimization, propriativeness classes.

У системі пропріативної лексики значне місце займають найменування українських фільмів. Цю групу ономастики зазвичай розглядають у системі ідеонімів – власних назв об'єктів духовної культури [5, с. 61]. Проте попри значну кількість такі назви майже не досліджені в українській лінгвістиці. Значний поступ зроблено в освоєнні російських фільмонімів, зокрема лінгвістичний аналіз найменувань кінофільмів здійснила О. В. Книш [3], у структурно-семантичному і функціонально-прагматичному аспектах їх досліджувала Ю. М. Подимова [6]. О.А. Бурмистрова назви творів кіномистецтва розглядала загалом серед артіонімів [1]. Тому з огляду на очевидну потребу заповнити лакуну у вивченні цього онімного простору вважаємо за необхідне дослідити українські радянські фільмоніми

золотої колекції вітчизняного кіно, оскільки саме вони, на нашу думку, у галузі кіномистецтва сформували ідеологічну основу тогочасної культури. Ці колективні кінотвори, у створенні яких брали участь режисери, сценаристи, знімальна група, актори, працівники кіностудій і не лише українські, є нашим «національним продуктом», незважаючи на різні історичні вкраплення.

Перше українське кіно зняли у вересні 1896 р., а сама кіноіндустрія почала функціонувати фактично з 30-х рр. минулого століття, коли у промисловість активно впроваджувалась індустріалізація і на всіх рівнях духовної культури наві'язувалась визначна роль комуністичної партії. Тому відповідно перші найменування фільмів, як і їх змістове спрямування були цілком пов'язані з панівною ідеологією. Можемо стверджувати про наявність ідеоконцепту в перших назвах українських кінофільмів. Спробуємо з'ясувати сутність і особливості такого назвотворення.

Так, назва кінопоєми О. Довженка *«Аероград»* (про будівництво форпосту на Тихому океані, де утворився «радянський Вавилон» з колишніх червоних партизанів, старовірів, колгоспників, куркулів, бандитів та іншого різного люду) – складне іменникове утворення, першою частиною якого є префіксоїд *аеро-*, що в дусі тієї епохи характеризувало щось нове (*аеропорт, аеродром, аеронавт* – тоді своєрідні неологізми), а друга, навпаки, архаїчна частина – *град*, очевидно, виконувала стилістичну функцію – піднести, возвеличити значення цього великого форпосту. У результаті поєднання історичного й новітнього компонентів було утворено не тільки нове слово, а ще й слово-назву зі своєрідною ідеологемою оплоту найкращого життя.

Інший шедевр світового кіно, останній німий фільм Олександра Довженка, опоетизований погляд автора на соціальні зміни на селі, викликані колективізацією, – *«Земля»*. Його назва немовби проста, однак у той же час глибока і багатозначна, як і слово *земля*, що означає і ґрунт, і батьківщину, і планету. Це кінематографічний твір про перші кроки колективізації в Україні, про класову боротьбу і революційну романтику, про красу і щедрість землі.

Назва фільму режисера В. Брауна *«Блакитні дороги»* (про героїчну працю моряків, які у мирні дні з ризиком для життя розчищають глибини морів від мін, залишених війною) є символічною і водночас метафоричною. Назва фільму перш за все асоціюється з кольором моря, бо мова йде про морські шляхи. Дорога також може бути й у небі – тут уже йдеться про небезпеку праці мінера, який працює, не бачачи міни, тобто наосліп. Це асоціюється зі слідом від реактивного літака – ось він є, а потім зникає.

Символічним є найменування першого звукового неігрового художнього фільму режисера Д. Вертова *«Симфонія Донбасу»*. Використання музичного терміна в назві стрічки про будівництво Донбасу не тільки підкреслює звукову специфіку фільму, а й підносить шахтарську працю на одну з найвищих сходинок людської діяльності.

Фільм *«Подвиг розвідника»* (режисер Б. Барнет) розповідає про мужність і героїзм радянських розвідників, які діяли в тилу ворога в період Великої Вітчизняної війни, а *«Нескорені»* (режисер М. Донської) – про боротьбу простих радянських людей в роки війни та їх внесок у здобуття перемоги. В обох назвах по суті лежить одна ідея, однак структурна і семантична наповненість фільмонімів різна. У першому випадку маємо двокомпонентне найменування, між елементами якого встановлено підрядні зв'язки керування, в другому – однослівне віддієприкметникове із заперечною часткою *не-*, що підкреслює нездоланність героїв.

Фільмоніми «*Третій удар*» (режисер І. Савченко) та «*Одинадцятий*» (режисер Д. Вертов) мають числівникові компоненти, які акцентують на собі увагу. Проте якщо розглянути змістовий аспект, то компонент *третій* у першій назві вказує на спробу та здійснення розгрому німецько-фашистських військ у Криму, а *одинадцятий* у другій – на 11-річчя Жовтневої революції.

Назва фільму І. Савченка «*Тарас Шевченко*» має прозорий принцип номінації, це відантропонімне утворення. Идеоконцепт ґрунтується на житті і творчості великого українського поета, провісника нашої етнокультури. Можна стверджувати, що фільмонім не тільки трансонімізувався з мовного погляду, а й набув ознак своєрідного етноконцепту – виразника духовної культури української нації.

Чимало фільмів присвячено героям громадянської, Великої Вітчизняної та визвольних війн. Тому оніми на позначення їх найменувань в основному також відантропонімі: «*Олександр Пархоменко*» (режисер Л. Луков) – фільм про легендарного полководця, героя громадянської війни Олександра Пархоменка (1886–1921); «*Кармелюк*» (режисер Г. Тасін) – про боротьбу селян Західної України, очолюваних народним героєм Кармелюком, проти панського іґа; «*Щорс*» (режисер О. Довженко) – про героя громадянської війни, полководця Миколу Щорса (1895–1919). Подібні назви можуть походити і від інших пропріативних класів, зокрема хрононімів – власних назв історично значимих періодів [5, с. 147]: «*Коліїщина*» про одну із сторінок визвольного руху в Україні – повстання «коліїв» (кріпаків і ремісників) проти свавілля феодалів і польської шляхти, яке завершилося жорстокою розправою російськими каральними експедиціями в 1768 р.

Серед золотого фонду українського кіно є екранізації відомих творів класики: «*Майська ніч*» (режисер М. Садкович), «*Сорочинський ярмарок*» (режисер М. Екк) за однойменними повістями М. Гоголя; «*Мартин Боруля*» (режисер О. Швачко) за п'єсою І. Карпенка-Карого; «*Назар Стодоля*» (режисер Г. Чухрай) за драмою Т. Шевченка; «*Тасмичий острів*» (режисер Е. Пенцлін) за романом Ж. Верна; «*Наталка Полтавка*» (режисер І. Кавалерідзе) за п'єсою І. Котляревського; «*Вершники*» (І. Савченка) за мотивами однойменного роману Ю. Яновського; «*Райдуга*» (режисер М. Донської) за повістю В. Василевської. Ці назви утворено шляхом трансонімізації всередині великого класу идеонімів – лексичні одиниці із сектора белетристиконімів [7, с. 11] перейшли до сектора фільмонімів.

У всій палітрі вітчизняного кіно обов'язково слід звернути увагу на кінотвори, присвячені людині праці, що, на нашу думку, є визначним поступом не тільки в розвитку кіноіндустрії, а й утвердженні ідей гуманізму в суспільстві. Так, «*Людина з кіноапаратом*» (режисер Д. Вертов) – художній фільм про правду життя, яку побачила і зафіксувала камера. У 1964 р. на Міжнародному кінофестивалі в Мангеймі стрічка увійшла до списку 12 найкращих документальних фільмів світу. Серед таких і фільми «*Трактористи*» (режисер Є. Помещиков), «*Боксери*» (режисер В. Гончуков), «*Моряки*» (режисер В. Браун), «*Винищувачі*» (режисер Е. Пенцлін) – лідер радянського кінопрокату в 1940 р., назви яких мають відапелативне походження із указівкою на професію, рід діяльності тощо. Як бачимо, загальні найменування, що лягли в основу даних онімів, вжито у множині. Це, напевно, підкреслює не тільки те, що мова йде про багатьох осіб певної професії, а й те, що їх діяльність є покликанням і здатна творити добро для інших людей.

Українська фільмографія була б неповною без кінотворів для дітей і про дітей. «*Мітька Лелюк*» (режисери М. Маслюков, М. Маєвська) – дитячий пригодницький фільм про участь дітей у партизанському русі в Україні в роки громадян-

ської війни; *«Ванька і месник»* (режисер А. Лундін) – про пастушка-сироту Ваню Огнева, якому одного разу вдалося врятувати від переслідування білогвардійців двох червоноармійських розвідників. Юний герой здійснює кілька героїчних подвигів і представлений до високої нагороди. У назвах цих фільмів – пестливі імена дітей, причому на російський кшталт і з революційною героїкою. Остання є прикметою радянського кіно в цілому і невід’ємним компонентом майже всіх фільмів, а в деяких – основною ідеєю. Візьмемо, наприклад, *«Арсенал»* (режисер О. Довженко) – історико-революційну кінопоему про повстання робітників київського заводу «Арсенал» проти Центральної Ради в січні 1918 р. У цьому випадку фільмонім є відегронімним. *«Визволення»* (режисер О. Довженко) – художньо-документальний фільм, присвячений приєднанню Західної України до Радянського Союзу; назва символічна і однозначна на той час, однак сьогодні ми можемо її тлумачити тільки в лапках зі знаком питання – чи є приєднання до Радянського Союзу «визволенням» Західної України? Єдиний позитивний момент такого визволення, на нашу думку, – возз’єднання з усією Україною.

Таким чином, бачимо, що українські фільмоніми золотої колекції вітчизняного кіно – це переважно оніми, які мають ідеологічну основу в дусі тогочасної панівної політики комуністичної партії, символічні і метафоричні назви, антропоніми, ергоніми і т. д.

Бібліографічні посилання

1. **Бурмистрова Е. А.** Названия призведения искусства как объект ономастики : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. : 10.02.01 «Русский язык» / Е. А. Бурмистрова. – Волгоград, 2006. – 18 с.
2. **Каталог фільмів Всеукраїнського проекту «Кінофонд телекомпанії : Золота колекція вітчизняного кіно»**, 2005 [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.trk-mag.kiev.ua/fond/kinofond.pdf>. – Заголовок з екрана.
3. **Кныш Е. А.** Лингвистический анализ наименований кинофильмов в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. : 10.02.01 «Русский язык» / Е. А. Кныш. – О., 1992. – 17 с.
4. **Матеріали до історії українського кіно (1991–2011)** : бібліогр. покажч. / авт.-упоряд. : Н. Тертичка, Н. Казакова ; наук. ред. В. Кононенко. – К., 2013. – Вип. 1. Публікації в наукових збірниках та матеріалах конференцій. – 216 с.
5. **Подольская Н. В.** Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
6. **Подымова Ю. Н.** Названия фильмов в структурно-семантическом и функционально-прагматическом аспектах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 «Русский язык» / Ю. Н. Подымова. – Майкоп, 2006. – 205 с.
7. **Теория и методика ономастических исследований.** – М. : Наука, 1986. – 256.
8. **Торчинський М. М.** Структура, типологія і функціонування онімної лексики української мови : автореф. дис. ... д-ра філол. наук : спец. : 10.02.01 «Українська мова» / М. М. Торчинський / Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка. – К., 2009. – 29 с.

Надійшла до редколегії 20.10.14

УДК 81.373.611

Ю. А. Шепель

*Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара***ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ
ДЕРИВАТОЛОГИИ С ПОЗИЦИИ КОГНИТИВИЗМА**

Проанализирована современная система словообразования и те подходы, которые применяются для её изучения в лингвистике. Поднят важный с позиции дериватологии вопрос эволюции словообразовательных рядов и выявления динамики функционирования и развития их звеньев. Интерес к диахронному изучению словообразовательных рядов языка объясняется необходимостью разработки теоретических и практических вопросов исторического словообразования, основная цель которого – описание становления и развития словообразовательной системы. Эволюция словообразовательной системы как системы словообразовательных рядов не являлась объектом специального исследования, хотя отдельные вопросы исторического словообразования привлекали внимание как отечественных, так и зарубежных ученых.

Ключевые слова: дериватология, система словообразования, иерархия, словообразовательный ряд, производное слово, языковая система, когнитивная лингвистика.

Шепель Ю. О. Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара.
ОСНОВНІ ТЕНДЕНЦІЇ РОЗВИТКУ СУЧАСНОЇ ДЕРИВАТОЛОГІЇ З ПОЗИЦІЇ КОГНІТИВІЗМУ

Проаналізовано сучасну систему словотвору і ті підходи, які застосовують для її вивчення в лінгвістиці. порушено важливе з позиції дериватології питання еволюції словотвірних рядів і виявлення динаміки функціонування та розвитку їх ланок. Інтерес до діахронного дослідження словотвірних рядів мови пов'язаний з необхідністю розробки теоретичних і практичних питань історичного словотвору, основна мета якого – опис становлення й розвитку словотвірної системи. Еволюція словотвірної системи як системи словотвірних рядів не була об'єктом спеціального дослідження, хоча окремі питання історичного словотвору привертати увагу як вітчизняних, так і зарубіжних вчених.

Ключові слова: дериватологія, система словотвору, ієрархія, словотвірний ряд, похідне слово, мовна система, когнітивна лінгвістика.

Shepel Yu. A. Oles' Honchar Dnipropetrovsk National University. **THE MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF WORD-FORMATION FROM PERSPECTIVE OF THE COGNITIVISM**

This article analyzes the modern system of word-formation and those approaches that are applied to the study of it in modern linguistics. It raises an important question from the standpoint of studying the evolution of word formation derivational series and the identification of the dynamics of functioning and development of their links.

The main purpose of this article is to trace the development trend of the modern word and highlight some of the most important issues. The object of analysis is the derivational system of language, the subject of review is word-forming unit-level and approaches to their study. Reliance on cognition research facilitates the identification implicitly and explicitly expressed semantic components in the semantic structure not only of isolated words, but also entire blocks of tokens associated with global concept. The main objective of the study of word formation is reduced to answering the question of what it is actually capable of phenomena denoting derivative vocabulary and what specifics derivation relations in the representation of the phenomena of the world. From the point of view of the system of language contribute to the solution of this problem methods, in which the ability of linguistic signs to typing – both semantic and formal is found. The prospect of research seems to show the logical hierarchy of word-formation system as an ordered set of units - constellations, alligatur, rows and nests, and subseries podgnězd located on the relationship and hierarchy. Unity of word-formation system through the interaction of rows and nests. They penetrate each other. Ranks up skeleton frame on which are strung nests.

Key words: word-formation, word-formation system, a hierarchy, a number of word-formation, a derivative of the word, language system, cognitive linguistics.

Как известно, словообразовательный уровень современного русского языка включает большое количество единиц, неоднородных по своему составу и системообразующим свойствам. В основе классификационных построений словообразовательной системы традиционно лежат разные дифференцирующие признаки. Так, в «Русской грамматике» таким признаком является лексико-грамматический характер производных слов, что позволяет выделять определенные словообразовательные классы на частеречной основе. Такой подход все дериватологи признают правомерным, вполне логичным и целесообразным, так как словообразовательная структура разных частей речи в русском языке, бесспорно, имеет свою специфику.

Языковая система в самом общем виде представляет собой совокупность взаимосвязанных единиц, функционирующих на определенном этапе развития языка. Следовательно, признавая в качестве основной словообразовательной единицы, например, производное слово, словообразовательную систему можно определить как особым образом организованную совокупность производных слов. В то же время следует отметить, что основными единицами системы могут быть названы только те образования, которые обладают системообразующими свойствами. Поэтому в современной дериватологии существует точка зрения, согласно которой основной классификационной единицей словообразовательной системы русского языка должен являться словообразовательный тип. Исходя из этого словообразовательная система определяется как совокупность словообразовательных типов языка в их взаимодействии, а также совокупность словообразовательных гнезд. Такое понимание словообразовательной системы позволило А. Н. Тихонову выдвинуть понятие двух подсистем словообразования: первую подсистему, по его мнению, образует совокупность словообразовательных типов всех частей речи в их взаимосвязях и взаимодействии, вторую – совокупность словообразовательных гнезд всех частей речи. Автор подчеркивает, что обе подсистемы взаимосвязаны и лишь вместе образуют целостную систему словообразования языка; они не являются двумя разными частями одного целого, а представляют систему в разных ее сечениях, в двух разрезах [9, с. 4].

Задача настоящей статьи – проследить тенденции развития современной дериватологии и осветить некоторые, на наш взгляд, важные вопросы, к которым сейчас приковано внимание ученых. Объектом анализа в статье служит словообразовательная система языка, предметом обзора – единицы словообразовательного уровня и подходы к их изучению.

Центральным специфическим понятием словообразовательной системы, определяющим все остальные понятия, является словообразовательная мотивированность. В результате изучения системного подхода при исследовании словообразовательных актов, весьма характерного для современной теории словообразования, была выдвинута проблема иерархической организации словообразовательных отношений. В этом плане особое значение приобрел анализ словообразовательных гнезд, которые, по словам А. Н. Тихонова, «играют исключительно важную роль системной организации словообразования» [9, с. 6].

В современном словообразовании перспективным подходом к изучению слов является гнездовой. «Гнездо – группировка слов, обладающих общностью корня или аффикса» [10, с. 45]. В соответствии с данным определением все гнезда русского языка распадаются на корневые и аффиксальные (префиксальные и суффиксальные), каждое из которых в зависимости от аспекта, положенного в основу его описания, делится на восемь видов:

- 1) корневое лексическое;
- 2) корневое словообразовательное;
- 3) корневое морфемное;
- 4) корневое лексико-словообразовательное;
- 5) аффиксальное лексическое;
- 6) аффиксальное словообразовательное;
- 7) аффиксальное лексико-словообразовательное;
- 8) аффиксальное морфемное.

На данный момент из восьми названных типов гнезд описано пять: корневое лексическое (В. И. Даль); корневое словообразовательное (А. Н. Тихонов, П. А. Соболева), корневое морфемное, аффиксальное морфемное (А. И. Кузнецова, Т. Ф. Ефремова); корневое лексико-словообразовательное (И. А. Ширшов).

Понятие «словообразовательное гнездо» привлекало внимание лингвистов уже в XIX ст., но объектом глубокого изучения стало только в конце XX ст., а гнездовой подход к описанию словообразовательной системы начали активно применять в 60-е гг.

Большая заслуга в развитии теории словообразовательного гнезда принадлежит советским русистам, в частности Е. Л. Гинзбургу, П. А. Соболевой, А. Н. Тихонову и их ученикам и последователям. Много важных положений, на которые опираются при исследовании словообразовательного гнезда, содержится в трудах В. В. Виноградова, Н. М. Шанского, Г. О. Винокура, Е. С. Кубряковой, В. В. Лопатина, И. С. Улуканова и других ученых. Работы этих лингвистов – большой теоретический вклад в изучение словообразовательных гнезд (именно в них описаны структурно-семантические особенности словообразовательных гнезд), словообразовательных типов и других единиц словообразовательной системы и определили их место в системе словообразования.

Между тем достижения в области изучения словообразования и современные методы лингвистического анализа позволяют выйти за рамки пары «производящее – производное» и приступить к корректной постановке задач, ориентированных на изучение различных аспектов структуры гнезда.

Конец XX в. ознаменовался признанием когнитивной обусловленности основных лингвистических единиц и структур, что, в принципе, тоже вполне объяснимо, так как материализация тех или иных понятий с помощью языковых средств всегда представляет собой определенное упорядочивание, систематизацию, категоризацию. В настоящее время никто из лингвистов не отрицает того, что различные объединения родственных слов (словообразовательные цепочки, парадигмы, более сложные структуры, вплоть до словообразовательных гнезд и их фрагментов, словообразовательных рядов) могут быть включены в поле рассмотрения с когнитивной точки зрения. Однако, по мнению Е. С. Кубряковой [4], подобное представляется возможным при условии отказа от традиционных принципов моделирования комплексных единиц словообразования, при пересмотре исходных позиций, послуживших базой для создания (в целях описания и систематизации) именно таких (а не иных) моделей. Различные типы когнитивных связей могут лежать в основе расширения объема той или иной категории (см.: [4; 5]). Анализ закономерностей взаимодействия единиц смежных уровней, выявление когнитивно значимых оппозиций внутри категорий позволяет лучше познать когнитивную сущность процессов деривации.

Наибольшей перспективностью в современном языкознании отличается лингвистическое направление, в основе которого лежит функционально-

когнитивний принцип описання мови, опираючись на функціональну природу всіх сфер людської життя і діяльності, то є функціональне дослідження мови доповнюється когнитивним аспектом.

В ході розвитку когнитивної лінгвістики загальноприйнятим став тезис про невідірвану взаємозв'язку процесів, що відбуваються в людській пам'яті і визначають побудову і розуміння мовних повідомлень. Дійсно, перше спостережуване подія людина усвідомлює через сприйняття. Тому з позицій когнитивізму лексичне значення розглядається як відображення визначених, зафіксованих в мові пластів знань і досвіду, тісно пов'язаних з діяльністю людини. Когнитивний підхід передбачає систематизацію всіх типів знань, закладених в структурі слова і пов'язаних з пізнавальною діяльністю людини. Когнитивний аналіз, представлений в цілому ряду захищених в останні роки дисертацій, дозволяє виявити, яка структура знань фіксується в лексическій одиниці, як здійснюється в слові стиснення і розгортання знання і як проявляється різна ступінь його деталізації. Когнитивна функція організує взаємозв'язок різноаспектних суперконцептів і концептів в вмісті слів [1; 3; 6; 8].

Наукові спостереження і дослідження всієї другої половини ХХ в. і початку нового століття показали, що словотворення – це функціонуюча система, здатна самоорганізовуватися в результаті взаємодії закономірних явищ екстра- і інтралінгвістичного характеру (С. Г. Воркачов, Г. Г. Галич, В. З. Дем'янюк, А. М. Клістер, Н. А. Кобрина, Е. С. Кубрякова, Л. Г. Лузіна, В. Ф. Новодранова, З. Д. Попова, Е. А. Селіванова, І. А. Стернін, В. І. Теркулов, Е. В. Рахіліна, Ю. А. Шепель).

Застосовуваний багатьма дослідниками в останні роки функціонально-когнитивний підхід до описання словотворення допоміг виявити такі властивості словника, які вже на початку визначають поведінку лексических одиниць в мовній комунікації [1].

Вже ніхто не сумнівається в тому, що опора на когнитивність в дослідженнях сприяє виявленню імпліцитно і експліцитно виражених семантичних компонентів в смислової структурі не тільки ізольованих слів, але і цілих блоків лексем, пов'язаних з глобальним концептом. Це, безсумнівно, добре, так як відкриває шлях до функціонально-семантичної класифікації лексическої системи мови з урахуванням тих знань, які зафіксовані в словникових одиницях.

Словотворення завжди була пов'язана з наявністю феномену об'єктивної дійсності, якому слідвало знайти, користуючись словотворенняними можливостями мови, відповідне позначення. Таким чином, головна мета при вивченні словотворення зводиться до відповіді на питання про те, які саме феномени дійсності здатні позначати похідна лексика і яка специфіка дериваційних відношень при репрезентації явищ світу. З точки зору системності мови досягненню цієї мети сприяють прийоми, при яких виявляється здатність мовних знаків (одиниць) до типізації – як семантичної (головним чином), так і формальної.

Процес називання динамічний в своїй основі. Тому повноте описання ономазіологічних властивостей похідних слів сприяє вивченню таких факторів дериваційного акту, як:

– тип і характер семантики дериватора, а також (в зв'язі з цим) функціональна специфіка і семантичні можливості способів словотворення

(В. А. Горпыныч, Н. Ф. Клименко, И. С. Улуханов, В. В. Лопатин, Е. С. Кубрякова, Е. А. Карпиловская, В. И. Теркулов, Ю. А. Шепель и др.);

– парадигматические и синтагматические свойства производящих слов, взаимосвязь и взаимозависимость между ними, их роль при определении и реализации деривационных потенций тех или иных разрядов производящих слов (Е. А. Земская, А. Н. Тихонов, И. Г. Милославский, Л. П. Клобукова, Т. С. Яруллина и др.);

– валентностные свойства единиц (разряда единиц), входящих во взаимодействие при образовании производных слов (П. А. Соболева, Е. Л. Гинзбург, Е. Виленская, Ю. А. Шепель и др.);

– взаимодействие, степень функциональной связи, словообразовательных категорий с определенными морфологическими категориями, категориями и типами структур синтаксического уровня (Н. Ф. Клименко, Е. А. Карпиловская, З. А. Харитончик, Е. С. Кубрякова, Е. Л. Гинзбург и др.);

– различные аспекты отношения деривационно-ономасиологических явлений к языковой картине мира (Ю. Н. Караулов, Н. Д. Арутюнова, Ю. Д. Апресян, А. А. Уфимцева, Е. С. Кубрякова, Т. И. Вендина и др.).

Немаловажное значение для изучения системы словообразования имеет всестороннее изучение наряду со словообразовательными гнездами другой крупной единицы словообразовательного уровня, а именно словообразовательного ряда. Анализ словообразовательных рядов как совокупностей номинативных единиц является способом углубленного познания объектов словообразовательной детерминации с точки зрения универсальности и уникальности их семантической структуры, позволяет выявить сходства и различия в средствах объективации одного и того же мыслительного содержания, а также зависимость внутриязыковых семантических процессов от системно-структурных особенностей языков.

В последние годы актуальность приобрела проблема исследования эволюции словообразовательных рядов, выявления динамики функционирования и развития их звеньев.

Интерес к диахронному изучению словообразовательных рядов объясняется необходимостью разработки теоретических и практических вопросов исторического словообразования, основной целью которого является описание становления и развития словообразовательной системы того или иного языка.

В работах отечественных и зарубежных лингвистов осуществлен глубокий и полный анализ эволюционных процессов, которые происходили на фонетическом, морфологическом и синтаксическом уровнях развития языков, но в них не рассмотрены подробно изменения, происходившие в словообразовательной системе. Хотя, нужно сказать, отдельные вопросы исторического словообразования привлекали внимание как зарубежных, так и отечественных ученых, исследовавших те или иные проблемы современного словообразования (Г. А. Николаев, И. С. Улуханов, В. В. Лопатин, Н. А. Катагощина и др.). Вместе с тем тщательный анализ научной литературы, освещающей проблемы исторического словообразования, позволяет говорить о недостаточной изученности словообразовательной системы языка в диахронии. Трудности исследования словообразовательной системы языка на различных этапах развития связаны с тем, что процесс развития языка – это его неуклонное, хотя и сложное, а также порой противоречивое совершенствование, поскольку каждый синхронный срез является, с одной стороны, результатом предшествующего движения, а с другой – содержит потенциальные возможности для дальнейшего развития. Анализ словообразовательных процес-

сов в диахронії дає можливість проникнути в суть мовної природи словообразовальних відносин досліджуваного мови і сприяє подальшій розробці більш загальних проблем порівняльно-історичної лінгвістики. Звернення до теорії словообразовальних рядів при вивченні системи словообразования дає можливість виявити особливості словообразовальної системи того чи іншого мови на різних етапах її історичного розвитку. При цьому для повного описання всієї словообразовальної системи необхідно дослідження як продуктивних, так і непродуктивних, але збережених в сучасній мові в складі ряду похідних.

Таким чином, перспектива подальших досліджень бачиться в тому, щоб логічно показати ієрархію словообразовальної системи як упорядоченого множини одиниць – констеляцій, алігатур, рядів і гнізд, подрядов і підгнізд, що знаходяться в відношенні взаємозв'язи і ієрархії. Ця система, як і її складові, служить задачі упорядкування всього словникового складу мови. Розвиток словообразования здійснюється через словообразовальні гнізда, а фіксація, збереженість лексики – через словообразовальні ряди. Словообразовальні ряди виконують функцію фіксаторів слів в системі мови і словообразования, зокреми.

Єдинство словообразовальної системи забезпечує взаємодію рядів і гнізд. Ряди складають каркас, на який нанизуються гнізда.

Бібліографічні посилання

1. **Антологія концептів** / під ред. В. І. Карасика, І. А. Стерніна : в 2 т. – Волгоград : Парадигма, 2005. – Т. 1. – 348 с.; Т. 2. – 356 с.
2. **Алефіренко Н. Ф.** Проблеми когнітивної лінгвістики : наук. моногр. / Н. Ф. Алефіренко, Н. Б. Корина. – Нітра : УКФ, 2011. – 216 с.
3. **Колшанський Г. В.** Об'єктивна картина світу в пізнанні і мові / Г. В. Колшанський ; отв. ред. А. М. Шахнарович; предисл. С. І. Мельник і А. М. Шахнаровича. – Изд. 2-е, доп. – М. : Едиториал УРСС, 2005. – 128 с.
4. **Кубрякова Е. С.** Теорія номінації і когнітивна наука в розумінні категоризації світу / Е. С. Кубрякова // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках. – Гродно, 1996. – С. 6–13.
5. **Лакофф Дж.** Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып. 23. – С. 12–51.
6. **Приходько А. Н.** Концепты и концептосистемы / А. Н. Приходько. – Д., 2013. – 307 с.
7. **Степанов Ю. С.** Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю. С. Степанов. – М. : Яз. слав. культур, 2007. – 248 с.
8. **Степанов Ю. С.** Слово : Из статьи для словаря концептов : Концептуарий русской культуры / Ю. С. Степанов // Philologica. – 1994. – № 1, 2. – С. 11–31.
9. **Тихонов А. Н.** Проблемы изучения комплексных единиц системы словообразования / А. Н. Тихонов // Актуальные вопросы русского словообразования : материалы науч. конф. – Ташкент, 1982. – С. 3–13.
10. **Ширшов И. А.** Теоретические проблемы гнездования / И. А. Ширшов. – М. : Прометей, 1999. – 236 с.

Надійшла до редколегії 09.06.14

УДК 811.161.1'367.332

Е. В. Шкурко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ДВУЧЛЕННАЯ ПАРАДИГМАТИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ ОМОНИМИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Исследована проблема синтаксической неоднозначности. Определены причины возникновения конструкций с двучленной парадигматико-синтаксической омонимией. Рассмотрены модели, по которым строятся подобные высказывания, и приведена их классификация. Проанализированы результаты эксперимента, подтверждающего тот факт, что словоформа именительный-винительный, стоящая в начале предложения, первоначально воспринимается реципиентом в значении именительного падежа. Указаны способы элиминации синтаксически неоднозначных конструкций.

Ключевые слова: двучленная парадигматико-синтаксическая омонимия, омоформа именительный-винительный, элиминация.

Шкурко О. В. Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара. ДВОЧЛЕННА ПАРАДИГМАТИКО-СИНТАКСИЧНА ОМОНІМІЯ В СУЧАСНІЙ РОСІЙСЬКІЙ МОВІ

Досліджено проблему синтаксичної неоднозначності. Встановлено причини виникнення конструкцій з двочленною парадигматико-синтаксичною омонімією. Розглянуто моделі, за якими будують подібні висловлювання, і наведено їх класифікацію. Проаналізовано результати експерименту, який підтверджує той факт, що словоформу називний-знахідний, яка стоїть на початку речення, реципієнт сприймає в значенні називного відмінка. Вказано способи елімінації синтаксично неоднозначних конструкцій.

Ключові слова: двочленна парадигматико-синтаксична омонімія, омоформа називний-знахідний, елімінація.

Shkurko E. V. Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. TWO-MEMBER PARADIGM AND SYNTACTIC HOMONYMY IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Homonymy is a manifestation of special properties of the sign, through which different signified may correspond to identical meaning, therefore, it represents some obstacle in the communication process. Homonymy also causes difficulties in the process of learning a foreign language in the construction of automatic text processing. Nevertheless, it has been studied much less than such related phenomena as polysemy, synonymy and antonymy. Homonymy is studied mainly on lexical and grammatical level, and the degree of studying a problem of syntactic ambiguity is still not high enough.

Thus, the relevance of the study of homonymy on the syntactic level is due to the lack of knowledge of the degree of linguistic phenomena, as well as the need for linguistic interpretation of syntactically ambiguous structures in order to optimize the communication process and the perception of foreign-language messages.

In this article the cause of the constructs containing binomial paradigmatics-syntactic homonymy is determined. We consider the model on which such statements are based, the classification of ambiguous sentences is provided. The results of the experiment, confirming the fact that the word form the nominative-accusative, standing in the beginning of the sentence originally perceived by the recipient within the meaning of the nominative case are analyzed. Ways of eliminating syntactically ambiguous structures are identified.

The problem of syntactic homonymy is part of a more general problem of correlation between form and content in the language, which makes its deep theoretical study of urgent necessity.

Key words: two-member paradigm and syntactic homonymy, homoform Nominative-Accusative, elimination.

Омонимия – явление, неизбежно присутствующее во всех языках мира. Ее существование обусловлено самой природой языка и определяется условиями его функционирования в качестве средства общения. По словам Л. В. Малаховского, «омонимия является неизбежным, закономерным результатом стихийного развития языка и, следовательно, представляет собой абсолютную лингвистическую универсалию». А из признания универсальности омонимии следует, что она «не может рассматриваться как “дефект” или “болезнь” языка, а представляет собой одно из его *фундаментальных свойств*, которое должно приниматься во внимание во всех теоретических концепциях языкознания, а также при решении различных прикладных задач» [6, с. 15].

Поскольку омонимия – это проявление того особого свойства языкового знака, в результате которого разным означаемым могут соответствовать тождественные означающие, она представляет собой определенную помеху в процессе коммуникации. Омонимия также вносит трудности в усвоение иностранного языка, когда учащийся сталкивается с тем, что одна и та же языковая форма может иметь совершенно разные значения, – факт, на который в своем родном языке он обычно не обращает внимания. Анализ таких форм значительно затрудняет восприятие иноязычного текста или сообщения. Не меньшие трудности вызывает омонимия и при построении систем автоматической обработки текста.

Учитывая все вышеизложенное, логично предположить, что этот языковой феномен находится под пристальным вниманием специалистов и досконально исследован, однако к настоящему времени омонимия изучена значительно меньше, чем такие смежные явления, как полисемия, синонимия и антонимия. До сих пор нет четкого определения основных понятий омонимии, не упорядочена терминология, нет классификации, которая адекватно отражала бы формально-смысловые отношения между различными классами омонимов [Там же, с. 4]. Омонимия изучается в основном лишь как лексико-грамматическая проблема, а степень разработанности проблемы синтаксической неоднозначности все еще недостаточно высока. Омонимию предложений большинство современных исследователей рассматривает с точки зрения автоматической обработки текста [2–4; 7].

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что **актуальность** исследования неоднозначности на синтаксическом уровне обуславливается недостаточной степенью изученности омонимии, а также необходимостью лингвистической интерпретации синтаксически неоднозначных конструкций в целях оптимизации коммуникативного процесса и восприятия иноязычных сообщений.

Поставив перед собой **цель** рассмотреть неоднозначность в синтаксическом аспекте, в данной статье мы определим причины возникновения неоднозначности предложений, содержащих омоформу именительный-винительный, проанализируем классификацию подобных конструкций и укажем способы их элиминации.

В русском языке нередко встречаются синтаксические конструкции, содержащие так называемую двучленную парадигматико-синтаксическую омонимию [5, с. 87], в которых имена, входящие в состав предложений, имеют одинаковые формы в именительном и винительном падежах: *Мать любит дочь. Бытие определяет сознание. Горе сменяет радость* и т. п. Любая конструкция данного типа может быть представлена в виде схемы П – С – Д, где символ П обозначает подлежащее, С – сказуемое, выраженное переходным глаголом или его сочетанием с другими глагольными формами, и Д – дополнение, имеющее форму винительного падежа без предлога. Н. П. Колесников, детально исследовавший предложения типа П – С – Д, предложил следующую классификацию той категории неодно-

значных конструкций, в которых подлежащее и дополнение являются именами существительными [5, с. 87–92] (индексы, расположенные в правом нижнем углу символов П и Д, служат показателями категории препозиционного подлежащего и постпозиционного дополнения):

П₁ – Д₁ – неодушевленные существительные мужского рода единственного числа: *Телевизор перекричать старается радиоприемник.*

П₂ – Д₂ – неодушевленные существительные мужского рода множественного числа: *Стулья заменяли ящики из-под бисквитов.*

П₃ – Д₃ – неодушевленные существительные женского рода единственного числа 3-го склонения: *Рождаемость превышает смертность.*

П₄ – Д₄ – неодушевленные существительные женского рода множественного числа 3-го склонения: *Водоросли тянут сети.*

П₅ – Д₅ – неодушевленные существительные женского рода множественного числа 1-го склонения: *Цифры покрывают бумаги.*

П₆ – Д₆ – одушевленные существительные женского рода единственного числа 3-го склонения: *Форель сменила стерлядь.*

П₇ – Д₇ – существительные среднего рода единственного числа: *Платье задело весло.*

П₈ – Д₈ – существительные среднего рода множественного числа: *Слова заменили дела.*

П₉ – Д₉ – существительные с фронтальной омонимией форм – так называемые «несклоняемые» существительные: *Какаду беспокоит шимпанзе.*

Приведенные модели, являющиеся типовыми, могут иметь разновидности, например: П₁ – Д₃ (*Спрос рождает предложение*), П₇ – Д₁ (*Предприятие снабжает колхоз*), П₈ – Д₂ (*Озера рождают ручьи*) и др.

Если проанализировать все типы предложений в представленной классификации, то можно заметить явное преобладание сочетаний с субъектом и объектом в мужском роде, что можно объяснить следующими факторами. Во-первых, по данным «Частотного словаря» Э. Штейнфельдт, 46,8 % существительных русского языка относятся к мужскому роду, поэтому сочетания со словами мужского рода наиболее частотны в своем употреблении. Во-вторых, в единственном и во множественном числе все неодушевленные существительные мужского рода, которые не оканчиваются на -а, -я, не различают формы именительного и винительного падежей. Более низкий уровень наполняемости двух других симметричных по категории рода сочетаний субъекта и объекта (женский род – женский род, средний род – средний род) объясняется следующими причинами. 1. Если и субъект, и объект являются словами женского рода, то роль ограничителя омонимии играет категория склонения: только в третьем склонении именительный и винительный падежи существительных женского рода совпадают в единственном и множественном числе (для одушевленных только в единственном), что делает возможным существование такой омонимичной конструкции, как *мать любит дочь* или *дочь любит мать*. Поскольку число существительных женского рода 3-го склонения значительно уступает количеству существительных этого рода в первом склонении, этим фактом можно объяснить меньшую употребительность сочетаний, где субъект и объект представлены словами женского рода (35,1 %). 2. Малочисленность наполнения сочетаний, где омонимичные субъект и объект – слова среднего рода, можно связать с немногочисленностью существительных среднего рода (15,5 %) [3, с. 39].

Большинство лингвистов, занимающихся проблемой синтаксической омонимии, считает, что синтаксическое значение словоформ в подобного рода конструкциях определяется по их местоположению в составе предложения: имя, предшествующее глагольному сказуемому, обозначает субъект действия, то есть является подлежащим, а имя, следующее за сказуемым, представляет собой объект этого действия и, следовательно, является прямым дополнением.

Безусловно, если рассматривать первые компоненты приведенных выше примеров в качестве субъектов, предложения будут восприниматься строго однозначно. Однако проблема заключается в том, что в русском языке порядок слов обладает достаточно большой свободой размещения компонентов, вследствие чего вполне допустимо и препозиционное, и постпозиционное расположение прямого дополнения относительно предиката. Следовательно, в русском языке допускается построение конструкций с таким порядком следования подлежащего, сказуемого и прямого дополнения: Д – С – П.

Необходимо отметить, что словоформа именительный-винительный, стоящая в начале предложения, первоначально воспринимается реципиентом в значении именительного падежа, даже если автор высказывания употребляет ее в значении винительного падежа. Мы провели эксперимент: предложили группе студентов-филологов выполнить ряд заданий, направленных на выявление синтаксически неоднозначных конструкций. Одним из таких заданий было следующее – разобрать по членам предложения высказывания: 1. *Запахи кушаний глушили волнующе-тонкие ароматы расставленных по столикам живых цветов* (М. Шолохов «Тихий Дон»). 2. *Кислород выделяет перекись водорода*. 3. *Их «Жигуленок» буквально расплющил огромный КАМАЗ* («Наш город», 15.02.2005). В первых двух случаях все испытуемые (100 %) посчитали компоненты «запахи кушаний» и «кислород», расположенные по отношению к глаголу-сказуемому препозиционно, подлежащим, хотя эти элементы являются в данных предложениях прямыми дополнениями (что явствует из контекста). При первоначальном восприятии третьего примера 85 % опрошенных квалифицировали слово «Жигуленок» в качестве субъекта, и только нелепость возникшего при этом семантического значения высказывания заставила их переосмыслить фразу и определить указанный компонент как дополнение, придав ему значение винительного падежа.

Таким образом, начальное имя в форме именительного-винительного падежа воспринимается как употребленное в именительном падеже не только в конструкциях семантически обратимых, то есть таких, в которых обе интерпретации представляются адресату высказывания одинаково вероятными, например: *«Мерседес» обогнал «Фиат»*; *Крейсер обстрелял эсминец* и т. п., но и в предложениях семантически необратимых, которые не могут иметь два значения, поскольку одно из них оказывается алогичным и, следовательно, неприемлемым: *Ночь сменяет утро*; *Поле скрывает сосновый бор* и т. д. Подобного рода конструкции при первом представлении всегда воспринимаются реципиентами по модели П – С – Д. Нелогичность возникающего при этом значения заставляет адресата высказывания мысленно возвращаться к написанному или сказанному с тем, чтобы установить его истинный смысл.

Конструкции, представляющие собой двучленные парадигматико-синтаксические омонимы, как правило, настолько затемняют смысл высказывания, что только опираясь на контекст или лингвистическую компетенцию реципиент может понять, о чем именно идет речь в данном предложении.

На этот раз парламент защищает правительство («Наш город», 5.09.2014): правительство выступает в защиту парламента или парламента – в защиту правительства?

Посторонние примеси содержат многие химические вещества (Неорганическая химия. 7–8 кл.): посторонние примеси содержатся в химических веществах или химические вещества – в примесях?

Ощущение счастья и удовольствия рождает смех (Из предисловия к роману Ч.Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба»): ощущение счастья и удовольствия является причиной смеха или смех – это причина ощущения счастья и удовольствия?

Подобные конструкции, как видно из рассмотренных выше примеров, чаще всего строятся по следующей модели: имя существительное – переходный глагол – имя существительное. Однако в русском языке в качестве омоформы именительный-винительный, кроме имен существительных могут использоваться местоимения, субстантивированные числительные и прилагательные.

Что же порождает ненависть? («Днепр вечерний», 9.06.2010): если рассматривать местоимение «что» в качестве подлежащего, предложение приобретет следующее значение: какова причина возникновения ненависти? Если же считать выделенный компонент прямым дополнением, высказывание будет иметь другой смысл: какие последствия являются результатом существования ненависти?

Пять человек обслуживают четыре машины («Наш город», 14.02.2010): словосочетание «пять человек», употребленное в значении субъекта, придает предложению такой смысл: четыре машины обслуживаются пятью людьми; данный компонент в роли прямого дополнения меняет значение высказывания следующим образом: пять человек обслуживаются четырьмя машинами.

Доброе рождает прекрасное («Аргументы и факты», 22.09.2011): компонент «доброе» в роли подлежащего придает фразе такое значение: доброе является причиной рождения прекрасного; в значении винительного падежа он меняет смысл предложения: доброе порождается прекрасным.

По словам Ш. Балли, «язык служит потребностям общения в том случае, если он позволяет передавать мысль с максимумом точности и с минимумом усилий для говорящего и слушающего» [1, с. 392]. Поскольку рассматриваемые синтаксически неоднозначные высказывания ставят реципиента перед необходимостью выбирать одно из нескольких значений и тем самым затрудняют процесс коммуникации, такие конструкции, на наш взгляд, следует признать негативным явлением, нуждающимся в элиминации.

Основными средствами деомонимизации конструкций с омоформой именительный-винительный являются контекст и порядок расположения слов в высказывании.

Наш опыт показывает, что в большинстве случаев контекст действительно помогает выбрать тот вариант понимания неоднозначной конструкции, который соответствует авторскому замыслу, однако его нельзя считать единственным и универсальным средством элиминации неоднозначных высказываний.

Некоторые исследователи предлагают в качестве одного из возможных способов деомонимизации обращение к такому понятию, как лингвистическая компетенция адресата высказывания. Но компетенция читающего или слушающего, так же как и контекстуальное окружение, далеко не всегда обуславливает однозначность понимания омонимичных конструкций, поскольку люди чаще всего имеют довольно ограниченные познания в тех областях человеческой деятельно-

сти, которые не являются общедоступными или общеизвестными. В случаях, когда ни контекст, ни компетенция адресата высказывания не позволяют определить истинное значение конструкции, следует обратиться к транспозиции компонентов предложения.

В отличие от лексических и грамматических омонимов, возникающих в процессе исторического развития языка, синтаксические омонимы чаще всего являются результатом небрежности или невнимательности, а также – незнанием законов русского синтаксиса. Имея дело с конструкциями, строящимися по подобным моделям, автор текста должен быть предельно внимателен. Ему необходимо помнить о том, что читатель первоначально воспримет омоформу именительный-винительный, стоящую в абсолютном начале предложения, в значении именительного падежа, поэтому нельзя допускать, чтобы в препозиции находилось имя, употребленное в форме винительного падежа. Это правило стилистики сформулировал еще А. С. Пушкин, который писал: «Там, где сходство именительного падежа с винительным может произвести двусмыслие, должно по крайней мере писать все предложение в естественном его порядке...» [10, с. 157], то есть необходимо придерживаться строго фиксированного порядка расположения компонентов в подобного рода конструкциях, а именно подлежащее – сказуемое – прямое дополнение.

По нашему мнению, проблема синтаксической омонимии является частью более общей проблемы соотношения формы и содержания в языке, что делает ее глубокое теоретическое изучение настоятельной необходимостью.

Бібліографічні посилання

1. **Балли Ш.** Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Наука, 1955. – 416 с.
2. **Гладкий А. В.** Синтаксические структуры естественного языка в автоматизированных системах общения / А. В. Гладкий. – М. : Наука, 2007. – 152 с.
3. **Головня А. И.** Омонимия как системная категория языка : монография / А. И. Головня. – Мн. : БГУ, 2007. – 132 с.
4. **Ермаков А. Н.** Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии / А. Е. Ермаков // Труды Международного семинара «Диалог 2002» : в 2 т. – М., 2002. – Т. 2. – С. 23–35.
5. **Колесников Н. П.** Синтаксическая омонимия в простом предложении / Н. П. Колесников. – Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1981. – 140 с.
6. **Малаховский Л. В.** Теория лексической и грамматической омонимии / Л. В. Малаховский. – Л. : Наука, 1990. – 240 с.
7. **Ножов И. М.** Морфологическая и синтаксическая обработка текста (модели программы). / И. М. Ножов. – М. : Наука, 2003. – 140 с.
8. **Пушкин А. С.** Мысли о литературе / А. С. Пушкин. – М. : Современник, 1988. – 639 с.

Надійшла до редколегії 30.01.15

І. М. Шпітько

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

СЕМАНТИЧНИЙ РОЗВИТОК ПРАСЛОВ'ЯНСЬКОЇ ЛЕКСЕМИ *ŠATY В СУЧАСНИХ СЛОВ'ЯНСЬКИХ МОВАХ

Комплексно проаналізовано семантичний розвиток праслов'янської лексики *šaty в сучасних слов'янських мовах: визначено семантичні процеси, які обумовили появу нових значень у семантичній структурі слова в процесі самостійного розвитку слов'янських мов, описано семну структуру її лексико-семантичних варіантів. Відзначено функціонування та стилістичні особливості лексики на території сучасної Славії.

Ключові слова: праслов'янська мова, семантичні процеси, семема, сема, сучасні слов'янські мови.

Шпитко И. Н. Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара. **СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРАСЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСЕМЫ *ŠATY В СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ**

Комплексно проаналізовано семантичне розвиток праславянської лексики *šaty в сучасних слов'янських мовах: визначено семантичні процеси, які обумовили появу нових значень у семантичній структурі слова в процесі самостійного розвитку слов'янських мов, описано семну структуру її лексико-семантичних варіантів. Відзначено функціонування та стилістичні особливості лексики на території сучасної Славії.

Ключевые слова: праславянский язык, семантические процессы, семема, сема, современные славянские языки.

Shpitko I. M. Oles Honchar Dnipropetrovsk National University. **SEMANTIC DEVELOPMENT OF THE PROTO-SLAVIC LEXEME *ŠATY IN THE MODERN SLAVIC LANGUAGES**

The objective of our research is the Proto-Slavic lexeme *šaty. The subject of scientific description is its semantic extension in lexical system of the modern Slavic languages. The object is the detection of semantic changes that led to the enrichment of the semantic structure of the Proto-Slavic archetype *šaty in the self-development of the Slavic languages. The Proto-Slavic lexeme *šaty is an ancient Germanic loanword in the language of ancient Slavs. Together with their proper word *odedja it formed lexical paradigm for clothe denomination. The lexeme *uamui* is today polysemantic and is presented in the lexical systems of the modern West Slavic literary languages, as well as in Ukrainian and Belarusian, and is absent in the South Slavic languages and in literary Russian. It functions as a stylistically neutral unit in its original meaning of «clothes in general» in Slovak, it is stylistically marked word in modern Czech and Ukrainian. The word has a certain semantic potential at the time of creation which contributes to its semantic development. Data from the modern Slavic languages indicate that the antic Slavic lexeme *šaty has turned into a polysemous unit in modern Slavic languages as a result two opposite semantic processes: specialization of word meaning, that led to a limited number of named things from the same semantic field, and generalization, that served for an increase of the number of denoted concepts, i.e. the number of denoted objects and phenomena. In the development process of the meanings of the word *šaty in Slavic languages there are both: a community of the ways and attempts to develop new meanings, of the nature and types of semantic changes, of semantic processes and the national specificity of some of its sememes.

Key words: Proto-Slavic, semantic processes, sememe, seme, modern Slavic languages.

Праслов'янська лексика, успадкована сучасними слов'янськими мовами, відіграє досить суттєву роль у складі їх словників, позначаючи явища природи, духовної і матеріальної культури тощо. Сучасні слов'янські мови, за даними І. Лекова, зберегли у своєму основному словниковому фонді дві третини одиниць праслов'янського походження. Конкретну цифру праслов'янської лексики подає

Т. Лер-Сплавінський, правда, лише для словникового складу сучасної польської мови – 1700 одиниць. Дослідники вважають, що цю величину не можна вважати абсолютно достовірною з тієї причини, що кількісний склад праслов'янського лексичного фонду визначають по-різному, оскільки застосовують різні критерії відбору праслов'янської лексики. Як наслідок цього Ф. Копечний називає 2000 одиниць, Ф. Славський – 9000, а О. М. Трубачов припускає, що праслов'янський лексикон становить приблизно 20 000 слів [4, с. 200]. Питання збереження праслов'янського фонду не може бути вирішене однозначно тому, що в сучасних слов'янських мовах праслов'янська лексика, зберігаючи формальну й семантичну близькість, функціонує в різному статусі. У одних мовах вона входить до ядра словникового складу, в інших перебуває на периферії; може бути літературною або діалектною, стилістично-нейтральною чи книжною, врешті-решт, може зберігатися в структурі похідних слів або у складі фразеологізмів.

Об'єктом нашого дослідження є праслов'янська лексема **šaty* та її лексико-семантичні варіанти (ЛСВ) у сучасних слов'янських мовах. Предмет наукового опису становить її семантичний розвиток у лексичних системах сучасних слов'янських мов. Спеціальних праць із вивчення цього архетипу, не існує, хоч проблемам семантичних змін у лексиконах слов'янських мов присвячено немало досліджень таких видатних учених, як М. М. Покровський, В. В. Виноградов, О. М. Трубачов, Р. О. Будагов, О. М. Маркова та ін.

Метою нашої розвідки є визначення семантичних змін, які обумовили збагачення семантичної структури праслов'янського слова **šaty* в процесі самостійного розвитку слов'янських мов.

Нашу увагу лексема *шати* привернула тому, що має нерівномірне поширення на території сучасної Славії, характеризується різним семантичним наповненням, стилістичними особливостями та словотвірними потенціями в тих слов'янських мовах, у яких нині функціонує. Наявна вона в сучасних західнослов'янських мовах (польській, чеській, словацькій, лужицьких), а також в українській, білоруській і південних діалектах російської мови, але відсутня в південнослов'янських мовах і літературній російській [WSJP; SSJČ; SSJ; BTCCYLM; TCPB; ESJČ, с. 603; ЭСРЯ, т. 4, с. 412]. Ареал сучасного функціонування лексеми *шати* схиляє нас до думки, що він може відповідати давній диференціації праслов'янської мови, коли «слов'янство, очевидно, розподілилося на дві великі групи: словенську й антську [11, с. 110], які визначались окремим своєрідним говором (мовою) і, напевно, лексичними особливостями. Нагадаємо, що, за твердженням О. Царука, до «антської підгрупи слов'янських мов належать антська прामова, українська, білоруська, польська, чеська, словацька, сербсько-хорватська (у давній хорватській частині), верхньолужицька [Там само, с. 111]. Отже, дослідження конкретних лексичних одиниць може стати корисним у вивченні діалектної диференціації праслов'янської мови, слов'янського племінного розподілу, контакту певних праслов'янських етнічних груп з носіями сусідніх індоєвропейських мов, що, у свою чергу, допоможе у вирішенні багатьох проблем сучасної славістики, зокрема проблеми генеалогічної класифікації слов'янських мов, а то й утвердить і усправедливить їх дуалістичний розподіл.

Лексика праслов'янської мови є продовженням індоєвропейської, адже успадкувала від неї і зберегла значну частину лексичних одиниць [3, с. 500]. Багато цих слів функціонує в сучасних слов'янських мовах без істотних фонетичних і семантичних змін. Наприклад, значна більшість слов'ян для позначення поняття предметів, якими покривають тіло, послуговується такими лексемами, як рос. *одежда*, білор. *адзенне (адзежа)*, укр. *одяг*, пол. *odzież*, чes. *oděv*, слов. *odev*, хорв. *odjeća*, серб. *odeћа*. Етимологічні словники відзначають їх походження від пра-

слов'янського **odedja* [ЕСУМ, т. 3, с. 121], яке є власним утворенням на слов'янському ґрунті [ЭСРЯ, т. 1, с. 509; ČES, с. 422]. Проте праслов'янська мова не тільки успадковувала й розвивала індоєвропейський лексичний фонд, а й запозичувала лексеми з інших індоєвропейських мов у різні часи після припинення існування індоєвропейської прамови [3, с. 500]. У зв'язку з цим можна стверджувати, що лексична система праслов'янської мови, як і будь-якої сучасної мови в цілому, складалась з одиниць питомих і запозичених. На цей факт указує, наприклад, наявність такого лексичного ланцюжка, як **odedja* «одяг» – **šat(y)/šat(ь)* «одяг», одиниці якого мають різне походження (перша власномовна, друга запозичена), що, напевно, і вплинуло на їх подальше функціонування, семантичний розвиток, стилістичну стратифікацію. Етимологи відзначають праслов'янський характер номену **šat(y)/šat(ь)*, але вважають його давнім запозиченням з германських мов, очевидно, з прагерманської: праслов'ян. **šat(a)* з герм. **hētaƶ* «одяг» [ČES, с. 625; ЕСУМ, т. 6, с. 388]. Значення «одяг», з яким слово **šaty* ввійшло в лексичну систему праслов'янської мови, зберегли не всі сучасні слов'янські мови. У загальному значенні воно функціонує як стилістично нейтральне в словацькій літературній мові: *šaty* «súhrn predmetov z rozličného materiálu, ktoré slúžia na ochranu (i ozdobu) ľudského tela»; *pracovné, domáce, sviatočné, popoludňajšie, večerné šaty* [SSJ] (див. також: <http://www.milujemšaty.sk>). У сучасній чеській і українській мовах воно є стилістично маркованим: чеськ. *šat, kniž. šaty* «z látky ušitý ústroj sloužící k oblékání, oděv» [Komorníkuv] *šat byl ve velkém nepořádku* [PSJČ]; укр. шати *поет., ритор.* «одяг взагалі чи одяг певного призначення». *Не крилася [Мелашка] перед господарями і вперше за всю подорож призналася, куди й за чим правилася на коні в чоловічих шатах* [СУМ, т. 11]. Отже, праслов'янська лексема **šaty* в значенні «одяг» утворює кореляцію «загальноновживана» в словацькій мові – «книжна» в чеській і українській.

У момент виникнення будь-яке слово завжди однозначне, а розвиток багатозначності – це тривалий історичний процес. Багато вчених-лінгвістів намагались прослідкувати семантичні закономірності, типові для індоєвропейських мов. У лінгвістичній літературі висували різні прийоми та принципи класифікації семантичних змін. Але семантичні трансформації, пов'язані з поняттям звуження, розширення й переносу значень, запропоновані німецьким молодогораматиком Г. Паулем, набули найбільшого поширення [8, с. 106]. У розвитку семантичної структури лексеми *шати* в слов'янських мовах часто спостерігається явище звуження семантики етимона. Вивчаючи семантичні явища, варто застосовувати напрацювання в галузі семного аналізу, оскільки семна структура похідного значення полісемічного слова змінюється внаслідок уведення нових семантичних компонентів, які конкретизують лексичне значення вихідної лексеми. Вихідна семема праслов'янського етимона **šaty* представлена чотирма семемами: «предмет, виріб» + «покривати» + «тіло» + «людина». З появою у цій структурі нових семантичних компонентів у слов'янських мовах виникають різні лексико-семантичні варіанти початкової одиниці. Семи «розкіш, багатство», «свято» формують разом з уже наявними «предмет, виріб» + «покривати» + «тіло» новий ЛСВ «багате, розкішне святкове вбрання» [ВТССУЛМ, с. 1390; РВТС]: укр. *На вбогому – лати, на багачу – шати* [СУМ, т. 11], білор. *А маленькі прынц жабрацтва апрануў пышныя каралеўскія шат* [http://knihi.com/Mark_Tven/Prync_i_zabrak.html]. Елементарні компоненти «священик» і «богослужіння» обумовлюють появу семеми «верхнє вбрання священика, яке він одягає під час богослужіння» [ВТССУМ, с. 1390]: *Коли не піп, так і в шати не одягайся* [СУМ, т. 11]. Збагачується семна структура й семою «своєрідний одяг», «соціальний стан», у результаті чого виникає семема «особливий вид одягу, який вказує на соціальну належність»

[WSJP]: пол. *Na jednej ze ścian widnieje najbardziej fascynujące z dongolańskich malowideł – portret bezimiennego władcy w pysznych królewskich szatach, nasuwających na myśl przepych bizantyńskiego dworu* (Gazeta Wyborcza, 1997–10–24). Новий семантичний компонент «жінка», який репрезентує сему «людина», нейтралізуючи при цьому сему «чоловік», обумовлює утворення семми – «цільна жіноча сукня» зі структурою сем «предмет, виріб» + «покривати» + «тіло» + «жінка» [PSJČ; KSSJ]: чес. *Šaty patří k ženám stejně neodmyslitelně jako Eiffelovka k Paříži; elegantní šaty, krajkové šaty, květinové šaty, letní šaty, maxi šaty, midi šaty, mini šaty, plesové šaty, společenské šaty, šaty pro denní nošení, šaty s potiskem* тощо [<http://www.tamsin.cz/saty/>]; слов. *šaty úpletové krémové, šaty kombinované čierno-zelené, ľahké letné šaty fialové* [<http://www.obchod-oblecenie.sk/saty/>]. Як свідчить аналізований матеріал, семантичний розвиток праслов'янського етимона *šaty відбувався в слов'янських мовах у напрямку його конкретизації, що виражалося в появі різних диференційних ознак. У результаті цього за збереження спільного семантичного значення «покривати тіло» виникали нові, які диференціювалися якою-небудь однією чи кількома ознаками. Збільшення кількості цих ознак приводило до набуття лексемою вузкого значення, а також зменшення кола позначуваних предметів, які раніше ця лексема називала. Нові значення, утворені шляхом конкретизації етимона, належать до того самого семантичного поля, що й вихідне, але переводять лексему з родової назви до видової. Отже, конкретизація значення, тобто його «семантичне звуження», втрата словом більш загального значення і заміна його більш вузьким сприяли появі нових ЛСВ, що і є одним із факторів розвитку семантичної структури лексеми *šaty.

На будь-якому хронологічному зрізі розвитку мов лексичну семантику не можна вважати «остаточно сформованою», оскільки людське мислення постійно перебуває в пошуку і в процесі номінації нових предметів думки насамперед звернено до наявних вербальних одиниць. У цьому безперервному процесі відбувається «нашарування» вже сформованого словесного образу на явища навколишнього світу, які раніше не співвідносилися з ним. У результаті такої роботи лінгвокогнітивних механізмів відбувається імпліцитна еволюція семантики лексем: їх акустичний образ використовують для передачі нових смислів, що, власне, і провокує появу нових ЛСВ [7]. Відбувається розширення семантичного обсягу етимона, яке й лежить в основі розгортання семантичної структури слова [5, с. 38]. Свідченням цього є еволюція семантичної структури етимона *šaty. Так, у слов'янських мовах, зі збереженням інтегральної семи «покривати», з'являються нові ЛСВ:

1) «металева оправа на образах», сформований поєднанням сем «предмет, виріб» + «покривати» + «святі образи»: укр. *По кутках з-за оберемків роблених квіток у блискучих шатах визирають образи* [СУМ, т. 11];

2) «забарвлення й зовнішній вигляд тварин протягом певного періоду їх життя», утворений сполученням сем «пір'я, хутро» + «покривати» + «тіло» + «тварина»: пол. *Wiewiórka w letniej szacie ma futerko rdzawoczerwone, żółtawe lub ciemnobrązowe, ogon puszysty, długi, w tym samym kolorze...* [WSJP]; чес. *Rozlišujeme přepeřování úplné, při kterém pták přichází o všechna obrysová pera a částečné, které se většinou odehrává před začátkem hnízdního období a jehož podstatou je výměna peří za pestřejší (opeření během tohoto období se nazývá svatební, či jarní šat) a zpět (do tzv. prostého či zimního šatu)* [<http://cs.wikipedia.org/wiki/Přepeřování>];

3) «те, чим накривають ліжко або спальне місце»: слов. *Zuzanne porauczým humjenczo a zahradku za Wahem, taktyez lozne ssaty, rgad dreweni, y ty dwa brawczeky* (Trenčín 1594) [HSSJ], де *lozne ssaty* – сучасне *lôžne šaty*, тобто постіль-

на білизна. Слід відзначити, що в процесі семантичного розвитку лексеми **šaty* в її семантичній структурі відбувалися не лише процеси семантизації, але й десемантизації. Наприклад за даними «Історичного словника словацької мови», у XVI ст. лексему *šaty* вживали на позначення різних предметів, якими накривали або застиляли ліжко (peravé, perové, perné šaty, obliečky na periny: *wsseczky perne ssaty, polowyczu panne Barbore a polowyczu panne Julianne s. l. 1564*; *postel'né, ložné šaty postel'ná bielizeň, obliečky na periny: Zuzanne porauczym humjenczo a zahradku za Wahem, taktysz lozne ssaty, rgad dreweni, y ty dwa brawczeky trenčín 1594* [HSSJ]). У цьому значенні номен *šaty*, напевно, функціонував у мові доти, доки слов'яни шкіру або грубі тканини, виготовлені з льону, кропиви тощо, використовували в повсякденному побуті для накривання / застилання місця для сну й відпочинку. Лише з удосконаленням ткацького виробництва, коли «шати» стали білого кольору, новоутворений номен *bielizeň* «білизна» (в основу якого покладено ознаку кольору [ЕССЯ, т. 2, с. 68]), витіснив з ужитку більш давній *šaty*.

На розвиток семантики слова впливає і лексична сполучуваність. На думку О. Б. Никифорової, з одного боку, контекст може впливати на семантику лексеми, стимулюючи реалізацію певних смислів, а з іншого – наявність певних підстав для вибору в мові саме даної лексеми [7]. У сучасній польській мові лексема *szaty* зафіксована в значенні «оформлення, форма, вигляд чого-небудь» [WSJP]. У конструкції *Serie tę charakteryzują książki w efektownej szacie graficznej, bogato złożone i drukowane na luksusowym papierze, w twardej, ekskluzywnej oprawie* [WSJP] вона має семему «графічний вигляд предмета», а в реченні *Wynik referendum gminnego nie jest prawem, lecz wolą mieszkańców wymagającą dopiero nadania jej szaty prawnej przez odpowiednie organy gminy* [WSJP] – «правова форма», «правовий вигляд». Очевидно, є щось у семантичній структурі семему, що дозволяє зробити цей вибір, цю сполучуваність. Це – насамперед периферійні, потенційні семи, іноді – семи дальшої периферії, які не відразу усвідомлюються, але присутні імпліцитно в колективній мовній свідомості. У процесі лінгвокреативної діяльності людини такі семи можуть актуалізуватися, причому експлікатором цих сем є саме контекст [7].

Еволюція семантики етимона має безперервний характер. Нові ЛСВ – це асоціації за подібністю. Людська думка, виділяючи предмети в навколишньому світі, порівнюючи їх між собою, встановлює між ними певні зв'язки, які стають основою номінації. Одну й ту лексему використовують для позначення нових предметів і явищ та їх ознак, пов'язаних з предметами, які отримали первинну номінацію. Від найдавнішого значення «покривати тіло людини» у слов'янських мовах на основі асоціації за подібністю формується таке значення: «те, що прикрашає, огортає собою когось, щось»: білор. *Ці таюць снегавыя шаты?* [prajdzisvet.org/.../Housman_vershy.doc]; укр. *Одцвіли верби над ставом, убралися в зелені шати* [СУМ, т. 11]; пол. *Nadal więc turyści mają szansę zobaczyć te góry w jesiennej szacie, kiedy są najpiękniejsze* (Dziennik Polski, 2001–11–03); слов. *Ovocné stromy už odložili šaty z kvietkov a na konároch sa objavujú maličké farebné plody* [http://referaty.aktuality.sk/umelecky-opis-zima/referat-24564]; чес. *Pozdní letní večer halil vše v rozkošný šat* [PSJČ]. Семема «те, що прикрашає, огортає собою когось, щось» спільна для літературних слов'янських мов, у лексичних системах яких наявна лексема *šaty*.

Отже, слово вже в момент утворення має певний семантичний потенціал, який сприяє його семантичному розвитку. Реалізація цього потенціалу обумовлює формування семантичної парадигми лексеми – системи похідних значень. Дані сучасних слов'янських мов засвідчують, що давня слов'янська лексема **šaty* перетворилась на полісемантичну одиницю в результаті дії двох протилежних сема-

нтинних процесів: звуження значення слова, що привело до обмеженої кількості називаних предметів того самого семантичного поля (у нашому випадку «одягу»), і розширення значення слова, яке сприяло збільшенню обсягу позначуваних понять, тобто кількості називаних предметів і явищ. У процесі розвитку значень слова **šaty* в слов'янських мовах спостерігається як спільність у шляхах і способах розвитку нових значень, характері й типах семантичних зрушень, семантичних процесах, так і національна специфіка деяких її семем (див. таблицю).

*ЛСВ праслов'янської лексики *šaty в сучасних слов'янських літературних мовах*

	Сучасні семемі * <i>šaty</i>	Слов'янська мова				
		Пол.	Чес.	Слов.	Укр.	Білор.
1	Одяг		+	+	+	
2	Верхній одяг		+	+		
3	Сукня		+	+		
4	Багатий, розкішний святковий одяг				+	+
5	Одяг, що засвідчує соціальну належність	+				
6	Верхній одяг священика під час богослужіння				+	
7	Металева оправа на образах				+	
8	Оформлення, форма, вигляд чого-небудь	+				
9	Забарвлення і зовнішній вигляд тварин	+	+			
10	Те, що прикрашає, огортає собою когось, щось; вигляд місця	+	+	+	+	+

З таблиці видно, як праслов'янська лексема **šaty* перетворилась на багатозначну лексичну одиницю в сучасних польській, чеській, словацькій, українській і білоруській мовах. Вона зазнала значних змін у своїй предметній співвіднесеності, характері й обсягу семантичної структури, порядку виникнення окремих ЛСВ.

Бібліографічні посилання

1. Будагов Р. А. Об основном словарном фонде и словарном составе языка / Р. А. Будагов. – Л. : Изд. Всесоюз. о-ва по распространению полит. и науч. знаний РСФСР, 1952. – 31 с.
2. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1977. – 312 с.
3. Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов / за ред. О. С. Мельничука. – К. : Наук. думка, 1966. – 596 с.
4. Историческая типология славянских языков. – К. : Наук. думка, 1986. – 286 с.
5. Кезина С. В. Принципы развития и организации семантической структуры слова [Электронный ресурс] / С. В. Кезина. – Режим доступа : [http://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/5\(11\)/kezina_5_11_37_44.pdf](http://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/5(11)/kezina_5_11_37_44.pdf). – Загл. с экрана.
6. Маркова Е. М. Типология семантических трансформаций праславянской лексики и ее отражение в русском языке : монография / Е. М. Маркова. – М. : МГОУ, 2007 – 254 с.
7. Никифорова Е. Б. Семантическая эволюция лексической системы русского языка: тенденции, векторы, механизмы : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Е. Б. Никифорова. – Волгоград, 2008. – 42 с.; [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://cheloveknauka.com/semanticheskaya-evolyutsiya-leksicheskoy-sistemy-russkogo-yazyka-tendentsii-vektory-mehanizmy>. – Загл. с экрана.
8. Пауль Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1960. – 501 с.

9. **Покровский М. М.** Избранные работы по языкознанию / М. М. Покровский. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – 381 с.
10. **Трубачев О. Н.** О составе праславянского словаря / О. Н. Трубачев // Славянское языкознание : 5-й Междунар. съезд славистов. – М., 1963. – С. 159–197.
11. **Царук О.** Українська мова серед інших слов'янських: етнологічні та граматичні паралелі : монографія / О. Царук. – Д. : Наука і освіта, 1998. – 324 с.
12. **Ondruš S.** Praslovanský základ slovenčiny v slovnej zásobe / S. Ondruš. // Stud. Acad. Slov., 1976. – S. 295 – 316.

Словники

- ВТССУМ** – Великий тлумачний словник сучасної української мови / уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. – К. : Ірпін'я : ВТФ «Перун», 2003. – 1440 с.
- ЕСУМ** – Етимологічний словник української мови: в 7 т. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://litopys.org.ua/djvu/etymolog_slovnyk.htm. – Заголовок з екрана.
- СУМ** – Словник української мови : в 11 т. / за ред. І. К. Білодіда. – К. : Наук. думка, 1970–1980; [Електронний ресурс] – Режим доступу : http://ukrlit.org/slovnyk/slovnyk_ukrainskoi_movy_v_11_tomakh. – Заголовок з екрана.
- ТСРВ** – Тлумачальні слоїнік – Роднія Вобразы [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://rv-blr.com/slounik>. – Заголовок з екрана.
- ЭСРЯ** – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1986.
- ЭССЯ** – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://essja.narod.ru/index.html>. – Загл. с экрана.
- ČES** – Rejzek J. Český etymologický slovník / J. Rejzek. – Praha : LEDA, 2001. – 752 с.
- HSSJ** – Historický slovník slovenského jazyka [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://slovníky.korpus.sk>. – Заголовок з екрана.
- KSSJ** – Krátky slovník slovenského jazyka. – Bratislava : VEDA, 2003. – 986 s.
- SSJČ** – Slovník spisovného jazyka českého. Т. 1–8. – Praha, 1989; [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://prirucka.ujc.cas.cz>. – Заголовок з екрана.
- PSJČ** – Příruční slovník jazyka českého [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://bara.ujc.cas.cz/psjc>. – Заголовок з екрана.
- SSJ** – Slovník slovenského jazyka [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://slovníky.korpus.sk>. – Заголовок з екрана.
- WSJP** – Wielki słownik języka polskiego [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.wsjp.pl/>. – Заголовок з екрана.

Надійшла до редколегії 23.12.14

НАЛИЧИЕ ВАРИАНТОВ В ЯЗЫКЕ И ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ. ИЗУЧЕНИЕ КОНКУРЕНЦИИ ВАРИАНТОВ КАК ЭТАП В ОПРЕДЕЛЕНИИ ТЕНДЕНЦИЙ И ЖИВЫХ АКТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В РАЗВИТИИ ЯЗЫКА

**Рецензия на монографию С. Л. Попова «Русская грамматическая вариативность в когнитивно-эволюционном освещении»
(Харьков : Міськдруку, 2014. – 304 с.)**

При изучении процессов функционирования языков исследователю приходится сталкиваться с различными формами вариативности языковых средств, их своеобразной «избыточностью», порождаемой сложной историей каждой языковой системы. Однако, хотя сам факт существования вариативности широко известен, многие связанные с ней вопросы все еще недостаточно рассмотрены.

Проблема вариативности стала в последнее время предметом исследования многих лингвистов. Обусловливается это тем, что она до сих пор остается малоосвещенной как в теоретическом, так и в практическом плане. Так, не разрешен еще вопрос о границах изучаемого объекта, не определено его место в системе научного описания языка. Варьирование слов относят то к компетенции истории языка (смена вариантов), то к стилистике (функционирование сосуществующих вариантов), то к ведению социальной лингвистики (социальная стратификация вариантов). Мало изучена хронология возникновения и прекращения варьирования структурно и генетически различных языковых единиц. Спорной остается общая (часто альтернативная) оценка самого факта вариативности: польза или вред для социального использования языковых средств.

В настоящее время в науке установлено, что вариативность — это объективное следствие языковой эволюции, непереносимый атрибут живого литературного языка. Однако многие словари современного языка согласно требованиям неосведомленной публики о законах развития языка и его сложной внутренней организации стараются пойти по пути предельного сокращения вариантов. Лингвистов призывают устранить колебания, стандартизировать язык. Однако, как отмечает К. Г. Горбачевич, искусственный прием приглушения языка является вынужденной (при ограниченном объеме словаря) и далеко не всегда эффективной мерой. Само же требование абсолютной инвариантности норм не способствует современному состоянию литературного языка (см.: Горбачевич К. Г. Вариативность и языковая норма / К. Г. Горбачевич. — М., 1978. — С. 3).

Таким образом, в настоящее время назрела настоятельная потребность обобщения и систематизации опыта практической нормализаторской деятельности и объективно-исторического исследования явления вариативности, которая и создает собственно проблему языковой нормы.

Изучение конкуренции вариантов является не только необходимым звеном в определении основных тенденций развития языка и создании динамической теории нормы. Так, функционально-исторический анализ вариантов позволяет в значительной мере объективировать оценки сложных и спорных фактов речи (что, в свою очередь, важно для нормализации и совершенствования лексикографии).

Сами термины *вариативность* и *варианты* (*варианты языка, варианты слова, варианты суффикса, грамматические варианты* и пр.) в настоящее время

в языкознании используются достаточно часто и весьма широко. Нередко они обрастают новым смыслом и нередко обесцениваются. Так, расширенное понимание термина *вариант слова* приводит часто к поглощению традиционных понятий лексикологии, грамматики. Например, лексическое значение слова иногда называют *лексико-семантическим вариантом*, а однокоренные синонимы — внутренне противоречивым термином *словообразовательные варианты слова*.

В рецензируемой монографии ее автор, С. Л. Попов, в соответствии с принципами когнитивной лингвистики и эволюционной эпистемологии предпринимает попытку решить вопросы о том, как и почему варианты развивают язык, а именно какова в этом роль логики мышления и каков алгоритм восприятия вариантных явлений.

Решая эти задачи, автор прибегает к сведениям смежных с лингвистикой наук о степенях восприятия и обусловленном ими качестве логики. Положения теории аргументации позволяют ученому углубить теоретические представления о грамматических вариантах когнитивно-эволюционным обоснованием их сущности, функций и критериев. В конечном счете, данные сведения и положения позволяют автору применить перцептивно-аргументационный метод дифференциации грамматических вариантов и на этом основании осуществить их семантико-стилистическую классификацию, с выделением центральных и периферийных явлений, демонстрирующих тенденции эволюции русской грамматики.

Объектом научных наблюдений автора служат формальные варианты слова, то есть варьирование в пределах тождества слова. Вариативность слова рассматривается как явление современного литературного языка. Поэтому С. Л. Попов счел необходимым акцентировать свое внимание: 1) на анализе актуальных фактов варьирования (что абсолютно не исключает при необходимости исторического и сопоставительного анализа вариативных пар); 2) рассмотрении вариантов в пределах не только норм литературного языка.

Анализ вопросов вариативности и вариантов исследователь проводит в плане их временного и внутрисистемного соотношения. Функциональный анализ он использует в основном для установления узусных (стилистических, сочетаемых, позиционных и др.) особенностей вариантов (ситуативно-окказиональные мотивировки выбора вариантов отмечены лишь в отдельных случаях).

В монографии, на мой взгляд, применен функционально-динамический метод подачи материала. Термин «*функциональный*» в данном случае предполагает рассмотрение вариативных пар в контексте, дистрибутивных и стилистических разнородных условиях. Под термином «*динамический*» я подразумеваю анализ вариантов не в строго синхронной плоскости, а с учетом ретроспективы и перспективы данной языковой единицы. Дело в том, что вопрос о вариантах слова — это вопрос о тождестве слова при неодинаковости или даже при разнообразии совмещаемых в этом слове словообразовательных возможностей. Свидетельством тому может служить имеющее место в лингвистике мнение о том, что изучение истории языка невозможно без глубокого проникновения в природу лексической вариативности.

При исследовании и подаче иллюстративного материала автор также применил структурно-сопоставительный анализ вариантов. Этот прием направлен на выявление внутрисистемных причин варьирования и определение его характера, а также для установления коммуникативных преимуществ продуктивного варианта.

Рецензируемая монография состоит из четырех частей (разделов), логически связанных между собой.

В первой части своего исследования автор описывает языковую норму и грамматические варианты с позиции состояния их изученности на современный момент.

Опираясь на так называемые «антропонауки»: философию, логику, историю, юриспруденцию, социологию, аксиологию, биологию, физиологию, анатомию, психологию, С. А. Попов вслед за Н. Д. Арутюновой называет нормой в широком смысле «все виды и формы порядка», имея в виду и естественные нормы природы, и созданные человеком правила и законы. Автор предполагает, что нормы языка можно отнести к тем и другим, поскольку они и естественно-природны в силу стихийности их формирования, и социальные в силу зарождения в коллективном языковом человеческом мышлении и непрекращающихся попыток человечества их закрепить, или кодифицировать, как все прочее. Автор также придерживается позиции, что понятие нормы применимо «практически ко всем сферам жизни — явлениям природы, естественным родам, выведенным культурам, артефактам, организмам и механизмам, погоде, социальным явлениям, поведению людей и их действиям (деонтические нормы), экономике, искусству, науке, языку и мышлению, профессиональным действиям, играм, спорту и т. п.». По мнению С. Л. Попова, основные механизмы жизни сводятся к борьбе хаоса и космоса, закона и беззакония, отвечающих конструктивному и деструктивному началу, причем творчество связано как с тем, так и с другим.

Под вариативностью в современном широком толковании этой категории понимается существование, по крайней мере, двух модификаций одной и той же языковой единицы (фонемы, морфемы, лексемы, конструкции, семантического комплекса). Структурно обусловленное варьирование наблюдается на всех уровнях языковой системы. В процессе функционирования языка вариативность обычно возрастает как за счет нейтрализации отдельных системных оппозиций, так и за счет прагматически обусловленного (социо-коммуникативного) варьирования языковых единиц. Таким образом, вариативность в широком смысле обозначает всякую изменчивость, модификацию. В узком смысле вариативность определяется как характеристика способа существования и функционирования единиц языка в синхронии.

При всей известности понятия вариативности и распространенности его в специальной литературе оно остается неопределенным по объему и нечетким по содержанию. Для преодоления противоречий в трактовке данного понятия в процессе исследования варьирования слова как языкового феномена важно соблюдать и общелингвистические принципы (синтагматико-парадигматический, онтологичности, последовательности, полноты охвата материала и др.), и частнолингвистические, имеющие отношение к выделению именно модификаций слова в языке, а также соотносить их с правилами отождествления лексических единиц, установленными еще А. И. Смирницким.

Необходимо дифференцировать различные ипостаси лексической модификации слова: вариантности как свойства слова; вариантов слова как лексических единиц; вариантной лексики как совокупности нестабильных слов в той или иной страте; вариантных связей / отношений как связей / отношений между лексическими формами слова / слов; варьирования слова как явления и процесса видоизменения слова.

Языковая вариативность рассматривается в монографии как объективное имманентное свойство языковой системы, затрагивающее все выделяемое в языке подсистемы и единицы как в формальном, так и в содержательном аспектах, в

синхронии и диахронии, а также внутрисистемные отношения и отношения «язык – внешний мир».

Актуальной проблемой автору видится изучение языка в действии, вербализация мысли, функционирование генератора слов. Вполне логично то, что решение этих вопросов невозможно без нейтрализации таких антиномий, как закономерность и индивидуальность, дискретность и целостность, одновекторность и многовекторность. Поэтому наиболее существенным для снятия этих противоречий С. Л. Попову вполне справедливо представляется когнитивный подход, ориентированный на мыслительную деятельность человека, а следовательно, на пути категоризации опыта человека с помощью средств языка. Нужно сказать, что в настоящее время вопрос о структуре языка, материальном субстрате идеальных образов, семантическом факторе, определяющем выбор языковых элементов, по-прежнему остается открытым. Сложность его решения обусловлена, прежде всего, гетерогенностью и гетерократностью плана содержания и плана выражения категориальных единиц языка как многомерных систем, представляющих организованное взаимодействие сетей отношений. В плане содержания единство категорий определяется инвариантностью значения, то есть общностью семантики, которая реализуется в зафиксированных значениях материальных элементов в качестве вариантов.

Существуют многочисленные концепции и теории вариативности; природа этого явления понимается лингвистами различно и порою довольно противоречиво. Расхождение во взглядах обуславливается, прежде всего, различным подходом к рассмотрению дихотомии «инвариант — вариант».

Решение указанной проблемы имеет первостепенное значение для теории вариативности, так как соответствующие понятия взаимосвязаны и взаимообусловлены: инвариант существует лишь постольку, поскольку существуют его манифестации – варианты.

Иллюстративный материал монографии достаточно убедительно свидетельствует о том, что вариативность как языковое явление демонстрирует языковую избыточность, которая все же необходима языку. Будучи следствием языковой эволюции, вариативность становится почвой для дальнейшего развития языка. Избыточность формы – естественное состояние языка, показатель его жизнеспособности и динамичности. Более того, не всякая вариативность средств языкового выражения избыточна. Она становится таковой только тогда, когда варианты не имеют никакой особой нагрузки – ни информационной, ни функциональной.

Следует отметить, что предлагаемое автором изучение вариантности в общезыковой сфере имеет большое научное значение в плане исследования онтологии этого явления. Монография имеет большое методологическое и практическое значение, поскольку варьирует в сфере специальной речи явление субституции. Если вариантность / инвариантность является атрибутом языка (неотъемлемым свойством, без которого предмет не может ни существовать, ни мыслиться), то при реализации языка в речи он неизбежно проявляется согласно «законам логического следования понятий», а также принципу взаимозаменяемости, то есть если два имени обозначают один и тот же предмет, то истинное значение предложения не изменится, если одно из имен заменить другим.

Анализируя теоретические проблемы изучения грамматической вариантности, автор приходит к логичному выводу, что они состоят, с одной стороны, в частом непонимании динамичности нормы, с другой – в неоправданной аксиоматичности распространенного убеждения о том, что варианты развивают язык.

Вполне можно согласиться с С. Л. Поповым в том, что теоретическими недостатками в решении этого вопроса являются: 1) непредставление грамматических вариантов в виде системы, организованной по семантико-стилистическим основаниям, то есть дифференциальным признакам таких вариантов; 2) чрезмерная обобщенность некоторых типов грамматических вариантов по грамматическим основаниям; 3) неверное отнесение некоторых вариантов к грамматическим ярусам, в том числе одновременное отражение одного и того же типа грамматических вариантов в разных разделах одного ортологического пособия.

Автор признает, что практические проблемы изучения грамматической вариантности заключаются в неверной дифференциации грамматических вариантов, в следующем из теоретического непризнания динамичности нормы конкретном невосприятии изменения норм, в игнорировании таких критериев признания вариантного явления нормативным, как массовая и регулярная воспроизводимость данного явления в процессе коммуникации и общественное одобрение и признание языкового явления нормативным. Поэтому автор считает, что теоретические и практические проблемы изучения грамматической вариантности следует решать в рамках когнитивно-эволюционного подхода.

Следующая, вторая, часть исследования посвящена изучению логичности грамматики как когнитивного коррелята логичности мышления и зависимости такой логичности от эволюционирующей успешности восприятия.

С целью раскрытия содержания эволюционной стороны когнитивно-эволюционного аспекта изучения грамматических вариантов в монографии автор описывает и уточняет основные понятия эволюционной эпистемологии: биологическая природа и последующая когнитивная специализация эволюции и ее потенциальная позитивность, непосредственная связь когнитивной эволюции и эволюции языка. С. Л. Попов попытался преодолеть распространенную среди лингвистов, в особенности западных, идеологию отрицания эволюции языков.

В результате диалектического представления отождествления логики и грамматики как тезиса и критики такого отождествления как антитезиса автор предложил их синтез: когнитивно-эволюционный алгоритм «эволюция восприятия → логичность мышления → логичность грамматики».

С. Л. Попов пришел к выводу, что восприятие и логика, качество которой зависит от качества потенциально эволюционирующего восприятия, являются базовыми понятиями когнитивно-эволюционного аспекта изучения грамматической вариантности.

Третья часть монографии посвящена когнитивно-эволюционной интерпретации грамматической вариантности. Опираясь на когнитивно-эволюционный подход к грамматике, обоснованный и продемонстрированный во второй части монографии, автор достаточно широко представил когнитивно-эволюционную интерпретацию грамматической вариантности. Он попытался уточнить функции грамматической вариантности и необходимое условие реализации грамматическими вариантами этих функций; выяснить аспектные корреляции грамматической вариантности и эволюционирующей когниции; определить критерии грамматической вариантности, необходимые для ограничения материала исследования; обосновать потребность применения положений теории аргументации при изучении и объяснении межвариантных различий; разработать метод дифференциации грамматических вариантов, основанный на понятиях теорий восприятия и аргументации; обосновать возможность и необходимость их обобщения по семантическим и стилистическим признакам; выявить корреляцию грамматической вариантности с синонимией и антонимией как основу семантико-стилистической интеграции

грамматических вариантов. На основании большого иллюстративного материала и глубокого теоретического анализа исследователь выяснил, что, коррелируя с императивной и диспозитивной разновидностями альтернативного восприятия, императивные и диспозитивные грамматические варианты находятся на высшем уровне грамматического отражения результатов восприятия и познания человеком действительности. Исходя из этого, С. Л. Попов заявляет, что «варианты развивают язык» (с. 139).

В своих теоретических рассуждениях С. Л. Попов руководствуется языковым критерием регулярности и когнитивным критерием смешиваемости.

Изучение положений теории аргументации позволило исследователю прийти к выводу, что наиболее веским аргументом является комбинация прямой эмпирической верификации и логического обоснования. Этот аргумент должен, по мнению автора, применяться при кодификации различий между грамматическими вариантами.

В конечном счете, автор предлагает свой перцептивно-аргументационный метод дифференциации грамматических вариантов, который, конкретизируя метод компонентного анализа требованием проверки результатов первого восприятия межвариантных различий, определяет степень восприятия этих различий и предполагает определение дифференциальных признаков путем применения аргументационного единства прямой эмпирической верификации и логического обоснования. При этом С. Л. Попов подчеркивает, что доказательность аргументов такой методики опирается на дедуктивность прямой эмпирической верификации маркеров семантических или стилистических характеристик в эксплицитных контекстах и на индуктивность допустимости таких маркеров – в силу отсутствия показателей других семантических или стилистических характеристик – в имплицитных контекстах.

Таким образом, обоснованы возможность и необходимость семантико-стилистической, с выделением центральных и периферийных явлений, интеграции грамматических вариантов.

Нужно сказать, что в монографии автор описывает только корреляции грамматической вариантности с синонимией и антонимией как основы такой интеграции. К сожалению, вне поля зрения исследователя оказалась паронимия. Кроме формальных и семантических вариантов слов возможны и такие их видоизменения, которые различаются одновременно и в формальном, и в семантическом отношении, например: *варение* и *варенье*, *печенье* и *печенье*, *зубы* и *зубья*. В специальной лингвистической литературе они рассматриваются как разные слова. Имеются известные основания для признания подобных видоизменений слов вариантами (наравне с формальными и семантическими вариантами). Для их обозначения можно было использовать термин «формально-семантический вариант слова». Думается, что условие вариантности слова (отсутствие соответствия между семантическими и внешними различиями единиц), предложенное А. И. Смирницким, нельзя абсолютизировать. Оно «работает» на уровне отдельного лексико-семантического варианта слова, однозначного и многозначного слова, подвергающегося одинаковому формальному варьированию во всех звеньях семантической структуры, и приемлемо ввиду сохранности лексико-семантической общности для полисеманта, семантические и формальные видоизменения которого совпадают не полностью. Многозначное слово может иметь несколько рядов формальных вариантов как и, впрочем, синонимов, антонимов, паронимов, соотнесенных с тем или иным лексическим значением (см.: Ше-

пель Ю. А. Вопросы вариативности слова и языковой нормы в современном русском литературном языке. – Днепропетровск, 2010. – 370 с.).

В четвертой части монографии автор обращается к перцептивно-аргументационному описанию системы русских грамматических вариантов в семантико-стилистическом преломлении, включая тенденции дифференциации и возможности интеграции. С позиции семантики и стилистики С. Л. Попов проводит систематизацию и описывает регулярные и смешиваемые русские грамматические варианты. В центре системы русских грамматических вариантов автор различает диспозитивные грамматические антонимы – значениями конкретности и абстрактности (типа *Он настоящий плакса* – *Он настоящая плакса*; *новая авеню* – *новое авеню*; *читатели ждут книг* – *читатель ждет книг*; *осуществляются продажи* – *осуществляется продажа*; *Он был мастер* – *Он был мастером*; *стакан чая* – *выпить чаю*; *выпить чай* – *выпить чаю*; *ждать поезд* – *ждать поезда*; *документы не сохранились* – *документов не сохранилось*; *пропустил урок из-за болезни глаз* – *пропустил урок по болезни*), партитивности и цельности (ср.: *три подруги* – *трое подруг*; *несколько сотрудников курит* – *несколько сотрудников курят*; *план по производству автомобилей* – *план производства автомобилей*), абсолютной и относительной процессуальности (например: *упаковывание* – *упаковка*; *прочитать* – *прочесть*), отношения к одушевленному и неодушевленному явлениям (ср.: *туристический* – *туристский*), количества не больше и потенциально больше двух (*двусторонний* – *двухсторонний*), непереходности и переходности (*обессилею* – *обессилю*), ‘только в момент окончания’ и ‘не только в момент окончания, но и в любой следующий за окончанием момент’ (*по окончании* – *после окончания*), внешней причины и внутренней причины (*пропустил урок из-за болезни матери* – *пропустил урок по болезни*), реального и потенциального адресования (*льготы ветеранам* – *льготы для ветеранов*); диспозитивные грамматические квазиантонимы – значениями: относительности и качественности (*минималистический* – *минималистичный*; *минималистский* – *минималистичный*; *американо-российский* – *американско-российский*), процессуальности и предметности (*осмысливание* – *осмысление*; *контроль за чем* – *контроль над чем*), ‘выходящий за пределы чего-либо’ и ‘не имеющий отношения к чему-либо’ (*внештатный* – *нештатный*), ‘способ передвижения с использованием механического, самоходного общественного транспорта’ и ‘средство передвижения’ (*ехать поездом* – *ехать на поезде*); диспозитивные грамматико-стилистические синонимы – стилистическими характеристиками: нейтральности и разговорности (*слесарничать* – *слесарить*; *научно* – *по-научному*; *она секретарь* – *она секретарша*; *тракторы* – *трактора*; *к празднику 8-го Марта* – *к празднику 8-е Марта*; *чисти* – *чисть*; *машет* – *махает*; *более сухое место* – *место посуше*; *скорее* – *скорей*), современной нейтральности и устаревающей «высокости» (*тамбовец* – *тамбовчанин*; *по-дружески* – *дружески*; *весной* – *весною*; *вырежь* – *вырежи*; *по пять* – *по пяти*; *между соснами* – *между сосен*), официальности и разговорности (*решение ВАК* – *решение ВАКа*; *известный математик Ковалевская* – *известная математик Ковалевская*), нейтральности и официальности (*она журналистка* – *она журналист*; *в республике Болгарии* – *в республике Болгария*; *после окончания, в тот же момент* – *по окончании, в тот же момент*; *просьба предоставить убежище* – *просьба о предоставлении убежища*; *продукцию выпускают* – *продукция выпускается*), нейтральности и книжности–«высокости» (*Иван сдержаннее Петра* – *Иван более сдержан, чем Петр*; *дом, который построил Джек* – *дом, построенный Джеком*; *когда подписываете обращение, помните о последствиях* – *подписывая обращение, помните о последствиях*), нейтральности и раз-

говорности-публицистичности (*Харьковская область – Харьковщина*), книжности/официальности-«высокости» и устности-разговорности (*Андреевич – Андреич*), официальности и разговорности-публицистичности (*кандидатская диссертация – кандидатская*), современности и устаревания (*свойственен – свойствен*), современной нейтральности и устаревающей официальности (*ВАК решил – ВАК решила*), нейтральности и экспрессивности (*самый важный – важнейший*), книжности-«высокости» и экспрессивности (*наиболее важный – важнейший*), нейтральности и книжности-«высокости» (*самый важный – наиболее важный*); императивные грамматико-стилистические синонимы – стилистическими характеристиками: современной логичности и устаревающей нелогичности (*изготавливать – изготавливать; мок – мокнул; мокнувший – мокий; увидев – увидя; есть устриц – есть устрицы; в Сватово – в Сватове; из Камня-Каширского – из Камень-Каширского; за Андреем Черных – за Андреем Черным; сам факт – самый факт; директор пришла – директор пришел; английский и французский языки – английский и французский язык; дикие гусь и утка – дикий гусь и утка; работают мастер и ученик – работает мастер и ученик; все, кто работает – все, кто работают; по нем – по нему*), большей и меньшей логичности (*с Игорем Чижонком – с Игорем Чижонок; в Осаке – в Осака; Джоном Малкиным – Джоном Малкином*), современной экономности и устаревающей неэкономности (*достичь – достигнуть; нет клавиш – нет клавишей*), традиционной нейтральности и просторечности (*стандартизировать – стандартизовать; напои – напой; зажжет – зажжет; пылесосу – пылесосу; из тридцати восьми – из тридцать восьми; две/три/четыре новые книги – две/три/четыре новых книги; после окончания, в тот же день – по окончании, в тот же день*), современной нейтральности и устаревающей просторечности (*ущелей – ущельев; полотенце – полотенцев; дяди – дядя*), современности и устаревания (*подойдя – подошедши*), разговорности и просторечности (*мой домишко – мое домишко*), официальности и просторечности (*поступил в вуз по окончании школы – поступил в вуз по окончании школы*). На периферии системы русских грамматических вариантов они характеризуются так: диспозитивные функционально-синтаксические стилистически нейтральные варианты – употреблением в функциях сказуемого, обстоятельства и функции определения (*Он активнее, Он ведет себя активнее – Он более активный человек*), употреблением при числительном – подлежащем или дополнении, управляющем дополнением, и при управляемом числительным дополнении (*пять домов, построенных месяц назад – пять домов, построенных месяц назад*); грамматические варианты, непоследовательно различающиеся или не различающиеся императивно или диспозитивно, – нейтральностью и разговорностью или нейтральностью и просторечностью (*в дыме – в дыму, в отпуске – в отпуску*), императивным вытеснением друг друга либо диспозитивной семантической или стилистической специализацией (*перифраз – перифраза*), императивным вытеснением друг друга или диспозитивной стилистической специализацией (*сто граммов – сто грамм*), отсутствием семантических или стилистических дифференциальных признаков (*дискутировать – дискутировать*), отсутствием семантических и бесспорных для всех носителей языка стилистических дифференциальных признаков (*сосредоточивать – сосредотачивать*), отсутствием семантических и стилистических дифференциальных признаков (*те, кто работает – те, кто работают*); диспозитивные грамматико-стилистические синонимы – варианты нормативные и варианты ненормативные, но потенциально заполняющие лакуны русской грамматики – нейтральностью и потенциальной книжностью (*человек, который уви-*

дит это – человек, увидящий это), громоздкостью и потенциальной экономностью (сделай так, чтобы я полетела – полети меня).

В результате количественных подсчетов автор приходит к выводу, что диспозитивные грамматические варианты с семантическими различиями – грамматические антонимы и квазиантонимы – составляют менее трети общего количества исследованных случаев их дифференциации (28 из 105), однако в подтверждение известного ортологического убеждения (глава 1.2), отсутствие семантических различий, по его наблюдениям, компенсируется стилистическими различиями в пределах нормативности вариантов.

Особого внимания, на взгляд ученого, заслуживает стихийная логичная компенсация отсутствия в русском языке определенных и неопределенных артиклей десятью подвидами диспозитивных грамматических антонимов, различающихся семантикой конкретности и абстрактности.

Хотелось бы отметить, что в современной лингвистике существуют различные точки зрения на характер и природу вариантных отношений, содержание и объем понятий «вариант» и «инвариант». Так, широкое распространение получила теория, согласно которой понятие варианта как конкретной реализации языковой единицы противопоставлено понятию инварианта как абстрактной единицы, обладающей совокупностью черт и основных признаков всех ее конкретных реализаций, рассматриваемых как варианты данной единицы (с. 39). Инвариант в таком понимании представляет собой абстрактную модель единицы языка, в которой обобщены ее физические и функциональные свойства, некий идеальный объект, который может быть использован для изучения общих свойств данного ряда предметов и любого предмета, входящего в этот ряд. Но автор почему-то не упоминает о том, что некоторые лингвисты при рассмотрении языковой вариативности приходят к выводу о необходимости отказаться от представления об инварианте / варианте, поскольку, по их мнению, оно не обладает достаточной объяснительной силой и не может с достаточной гибкостью включить все множество эмпирических возможностей. Предлагается при описании вариативности языковых единиц исходить из выделения двух зон: константных признаков единицы и вариативных признаков единицы. Константная зона при этом понимается как конкретный набор характеристик языковой единицы, остающийся неизменным при всех его модификациях в реальных условиях употребления. В варианте конкретной реализации проявляются все константные признаки единицы и часть ее вариантных признаков из общей зоны вариативности, что и формирует конкретный речевой вариант данной единицы. Константная и вариативная части могут видоизменяться по объему, но их наличие обязательно.

В отличие от модели языковой вариативности «инвариант / вариант», в которой инвариант считается единицей языка, а вариант – ее конкретной реализацией в речи, константно-вариантная модель рассматривает константные и вариантные признаки в одной плоскости. Представляется, что константно-вариантная модель не противоречит инвариантно-вариантной, а является ее развитием вширь, в горизонтальной плоскости, при рассмотрении вариантов первого порядка, то есть вариантов, противопоставленных инвариантам в вертикальной плоскости, вариантов конкретных реализаций языковых единиц. При этом речь идет о вариативности не самих языковых единиц, точнее, речевых вариантов единиц, а, скорее, о постоянстве константных и вариативности вариантных признаков речевых единиц, то есть о вариативности второго порядка, вариативности внутри самой единицы. Поскольку теория константности-вариативности разрабатывалась применительно к значению слова, очевидно, что она более уместна при анализе се-

мантического варьирования, в то время как теория инварианта-варианта является общепризнанной для рассмотрения формального варьирования. Под формальным варьированием при этом понимается наличие в языке единиц, имеющих общее или близкое содержание и различающихся, а иногда и не различающихся оттенками значения или другими дополнительными признаками. Это варьирование плана выражения при неизменности (инвариантности) плана содержания. Думается, интересными показались бы результаты анализа проблемы формального варьирования на уровне текста, что практически не изучено в современном языкознании.

Хотелось бы также выяснить вопрос о пределе вариативности. Формальные различия вариантов одного и того же слова не могут быть безграничными. Необходимость узнавания слова предполагает некий предел, за которым различие в форме влечет за собой разрушение тождества языковых единиц. Поиски предела в этом случае обычно связываются с разграничением вариантов одного и того же слова и однокорневых синонимов. В целом для современной лингвистики характерно постепенное сужение понятия «вариантность», в том числе и для понятия «вариант слова» (см. работы В. Виноградова, А. Смирницкого, О. Ахмановой, Н. Шанского, О. Москальской и др.). Несомненно, предел варьирования достаточно сложно определить из-за сложности и зыбкости самого материала, а также из-за непоследовательности лексикографического материала и лексикографической практики. Предел формального варьирования при сохранении тождества слова может быть найден лишь в самой форме. Все другие признаки языковых единиц с одинаковым содержанием (стилистическое различие, особенности в сочетаемости и пр.) факультативны и поэтому не могут являться классифицирующими.

На мой взгляд, следовало более четко показать на используемом автором богатом иллюстративном материале анализа грамматической вариативности, что морфологическим пределом варьирования слова в русском языке служит тождество морфологической структуры и морфемного состава сопоставляемых единиц. Несомненно, проведение этого принципа потребовало бы диахронического подхода, результаты которого далеко не всегда совпадают с формализованным анализом структуры слова. Но это продемонстрировало бы, что для варьирования слова в современном русском языке характерна не строгая смысловая специализация (формальные варианты обычно обнаруживают лишь тяготение к определенным лексическим значениям), а дифференциация вариантов в функциональном плане (стилистическом, сочетаемом, позиционном и т. п.). Основным же различием вариантов слова служит их временное соотношение (старая и новая форма), что, в сущности, определяет и различное отношение к норме, и функциональное своеобразие.

Думается, что понятие словообразовательной инвариантности – это часть общей проблемы языкового изоморфизма плана содержания и плана выражения. Будучи проявлением особого свойства категориальной словообразовательной единицы, согласно которому одному означаемому могут соответствовать разные означающие, словообразовательная инвариантность ассоциируется с понятием словообразовательной синонимии в рамках теории тождества / различия, составляющих основу словообразовательной значимости. В связи с этим одной из ведущих представляется *проблема определения границ словообразовательной инвариантности и синонимии* – универсальных сущностей, изоморфных остальным уровням языка. Поэтому конфликт словообразовательной инвариантности и си-

нонимии не может рассматриваться с позиций поверхностного анализа: его разрешение затрагивает фундаментальные принципы семантики.

Вопрос о соотношении словообразовательной инвариантности и полисемии связан, прежде всего, с вопросом о степени семантической и физической близости сопоставляемых словообразовательных единиц – дериватов. В ряде работ современной лингвистики представлено неправомерное, на мой взгляд, сужение понятия «структурный семантический инвариант» таким образом, что семантическое тождество оказывается по сути его эквивалентом (см.: Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке / И. С. Улуханов. – М., 1977. – С. 9). Для других работ, целенаправленно или интуитивно отражающих структурно-функциональный подход к явлениям языка, характерна тенденция к расширению семантического пространства словообразовательного инварианта (см.: Зенков Г. С. Вопросы теории словообразования / Г. С. Зенков. – Фрунзе, 1969. – 165 с.).

Не вызывает споров косвенно просматриваемое в монографии мнение автора о том, что проблема словообразовательной синонимии имеет подчинённый характер по отношению к проблеме словообразовательной вариантности / инвариантности. Хотелось бы заметить автору монографии следующее. Нельзя не учитывать универсальности явления синонимии, обнаруживающейся на всех уровнях языка. Лингвистическая традиция связывает синонимию не только со стилистическим употреблением, но и со стилистически однородными нейтральными образованиями. Двуприродная сущность единиц языка (план содержания и план выражения) приводит к идее необходимости двусторонней идентификации словообразовательных вариантов (ср. понятие фонемы как конструкта-субстрата акустического образа и понятия у С. К. Шаумяна и синтагмо-фонемы и парадигмо-фонемы у М. В. Панова). Если пределом варьирования словообразовательной семантики является полисемия, то пределом варьирования физической стороны словообразовательной функциональной единицы следует признать синонимию. Словообразовательная синонимия теснейшим образом связана с семантической словообразовательной вариантностью, хотя и не сводится к ней (семантический инвариант может соотноситься с одним словообразовательным типом). Тем более словообразовательная синонимия не может быть ограничена стилистическим аспектом языка, так как представляет собой совокупность словообразовательных типов (производных), которые могут быть сопоставлены одному категориальному словообразовательному значению.

На мой взгляд, следовало остановиться на описании того, что варианты и синонимические форманты обладают рядом тождественных признаков: единством словообразовательного значения, наличием отношений свободной или дополнительной дистрибуции, различной стилистической функцией. Исходя из применяемого когнитивного анализа, следовало показать, что средством разграничения в данном случае служит критерий генетической общности, ощущаемой носителем языка: варианты форманты обладают генетической общностью, для синонимических аффиксов наличие генетических связей безразлично. Последний критерий, однако, нейтрализуется соображениями о необходимости разграничивать диахронический и синхронический подходы в идентификации словообразовательных явлений. Иными словами, понятие вариантности поглощает понятие синонимии, область синонимических суффиксов, интегрирующих в ряд словообразовательных инвариантов, ограничивается требованиями как семантического, так и физического тождества. Иначе говоря, в объём словообразовательного инварианта входит только часть элементов синонимического ряда. Стремление противопоставить варианты и синонимические словообразовательные компоненты

исходит из предположения возможности интеграции их как контрастных оппозитивных явлений, ср.: «От суффиксальных вариантов, являющихся морфемами не только одного и того же значения, но и генетически родственными, следует чётко отграничивать синонимические суффиксы. Синонимическими суффиксами можно назвать такие суффиксы, имеющие общее значение, которые являются или воспринимаются с точки зрения “звукового оформления” как совершенно самостоятельные морфемы» (Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии / Н. М. Шанский. – М., 1959. – С. 93). Противоречивость утверждения снимается в известной степени иллюстративным материалом, свидетельствующим в пользу инклюзивности синонимов по отношению к вариативному словообразовательному ряду (суффиксы *-ние* и *-ение* Н. М. Шанский называет не только генетически родственными, но и синонимическими).

Автор рецензируемой монографии ушел от описания того, что многие модели словообразования существуют как конструктивные рамки, заполняемые в разные периоды истории языка одним и тем же морфемным, но разным лексическим наполнением. Об этом явлении в разной связи писали многие исследователи (В. В. Виноградов, Т. Г. Винокур, О. П. Ермакова, В. Н. Хохлачева, П. А. Соболева, А. Н. Тихонов, Н. Ф. Клименко, Е. А. Карпиловская, Ю. А. Шепель и др.). Следовало, на мой взгляд, показать, что повторное использование морфемной рамки может определяться как историческими изменениями языка (то есть временным параметром), так и дифференциацией иного рода – разграничением сфер употребления в языке одного периода, что может быть связано с условиями функционирования (например, речь официальная / речь неофициальная), а также социальной, профессиональной или иной характеристикой говорящих. Хотелось бы обратить внимание на такой аспект этой проблемы: варьирование в сфере словообразования, порождаемое существованием двух разновидностей литературного русского языка: книжный кодифицированный язык / разговорный язык. Противопоставление КЛЯ / РЯ порождает словообразовательное варьирование разных видов.

Подводя итог своим рассуждениям о рецензируемой монографии С. Л. Попова, отметим: данное исследование еще раз подтверждает бытующее мнение о том, что проблема вариативности языковых единиц в настоящее время является одной из активно разрабатываемых проблем. К языку больше не относятся как к жесткой схеме, порождающей только правильные предложения, а к отклонениям от некоторой непроверяемой, дедуктивной правильности – как к свободному варьированию, которое не заслуживает внимания лингвистов.

Актуальность рассматриваемой автором проблемы состоит, таким образом, в рассмотрении вариативности как общего свойства, заложенного в самом «устройстве» языковой системы, как способа существования и функционирования всех единиц языка и в рассмотрении содержания понятий «вариант» и «инвариант» применительно к единицам разных уровней языковой системы.

Ю. А. Шепель

*доктор филологических наук, профессор,
академик Академии наук высшего образования Украины*

ЗМІСТ

Белозор О. С. Функционирование прилагательного «волшебный» в современной эргонимии.....	3
Высоцкая Т. Н. Номенклатурный знак в системе средств номинации горнотехнических артефактов.....	7
Ким Л. А. Понятие о неизменяемом зависимом компоненте термина и его признаках	11
Мосієвич Л. В. Роль генералізації в утворенні англомовних евфемізмів....	18
Меньшиков И. И. Особенности синтаксической сочетаемости русских субстантиватов	21
Нашиванько О. В. К вопросу о понятийной организации терминосистемы медицинской косметологии	26
Омельяненко В. А. Комбинаторика компонентов рекламного заголовка как средство создания его экспрессии (на материале журнала «Т ₃ »).....	31
Панченко Е. И. Семантико-стилистические особенности нового жанра иронической поэзии	36
Пикалова А. Н. Способы речевого воздействия лектора.....	41
Половинко Е. А. Средства выражения числового значения в русском и французском художественном тексте (на материале «Одесских рассказов» Исаака Бабеля).....	44
Пристайко Т. С. Креативные возможности русской деривации (на материале сложных названий придуманных профессий)	53
Приходько А. Н. Категории «противительность» и «причинность» в единстве и противоположности	63
Сидоренко Е. Н. , Ельцова С. С. Специфика выбора языковых средств при номинации объектов производства	73
Suima I. P. Responsive sentences out of the question-answer system	79
Цілина М. М. Сутність ідеоконцепту в українських радянських фільмонімах золоті колекції вітчизняного кіно.....	83
Шепель Ю. А. Основные тенденции развития современной дериватологии с позиции когнитивизма	87
Шкурко Е. В. Двучленная парадигматико-синтаксическая омонимия в современном русском языке	93
Шпілько І. М. Семантичний розвиток праслов'янської лексики *šaty в сучасних слов'янських мовах	99
Шепель Ю. А. Наличие вариантов в языке и проблема языковой нормы. Изучение конкуренции вариантов как этап в определении тенденций и живых активных процессов в развитии языка (Рецензия на монографию С. Л. Попова «Русская грамматическая вариативность в когнитивно-эволюционном освещении»).....	106

CONTENTS

Belozor O. S. Functioning of the adjective «волшебный» in modern ergonomy	3
Vysotskaya T. N. Nomenclature sign in the mining technical artifacts nomination means system	7
Kim L. A. The notion about unchangeable dependent component of the term and its signs	11
Mosiyevych L. V. The role of generalization in the formation of english euphemisms	18
Menshikov I. I. Peculiarities of the syntactic correspondences of russian substantivised words	21
Nashivanko O. V. Concerning to comprehensive organizational terminological system of medical cosmetology	26
Omelyanenko V. A. Combinatorics of components in the promotional title as a means of creating it's expression (as exemplified in the magazine "Т ₃ ")	31
Panchenko E. I. Semantic and stylistic features of a new genre of ironic poetry	36
Pikalova G. M. Methods of speech influence of lecturer	41
Polovynko O. O. Means of numeric value expression in russian and french literary text (based on the material of «Odessa stories» by Isaac Babel) ..	44
Prystaiko T. S. Russian derivation creative resources (on the material of composite fictitious professions denominations	53
Prykhodko A. N. Categories «adversativity» and «causality» in unity and opposite	63
Sydorenko O. M., Eltsova S. S. Particularity of choice of linguistic means for objects of production nomination	73
Suima I. P. Responsive sentences out of the question-answer system	79
Tsilyna M. M. The essence of the ukrainian soviet ideconcept in filmonims of the golden collection of national cinema	83
Shepel Yu. A. The main trends in the development of word-formation from perspective of the cognitivism	87
Shkurko E. V. Two-member paradigm and syntactic homonymy in the modern russian language	93
Shpitko I. M. Semantic development of the proto-slavic lexeme *šaty in the modern slavic languages	99
Shepel Yu. A. The presence of variants in the language and the problem of linguistic norms. Study options as competition stage in identifying trends and live active processes in language development (Review of the monograph by S.L. Popov «Russian grammatical variation in cognitive-evolutionary light»)	106

Наукове видання

ВІСНИК ДНІПРОПЕТРОВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ

Серія:
МОВОЗНАВСТВО

Заснований у 1993 р.

Випуск 21 (1)

Українською, російською, англійською мовами

*Свідоцтво про державну реєстрацію
друкованого засобу масової інформації
серія КВ № 21031-10831 Р від 24.10.2014 р.*

Редактор А. Я. Пащенко
Коректор А. Я. Пащенко
Оригінал-макет В. В. Спіріна

Підписано до друку 03.06.2015 р. Формат 70х108 ¹/₁₆. Папір офсетний.
Друк плоский. Ум. друк. арк. 10,5. Обл.-вид. арк. 10,0. Ум. фарбовідб. 10,5.
Тираж 100 пр. Зам. № 165.

РВВ ДНУ, просп. Гагаріна, 72, м. Дніпропетровськ, 49010.

ПП «Ліра ЛТД», вул. Погребняка, 25, м. Дніпропетровськ, 49010.

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру
серія ДК № 188 від 19.09.2000 р. Фактична адреса: вул. Наукова, 5